

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2003

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

*Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.*

Редакционный совет:

*А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
С.В. Мошкин
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)*

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*

Заместитель главного редактора *Ю.А. Гиренко*

Ответственный секретарь *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*

Редактор: *Ольга Скрипалёва*

Верстка: *Ольга Козак*

Фото: *Олег Начинкин*

*Издание осуществлено при поддержке
Региональной общественной организации «Открытая Россия»*

Содержание

№ 4 (27) 2003

Событие

- Поздравление
Президента Российской Федерации В.В. Путина* 5
- Речь посла Великобритании Родерика Лайна
по случаю присвоения г-же Елене Немировской почетного звания
офицера Ордена Британской империи 31 октября 2003 г.* 7
- Поздравления* 10

Семинар

- Управление изменениями
Александр Зурабов* 16
- Дискуссия* 25
- Заметки с семинара
Александр Хрусталев* 28

Тема номера

- Политик и журналист: точки взаимодействия
Зоя Ерошок* 30
- Информационный Интернет в современной России
Наталья Лосева* 34
- Российское телевидение: взгляд изнутри
Ирина Лукьянова* 41

XXI век: вызовы и угрозы

- О новом понимании терроризма
Ричард Перл* 44
- Глобальная безопасность: новая повестка дня
Кристофер Донелли* 48
- Общество и армия
Чарльз Гатри* 53

Концепция

- Проклятие России?
Игорь Маскаев* 58

Дискуссия

- Выборы и Выбор
Александр Архангельский* 65

Наш анонс

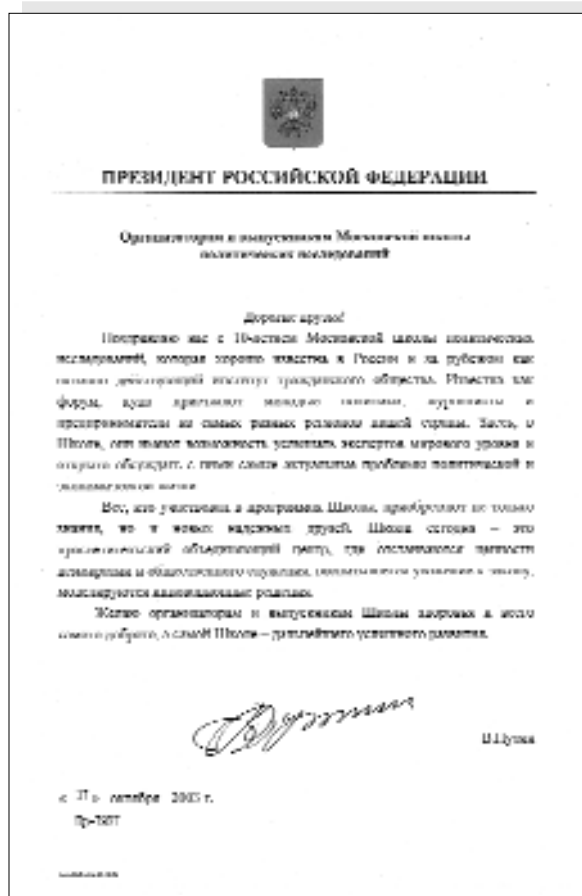
- Наша экономика
Клас Эклунд* 71

<i>Люди в темные времена</i> Ханна Арендт	74
<i>Эссе о призвании политика</i> Габриэль Элофриага Фернандес	76
Свобода и культура	
<i>Свобода и демократия – в России не ценности</i> Александр Волков	78
Новые практики и институты	
<i>Институт развития прессы</i> Ольга Карabanова	86
Личный опыт	
<i>Александр Сысоев: "Иду побеждать!"</i> Ирина Сербина	91
Идеи и понятия	
<i>Глобализация</i> Ирина Бусыгина, Андрей Захаров	93
Из зарубежных изданий	
<i>"Esprit"</i>	98
<i>Смерть идеологии арабского национализма</i> Бенжамин Стофа	99
Книги	
<i>Партии в региональном политическом ландшафте</i> Ирина Бусыгина	104
<i>Региональное книжное обозрение</i> Александр Капишин Евгений Барабанов	107
<i>Контрапункт</i> Александр Архангельский	110
Наш архив	
<i>СМИ и власть</i> Алексей Симонов	114
Nota bene	
<i>В защиту права</i> Борис Кистяковский	120
<i>Ричард Нойштадт</i>	122

В оформлении этого номера использованы работы художников из Германии, Испании, Италии, России, США и Швейцарии.

*Все, кто причастен
к деятельности
Московской школы
политических исследований –
ее основатели, выпускники,
сотрудники и эксперты –
наверняка запомнят
31 октября 2003 года.*

*В этот день
Школу поздравил с 10-летием
Президент
Российской Федерации
Владимир Владимирович
Путин,
и в этот же день основатель
и директор Московской школы
политических исследований
Елена Немировская
была награждена Орденом
Британский империи –
символом рыцарского
достоинства британской
демократии.
Единственный критерий,
по которому присуждается
данная награда –
общественная значимость
заслуг награждаемого.*

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Организаторам и выпускникам Московской школы политических исследований

Дорогие друзья!

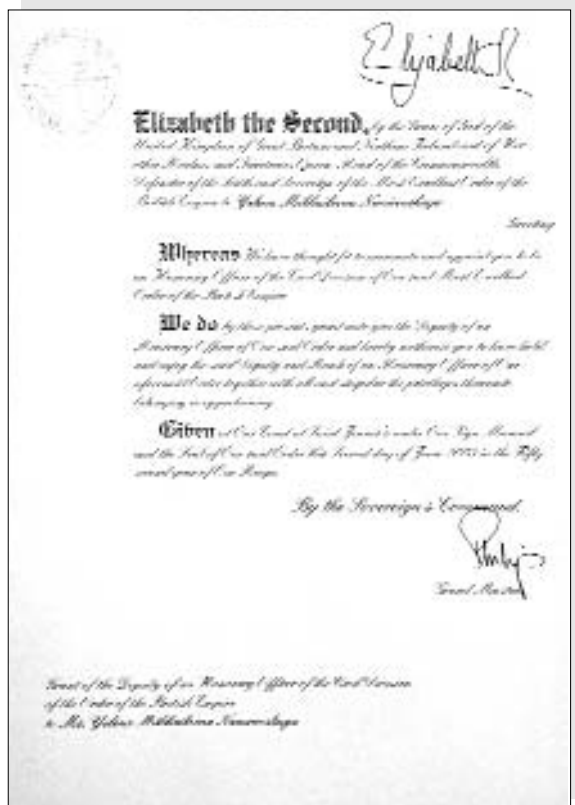
Поздравляю вас с 10-летием Московской школы политических исследований, которая хорошо известна в России и за рубежом, как активно действующий институт гражданского общества. Известна как форум, куда приезжают молодые политики, журналисты и предприниматели из самых разных регионов нашей страны. Здесь, в Школе, они имеют возможность услышать экспертов мирового уровня и открыто обсуждать с ними самые актуальные проблемы политической и экономической жизни.

Все, кто участвовал в программах Школы, приобретают не только знания, но и новых надежных друзей. Школа сегодня – это просветительский объединяющий центр, где отстаиваются ценности демократии и общественного служения, воспитывается уважение к закону, моделируются инновационные решения.

Желаю организаторам и выпускникам Школы здоровья и всего самого доброго, а самой Школе – дальнейшего успешного развития.

В. Путин

31 октября 2003 г.

Елизавета Вторая, Божьей милостью Королева Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также иных владений и территорий, глава Содружества, защитник веры и суверен высочайшего Ордена Британской империи – Елене Михайловне Немировской

Привет

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ, что Мы сочли надлежащим избрать вас почётным офицером гражданского подразделения вышеназванного высочайшего Ордена Британской империи

МЫ настоящей грамотой даруем вам достоинство почётного офицера вышеупомянутого Ордена и уполномочиваем вас нести сие достоинство и звание почётного офицера вышеупомянутого Ордена наряду со всеми и единственными в своём роде привилегиями, определёнными статутом Ордена.

Даровано при Нашем дворе в Сент-Джеймском дворце и скреплено нашей собственноручной подписью и печатью означенного Ордена сего, Второго дня июня 2003 года, в пятьдесят второй год Нашего правления.

По велению суверена Ордена

Принц Филипп
Великий магистр

Грамота, дарующая достоинство Почётного
Офицера Ордена Британской империи
госпоже Елене Михайловне Немировской

Речь посла Великобритании Родерика Лайна

*по случаю присвоения г-же Елене Немировской
почетного звания офицера Ордена Британской империи
31 октября 2003 г.*

Почетный Орден Британской империи был учрежден королем Георгом V в 1917 году, когда многие ее граждане со всего мира доблестно сражались на полях первой мировой войны. Это объясняет его устаревшее название, после того, как империя исчезла, и исторически сложилось так, что данным Орденом награждают тех, кто доблестно служил достижению какой-либо цели. Вначале это был военный орден, но в 1918 году было учреждена его гражданская категория, и с тех пор он вручается также гражданским лицам в качестве признания их выдающихся заслуг на стезе общественной деятельности.

Большинство тех, кого награждают Орденом, являются подданными Великобритании. Однако каждый год, по рекомендации премьер-министра, королева присуждает небольшое число почетных наград гражданам других государств в знак признания их выдающихся заслуг на ниве общественной деятельности в тех случаях, когда эта деятельность имеет отношение к Великобритании.

Елена Михайловна Немировская выдающаяся личность. Ее знают и ею восхищаются все, присутствующие в этом зале. В течение последних одиннадцати лет она посвятила свою жизнь, выдающийся интеллект и энергию не достижению личного богатства и славы, не развлечениям, не заслуженному покою человека, имеющего внуков, а служению идеалу, благородной цели. Слова «деятельность

на общественной стезе» точно выражают то, как Лена провела последние десять лет жизни. И Юра тоже, потому что это тот союз, в котором любовь, поддержка и мудрость Юрия Сенокосова являются основополагающими. Юра должен знать, все мы должны знать, что эта награда является наградой и ему тоже. Что это за дело, которому служит Лена?

Это — патриотизм в его высочайшем проявлении.

Лена посвятила себя тому, чтобы сделать свою страну лучше, более сильной, свободной и мирной.

В то время, когда Россия освобождалась от гнета авторитаризма и репрессий, от которых пострадала ее семья, и я уверен, семьи многих здесь присутствующих, когда Россия переживала период хаоса, вызванного крахом командной экономики, у Лены появилась мечта.

Она мечтала увидеть Россию, в которой демократия, уважение прав человека и крепкая законодательная база позволили бы расцвести талантам, которыми столь богата эта страна. И расцветшие таланты превратили бы Россию в процветающую страну, великую страну — партнера других демократических стран.

Многие люди мечтали об этом. Многие внесли свой вклад в становление российской демократии и содействовали прогрессу, которого здесь добились за последние десять-пятнадцать лет. И многие из этих людей хорошо известны.

Лена была специалистом по истории искусства, основавшим школу демократии. Ее друзьям это казалось прекрасным сном, но я не думаю, что хотя бы кто-то из ее друзей и сторонников в 1991 и 1992 годах понимал, какое влияние будет иметь Московская школа политических исследований. Благодаря тому, что Лена преодолела все преграды на своем пути, Школа стала путеводным маяком для тысяч людей по всей России. Я встречался с молодыми людьми в

отдаленных городах, которые говорили мне, что пребывание в Школе перевернуло их взгляд на жизнь и их отношение к понятию «демократия».

Поэтому Лена оказала огромную услугу своей собственной стране. Но она также оказала огромную услугу и моей стране и многим другим, так как она сблизила нас. Долгосрочное партнерство между Россией и другими европейскими странами, странами «большой восьмерки» требует наличия общих ценностей. Это именно те ценности, которым Московская школа политических исследований обучает своих слушателей из всех регионов России и из-за рубежа.

И последнее.

Изначально Орденом Британской империи награждались люди, которые проявили отвагу, не думая о себе, в окопах первой мировой войны.

Храбрость, моральная отвага, абсолютное отсутствие эгоизма – вот отличительная черта Лены. Она также побывала в окопе, но она проложила путь наверх, пройдя сквозь колючую проволоку и минные поля. Храбрость пионера, исследователя, первопроходца. Это те люди, перед которыми мы все в долгу.

Лена, я говорю это от имени Ваших друзей из Великобритании и из других стран, а также от имени послов Великобритании, которые здесь работали на протяжении последних пятнадцати лет. И заявляю, что мы горды нашими связями с Вами и Юрой и с Московской школой политических исследований, и восхищаемся Вашими достижениями, признанием которых является почетная награда Ее Величества королевы Великобритании.

Желаю Вам долгих лет работы и надеюсь на продолжение нашего сотрудничества!

Поздравления*

Уважаемая Елена Михайловна!

Примите самые теплые и сердечные поздравления с награждением Орденом Британской империи!

Ваша многолетняя неутомимая деятельность, неизменно страстное стремление отдавать все свои силы, профессиональные знания и опыт формированию гражданского общества, воспитанию нового поколения не просто умных, образованных, но самостоятельно мыслящих лидеров – политической и деловой элиты России – по достоинству оценены страной с древнейшими демократическими традициями.

Символично, что этим Орденом изначально награждались военные и гражданские лица, которые внесли значительный вклад в защиту национальных интересов в суровые годы первой мировой войны. В наших условиях, иногда приближенных к боевым, Вы являетесь собой образ и самого стойкого «оловянного солдата», и в то же время – боевого генерала на полях политических баталий. Благодаря Вашей борьбе с невежеством и косностью, дилетантизмом и политическим цинизмом, словом, благодаря Вам, Вашим усилиям, я уверен, нас ожидает тяжело выстраданное, но достойное будущее.

Орден Британской империи – это символ рыцарского достоинства британской демократии. И это прекрасно, что в полку знаменитых «рыцарей без страха и упрека» прибыло, что отныне наряду с Маргарет Тэтчер, Мстиславом Ростроповичем, Стивенном Спилбергом и другими выдающимися личностями, награжденными этим Орденом, мы с гордостью можем произносить и Ваше имя.

Вот уже одиннадцать лет действует Московская школа политических исследований, основателем и директором которой Вы являетесь. Трудно переоценить ее просветительскую миссию. Работая под эгидой Совета Европы с элитной порослью России и других посткоммунистических стран, приглашая на творческие дискуссии ведущих экспертов Европы и Америки, таких как Збигнев Бжезинский, Ричард Пайпс, Альваро Хиль-Роблес, Джордж Сорос и многих других, Вы делаете важнейшее дело – соединяете человеческие миры, объединяете гражданские пространства. Тысячи людей в мире открывают для себя новое лицо российской политики. Ключевая для нашей современности проблема – взаимоотношения между Россией и Западом – постоянно анализируется на Ваших семинарах. И во многом благодаря Вам преодолевается привычный антагонизм, новые поколения политиков уже готовы к новой роли России в мире.

От всей души желаю самого доброго здоровья, успехов и процветания Вам, Вашим соратникам, а также слушателям и выпускникам Вашей Школы! Надеюсь, что с Вашим непосредственным участием нам удастся воспитать в духе верности идеалам свободы и демократии поколение интеллектуальных, творческих, энергичных молодых людей, способных продолжать дело возрождения и развития современной Чувашии и России.

С уважением

Президент Чувашской Республики Н. Федоров
31 октября 2003 года

** Мы публикуем лишь малую часть поступивших поздравительных телеграмм и писем в адрес Елены Михайловны Немифовской в связи с награждением ее Орденом Британской империи.*

Дорогая Елена Михайловна!

Вместе с присоединившимися тюменцами-выпускниками Школы – Валентиной Конюховой, Вячеславом Сидоркиным, Антоном Яшковым, Сергеем Сметанюком – сердечно поздравляем Вас с вручением Ордена Британской империи.

Что такое Школа для всех нас – об этом уже написано бесчисленное количество слов. Для всех вместе – академия современной политики, культуры и духа. Но для каждого в отдельности – еще и какое-то личное, глубинное переживание... Каждый из Ваших учеников и выпускников вынес из Голлицынских, ставших уже родными, стен что-то свое, уникальное, но обязательно для себя очень необходимое. Очень долго наша страна забывала, что общество – не община, не коммуна, не монолит, что оно состоит из Личностей, индивидуумов. И этому тоже – учите Вы и Школа. Быть самими собой. Слушать свой внутренний голос. Пребывать в состоянии постоянного диалога – и с собой, и с миром – и через этот диалог ПРИНИМАТЬ в себя все разнообразие культур, позиций, точек зрения... Только увидев в себе себя, только уважая в себе себя (что запрещало советское государство) –

органично и необходимо начинаешь уважать – такого же, как ты любого, кто рядом. С его собственной личной позицией, с его собственным, отличным от твоего внутренним миром и голосом. Школа – воспитывает в человеке Человека.

Свобода – это и этическое, и мировоззренческое понятие. Я свободен – когда я могу воспринять и принять в себя весь мир, не разделяя его на «свое» и «чужое». Весь мир – в светлых, не негативных и агрессивных его проявлениях, конечно. Мудрость и свобода – в органичном соединении несоединимого, взаимопроникновении и познании... То, о чем говорил Макс Гуревич: личная ответственность за все уровни твоего существования и всех, кто рядом, наступает только тогда, когда всё, что ты видишь, что знаешь – ты ощущаешь СВОИМ.

И Школа еще – учит этому любопытству и азарту. Жадности ко всему новому, к обилию информации. Школа, семинары, эксперты, поездки показывают – сколько всего в этом мире много, и как все это интересно... Школа дарит настоящих друзей и учителей.

Еще одно очень важное понятие и ощущение, которое есть – в Европе и в Школе – энергетика Доброты. Чистоты Духа и мыслей. Может быть, нам так кажется или так хочется. Но именно этого не хватает – и давно не хватает! – нашей стране... Доброты, внутреннего Света... Этому ведь тоже нельзя научить, можно только – научиться, захотеть быть светлым...

Елена Михайловна, заслуга Ваша не только в том, что Вы создали в этой стране, и держите год за годом в своих руках институт гражданского общества, который учит теории и практике либерализма. Огромная Ваша человеческая миссия в том, что Вы – человек Света. И все то, о чем мы говорим – свобода, либеральные ценности, демократия, культура – все это для Вас – не институты и не государственные характеристики, а глубоко личностные переживания. И каждый, кто волей судьбы попадает в Школу, начинает чувствовать так же.

Мудрости Вам и всей школьной команде, спасибо Юрию Петровичу за книги, которые бесценны, за сайт, который делает нас, несмотря на пространство и время – семьей, дает возможность общаться и вместе работать... Так хочется верить, что и в самом деле пять с половиной тысяч Ваших учеников смогут помочь этой бескрайней, мудрой и страшной стране, будут не самой плохой страницей ее летописи. Если на этой дороге от нас действительно что-то зависит – мы сделаем все, что сможем.

С уважением и любовью

Лена Корн-Кондратенко,
Тюмень

Дорогая Лена!

От имени Конгресса муниципальных образований Российской Федерации и всего муниципального сообщества страны поздравляю Московскую школу политических исследований с 10-летием, а Вас, ее основателя и бессменного директора, с награждением Орденом Британской империи.

Желаю Вам и коллективу Школы больших творческих достижений и успешной работы на благо нашей страны.

Секретарь
Конгресса муниципальных образований
Российской Федерации
И.В. Бабичев

Дорогая Лена!

Имею честь жить в стране, история которой знает двух почетных орденосцев Британской империи. При награждении обоих, по разным причинам, я не имел возможности присутствовать, но очень надеюсь, что мне не будет отказано в удовольствии одному и – безусловно, предпочитаемому мною – из орденосцев при личной встрече высказать свои самые искренние поздравления.

Самые добрые пожелания от всего нашего семейства.

Российский общественно-политический центр
Алексей Салмин

Дорогая Лена!

От души поздравляю тебя с наградой. Она более чем заслужена. Желаю тебе столько здоровья, сколько нужно для того, чтобы Школа Немировской превратилась в Школу имени Немировской.

Твой

зам. Председателя Государственной Думы РФ
В. Лукин

Уважаемая Елена Михайловна!

Разрешите поблагодарить за приглашение принять участие в церемонии награждения Вас Орденом Британской империи. От всей души поздравляю с этим знаменательным событием и хочу пожелать Вам новых творческих идей, настойчивости в их воплощении, успеха и оптимизма.

Большого Вам человеческого счастья, крепкого здоровья, благополучия и исполнения заветных желаний.

Российское министерство финансов
Т. Нестеренко

Уважаемая Елена Михайловна!

Не передать слова радости и восторга по случаю награждения Вас высшей наградой – Орденом Британской империи. Это признание Ваших заслуг, Вашего десятилетнего подвижнического труда по созданию в России демократического, гражданского общества. Особенно важно, что эту заслуженную награду Вы получаете в эти тревожные дни. Благополучия Вам, здоровья и успехов во всех Ваших начинаниях.

Sapere aude... Имей мужество пользоваться собственным умом. Таков Ваш последовательный девиз и девиз Московской школы политических исследований.

С искренним уважением, сердечно Ваш

сенатор Иван Стариков,
выпускник и эксперт Школы

Уважаемая Елена Михайловна!

Примите искренние поздравления с награждением Вас Орденом Британской империи. Рада, что Ваша десятилетняя работа отмечена столь высоко. Основанная Вами Школа – это поистине бесценное знание и полезный опыт, и уникальное братство. Горжусь тем, что мне удалось быть сопричастной деятельности Школы и желаю Вам еще больших успехов.

С уважением

выпускница Школы,
депутат Государственной Думы
Н.А. Останина

Уважаемая госпожа Немифовская!

От имени депутатов Вологодской городской Думы примите искренние поздравления по случаю вручения Вам Ордена Британской империи. Высоко ценим Ваши заслуги, которые по достоинству были признаны на международном уровне. Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, не проходящего женского обаяния. Надежды. Веры. Любви. Дальнейших успехов во всех Ваших делах и начинаниях.

С уважением

А. Лукичев, С. Николаев,
Е. Стариков, Е. Перов

Уважаемая Елена Михайловна!

Примите наши искренние поздравления и наилучшие пожелания по случаю вручения Вам высокой награды Ордена Британской империи.

Это высокое признание Вашего неоценимого вклада в становление и развитие демократической культуры, в гражданское просвещение нового политического поколения, распространение либеральных ценностей и идей. В этом Вам помогают глубокие знания, большой опыт, высокие личностные и деловые качества, высокопрофессиональные соратники и друзья.

Мы, выпускники Московской школы политических исследований, с особой гордостью разделяем Вашу радость, и своей профессиональной и общественно-политической деятельностью будем продолжать Ваше дело по формированию открытого, демократического, гражданского общества в нашей стране.

Дорогая Елена Михайловна! Желаем Вам доброго здоровья, счастья, благополучия, благодарных учеников и дальнейших успехов в важной и так необходимой для всех нас работе.

С уважением

Андрей Федотов, Василий Ефимов,
Федор Луковцев, Александр Аммосов,
Алексей Слепцов, Семен Березин
Октябрь 2003 года, Якутск

Уважаемая Елена Михайловна!

Искренне поздравляю Вас с высокой и почетной наградой страны с богатыми демократическими традициями. Вы по праву заслуживаете Ордена Британской империи – символа рыцарского достоинства и британской демократии.

Ваши самые близкие люди пострадали от репрессий и худших проявлений советского режима.

Это не сломило Вас. И когда многие жили с чувством страха и незащищенности, Вы боролись за то, чтобы Россия встала на новый, демократический путь развития.

Сегодня, созданная Вами МШПИ является одним из оплотов демократического просвещения, становления основ либерализма в нашей стране.

Уверен, что тысячи Ваших выпускников, несущих идеи, полученные в Школе, в свои регионы помогут России стать частью цивилизованного мира. Этот процесс уже начался, во многом благодаря Вашему бескорыстному подвижничеству.

Горжусь знакомством с Вами.

Желаю Вам крепкого здоровья, новых успехов, воплощения всего задуманного.

Председатель Пермской городской Думы

Ваш выпускник

Сухих В.А.

Глубокоуважаемая Елена Михайловна!

Коллегия Контрольно-счетной палаты Москвы и выпускники Московской школы политических исследований, работающие в Контрольно-счетной палате Москвы, сердечно поздравляют Вас со знаменательным событием – награждением Орденом Британской империи.

Ваш вклад в развитие гражданского общества и социального контроля над властью в нашей стране невозможно переоценить.

Искренне желаем Вам, глубокоуважаемая Елена Михайловна, и возглавляемой Вами Московской школе политических исследований новых успехов в многогранной и благородной деятельности по развитию гражданского образования в России и подготовке кадров, способных в духе современности решать поставленные задачи.

С глубоким уважением и признательностью

Председатель Контрольно-счетной палаты Москвы

В.А. Двуреченских

Дорогая Елена Михайловна!

Сердечно поздравляя с наградой, желаю Вам здоровья и успехов на том нелегком, но благородном поприще, которое Вы для себя избрали. Это огромный вызов даже для очень сильного человека, но Вы идете по выбранному Пути с вызывающими восхищение легкостью и изяществом. Много новых учеников-единомышленников Вам, новых друзей, новых горизонтов, новых возможностей и много-много терпения, сил, понимания и отклика!

С уважением

Светлана Науменко,

выпускница Школы 2000 года

Главное юридическое управление
Аппарата Верховной Рады Украины

Уважаемая Елена Михайловна!

Люди выбирают себе профессию в силу разных причин. Но одно бесспорно – каким бы ни было избранное поприще, успеха в нем добьется только тот, кто по-настоящему полюбил свое дело, для которого оно станет не просто специальностью – смыслом, целью жизни, судьбой. Таких не много, но именно они – гордость профессии и своей страны! Примите искренние поздравления с присуждением Вам Ордена Британской империи! Вы по праву заняли почетное место рядом с выдающимися личностями, в разное время

получившими эту высокую награду. Как основатель и директор Московской школы политических исследований, Вы привнесли своей многолетней неутомимой деятельностью неоценимый вклад в дело воспитания политиков нового поколения – деловой элиты Родины. Я верю, что выпускники МШПИ, окрыленные знаниями и опытом своих преподавателей, принесут еще большую гордость и славу Вам и Школе.

От всей души желаю Вам благополучия, здоровья, оптимизма и процветания, пусть Вам всегда сопутствует удача в решении сложных, стоящих перед Вами задач, в достижении намеченных целей!

Пусть рядом с Вами всегда будут надежные коллеги и верные друзья, люди, общение с которыми доставляло бы Вам радость и удовольствие!

Ваш выпускник,
депутат Государственной Думы Томской области
Ч. Акатаев

Лена!

Искренне и сердечно поздравляем тебя с такой замечательной и необычной наградой!

Ты прямо как первая женщина-космонавт,

только это еще серьезнее. Замечательно, что именно – первая, да еще в таком ряду, как Тэтчер, Рейган и другие выдающиеся деятели мировой политики. И мы считаем, что очень даже заслуженно: ваша Школа – чрезвычайно необычное явление в жизни нашего общества и чрезвычайно полезное. Все здорово! Юру тоже сердечно поздравляем!

Это, конечно же, ваше общее дело и общая заслуга. Думаю, что он еще и духовно вдохновлял тебя, Лена, на подвиги, не говоря уже о практической повседневной поддержке. Вы просто молодцы, настоящие новаторы и дети, и творцы НОВОЙ РОССИИ. Хочется говорить какие-то высокие слова, потому что событие такого вот высокого порядка. Дружески обнимаем и целуем.

Ваши Волковы

Дорогая Лена!

Надеюсь вскоре увидеть Вас в Соединённых Штатах. Но мне хочется уже сейчас выразить свои самые искренние поздравления в связи с возведением Вас в достоинство почётного офицера Ордена Британской империи.

Это замечательное признание Вашей работы по развитию и руководству Московской школой политических исследований – работы, которой все мы не перестаём восхищаться.

Пожалуйста, примите мои сердечные поздравления в связи с получением этой высокой награды.

С наилучшими пожеланиями.

Искренне Ваш

Томас Р. Пикеринг
Компания «Боинг»
Вице-президент

*Александр Зурабов,
Председатель
совета директоров –
Президент компании
«Аэрофлот – Российские
авиалинии»*

Управление изменениями*

Для чего нужны изменения? Зачем лидерам, которые изменения инициируют, нужен этот риск? Каким должен быть результат изменений? И вообще, изменение – это процесс или результат?

Ричард Фарсон в книге «Менеджмент абсурда» говорит: «Парадокс в том, что чем лучше у организации или у всего общества идут дела, тем худшее впечатление они производят». Менеджер, осуществляющий изменения, ожидает, что люди будут ему благодарны за сделанные улучшения, но это одно из самых распространенных заблуждений. И, как правило, после изменений, недовольство не уменьшается, а, скорее, возрастает.

Известный психолог Абрахам Маслоу советовал менеджерам: чтобы оценить, как идут дела в организации, надо не просто фиксировать наличие или отсутствие в ней жалоб, но оценивать характер и качество этих жалоб. Первоначально, когда необходимость изменений более или менее очевидна всем, в организациях существуют жалобы самого простого типа. Маслоу назвал их «жалобами по поводу дефицитных потребностей» – условий труда, уровня заработной платы и так далее. По мере того, как организация развивается и переходит на новый уровень, качество жалоб начинает меняться. Маслоу определил, что в здоровой организации количество жалоб не будет меньше, но изменится их характер. Появляется то, что называется «метаворчанием» – ворчанием по поводу того, что я не могу полностью себя реализовать, мне не дают воплощать мои идеи и так далее. Это и есть характеристика здоровой организации. Таким образом, начиная изменения, лидеры должны четко отдавать себе отчет, что изменения приведут не к упрощению ситуации в компании, а к усложнению управления. Управление переходит на более высокий уровень. Выпуская джина изменений из бутылки, всякий лидер должен очень хорошо подумать, нужно ли ему это.

Почему сегодня об изменениях в компаниях говорят намного интенсивнее, чем прежде? Что стоит за потребностью в изменениях и за поиском способов внесения изменений в компании?

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голлицыно, 23 июля 2003 года.*

Во-первых, происходит «взрывное» развитие конкуренции. Рушатся все виды монополии, кроме интеллектуальной. В советское время, в Москве существовало три престижных ресторана «Националь», «Метрополь» и «Прага», и они конкурировали только между собой. Сегодня в столице огромное количество — ресторанов, кафе, предприятий быстрого питания и так далее. И они конкурируют не только между собой, но и с производителями продуктов быстрого приготовления, включая домашнюю кухню. Так что предприниматель, открывающий, например, новое кафе, невольно вступает в конкуренцию с огромным количеством разного рода бизнесов и видов деятельности, связанных с питанием.

Второе — развитие Интернета, которое привело к тому, что возник прямой диалог между производителем и потребителем. Через Интернет можно приобретать товары, покупать авиабилеты, бронировать гостиницу и так далее. Там, где раньше было большое количество посредников, сегодня компания ведет диалог напрямую с миллионами потребителей. И потребитель задает компании вопрос: а чем ты, собственно, отличаешься от другого? Почему я должен покупать у тебя, а не у кого-то еще?

Далее, информационная революция, которая фактически сделала компании полностью прозрачными. Раньше информационная политика компаний состояла в подготовке пресс-релизов, в которых вдумчиво и неторопливо рассказывалось о том, что компании хотели рассказать. Сегодня этот традиционный подход чреват полным сумасшествием в подразделениях по связям со средствами массовой информации. Проходит 10 минут после завершения заседания совета директоров, а на лентах агентств уже есть информация о том, что там было.

Приведу пример из жизни. Моя знакомая недавно готовилась выйти замуж и собира-

ла информацию, где лучше сыграть свадьбу. Она нашла несколько сайтов, на которых люди делятся своими соображениями о том, где хорошо, а где плохо устраивать

...начиная изменения, лидеры должны четко отдавать себе отчет, что изменения приведут не к упрощению ситуации в компании, а к усложнению управления. Управление переходит на более высокий уровень

свадьбы. И вот она читает, что в таком-то ресторане кухня неплохая, музыка нормальная, но вот официант пару раз что-то не так сделал — и решает в этот ресторан не ходить. И директор ресторана об этом никогда не узнает! Компания стала абсолютно прозрачной, независимо от желания своего директора. Теперь, если человек, работающий с клиентом, не разделяет подход и ценности руководителя, не участвует в общем процессе привлечения и удержания клиента, то предприятие, скорее всего, обречено — вне зависимости от желания самых умных, самых толковых руководителей.

Еще один момент, подталкивающий компанию к изменениям — резкое увеличение скорости бизнеса. От принятия решения о выпуске нового товара до самого выпуска проходят не месяцы и годы, как раньше, а дни. Сама по себе способность произвести тот или иной товар уже давно не является конкурентным преимуществом. Главным становится генерирование новых идей, а не способность вообще что-то сделать.

И последнее — особенности деловой среды в России. Россия, пройдя первое десятилетие рыночной экономики, подошла к известному пределу. Те люди, которые создавали бизнес на начальном этапе, в большинстве своем к сегодняшнему моменту исчерпали свою способность генерировать новое. И это не значит, что они плохие или интел-

лектуально неспособные — просто работает естественный закон развития. Успешный менеджер вчерашнего дня не может отказаться от желания повторить основные компоненты прошлого успеха еще раз, у него возникает — вольно или невольно — высокий уровень зашоренности. Глядя сегодня на многие российские компании, я отчетливо вижу утомление, психологическую усталость, эмоциональный спад. Это говорит о том, что их развитие подошло к моменту, когда нужно что-то фундаментально менять.

Давайте рассмотрим проблему развития и изменения на примере всем известной сказки о Буратино, поглядев на нее глазами менеджеров.

Тортилла. Профессия — стратегический инвестор. У нее в руках колоссальный актив — золотой ключик. Она сама его не использует, ее цель — инвестировать актив в хороший проект. Характеристика — опытна (помните Рину Зеленую?), ответственна и умеет работать с чужими деньгами (не дает золотой ключик кому попало). При принятии инвестиционных решений полагается на интуицию, что характеризует ее как очень высококачественного специалиста. Особые приметы — позитивна, стремится к гармонии.

Дуремар. Профессия — индивидуальный предприниматель с традиционными методами ведения бизнеса. Такой self-made man. Модель бизнеса построена на защите естественной монополии: другого пруда нет (во всяком случае, мы не знаем), а этот пруд он оккупировал, и все пивки его. Основной метод управления — контроль над текущим денежным потоком. У него нет ни бухгалтерии, ни дистрибуции. Он пивок выловил, продал, положил деньги в карман и сидит на денежном потоке. В этом смысле — абсолютно управляемая компания. Особые характеристики — не способен делегировать ответственность и полномочия, практикует обман потребителя, не думает о расширении бизнеса. Мы ведь ни разу не слышали, чтобы он размышлял о том, чтобы пивок подкормить, либо новый

пруд освоить — ему достаточно того, что он имеет.

Карабас-Барабас. Профессия — крупный успешный бизнесмен. Характеристика бизнеса — пользуется спросом у населения (когда он въезжает в город, все горожане выбегают, радостно его приветствуя). У него большой коллектив, авторитет среди профессионалов (на стене висят грамоты «Профессор кукольных наук» и т.п.). Личная характеристика — богатый, гибкий, восприимчивый, волевой, при работе с персоналом опирается на авторитарный тип руководства. И что очень важно — чувствует ограниченность собственной модели бизнеса. У него есть деньги, у него есть все, но он уже устал, он уже не придумывает вторую пьесу. То, что делают актеры, его утомляет, ему не интересно. И он это понимает прекрасно. Особые приметы — бывает сентиментален — внимание! — ищет счастья, понимая, что оно не в деньгах. Именно он знает про золотой ключик.

Буратино. Вид деятельности — современный проектный менеджер. Цель — заниматься тем, что интересно, и приносить радость и счастье другим. Деньги не являются главным в его жизни, хотя смысл денег он прекрасно понимает. Характеристика — молод, целеустремлен, жизнерадостен, креативен, не отступает от своих жизненных принципов. Особые приметы — любит и умеет работать в позитивной среде, которую сам и создает. И кстати, обратите внимание, что Буратино был единственным участником процесса, который в период сказки два раза «поднял деньги». Один раз он получил от Карабаса пять золотых («Возьми, иди к своему папе, и только никуда не уезжайте из вашей каморки»). Во второй раз он получил золотой ключик. Деньги нужны Буратино, чтобы отдать папе долг. Но есть сверхзадача, которую он перед собой ставит — ему совершенно неинтересно просто взять деньги и отнести папе. Он тут же ставит другую задачу: целое дерево монет! Нельзя сказать, что в каждом своем действии он успешен, но он позитивен, у него есть сверхзадача, и, он эту сверхзадачу решает.

Команда Буратино. Они все самостоятельны, они не подчиняются ему, как начальнику, они все очень разные. Они увлекаются эмоциональной заряженностью Буратино, однако взвешенно относятся к его новаторским идеям. Отсюда — проблемы с Мальвиной и Артемоном. Это профессионалы, которые заряжаются эмоцией, но при этом не уступают свои профессиональные позиции. Их работа в команде Буратино построена не на слепом подчинении лидеру, а на том, что они разделяют его большую цель.

Джузеппе по прозвищу Синий Нос. Профессия — инвестиционный аналитик. Он ходит и канючит: Буратино не то сделал, не так сделал и тому подобное. Его цель — дать оценку, опираясь на принятую практику. Его советы очень правильные, выверенные: Буратино должен идти в школу, чтобы выучиться. Характеристика — своих денег не имеет, потому, что не готов идти на риск. Странник традиционных подходов к ведению бизнеса, поэтому, отслеживая поведение Буратино, в силу его неординарности, как правило, ошибается. Что достаточно часто встречается, когда мы имеем дело с инвестиционными аналитиками. Такой

аналитик исходит из мысли, что завтра будет то же самое, что вчера.

Теперь давайте рассмотрим внимательнее двух предпринимателей, две инвестиционные истории.

Дуремар. Частное предприятие, ориентированное на локальный рынок. Технология несложная и отлаженная. Высокий профессионализм — пивовар умеет ловить ловко. Товар пользуется спросом у населения, на рынке нет конкуренции, поскольку бизнес основан на естественной монополии. Нет очевидных угроз текущему бизнесу. Налаженная система сбыта: сам поймал, сам продал, сам получил деньги. Отсутствие социальных проблем в коллективе, ввиду отсутствия коллектива. Зарабатываемые деньги отправляются на потребление, а не на расширение производства. Наиболее вероятная рекомендация инвестиционных аналитиков — «продавать».

Карабас. Серьезный ритейловый бизнес, ориентированный на потребителя, технологически сложный; есть сильный брэнд и устойчивая клиентская база, сильный маркетинг, харизматический лидер, большой и сложный коллектив, поддержка властей (он апеллирует к имени Тарабарского короля). Нет очевидных угроз текущему бизне-

су, нет недостатка в оборотных средствах. Наиболее вероятная рекомендация инвестиционных аналитиков — «покупать».

Каковы, на мой взгляд, перспективы и варианты развития этих двух моделей бизнеса?

Дуремар. При спокойном развитии конъюнктуры бизнесу ничего не угрожает. Образно говоря, пивок на его жизнь может хватить вполне. Может быть, удастся скопить некую сумму денег и впоследствии жить на сбережения. Продать бизнес, скорее всего, не удастся. При развитии конкуренции — как прямой, так и непрямой (например, в случае появления «Аптекарской сети 37,2», которая предлагает другие виды лекарств или новых ловцов пивок) — перспективы бизнеса незавидны. У него нет системы защиты бизнеса. Незавидны перспективы бизнеса и в случае, скажем, покупки пруда крупным предпринимателем. Карабас может договориться с властями, купить пруд и сделать там аквапарк. Дуремару нечего будет ему противопоставить. Возможные рекомендации на сегодняшний день — либо приватизировать пруд, либо начать превентивную борьбу с импортом зарубежных медикаментов под лозунгом «Покупай отечественное», либо найти прикрытие с целью ограничить посягательства конкурентов на его пруд.

Карабас. В силу напряженной социальной обстановки и текучки кадров (Мальвина с Артемоном уже ушли), а также демотивации сотрудников можно ожидать ухудшения качества продукции и снижения спроса. Одновременно начнутся меры по сокращению издержек: затрат на покупку костюмов, реквизита; одновременно — введение мер по поддержанию дисциплины (покупка новой плетки), дополнительные расходы на PR. Вполне логично смотрится в этой ситуации покупка медиа-активов, замена ключевых артистов артистами второго плана, попытка получить орден от Тарабарского короля, добавление в название театра слов «национальное достояние», введение в состав Совета директоров «Господина мужественного полицейского дежурного» и так далее. Это общие перспективы.

Итак, есть два бизнесмена — Дуремар и Карабас. Между ними существует одно фундаментальное различие, хотя оба они на текущий момент успешны: разные перспективы развития. Перспективы модификации бизнеса Карабаса в том, что у него есть тайна, то есть стремление к чему-то большему, чем текущий бизнес. И в этом смысле его предрасположенность к изменениям потенциально намного выше, чем у Дуремара. Другой вопрос — окажется ли он способным эти изменения запустить?

Что произошло в сказке? Золотой ключик достался Буратино, а не Карабасу. Почему институциональный инвестор Тортилла в итоге отдала его Буратино? Она предлагала ключик Дуремару, но Дуремар этим не заинтересовался. Спросил только: «А много ли золота в твоём ключике?». Карабас же оказался не в состоянии совладать с изменениями, которые в кукольном театре были инициированы Буратино. Он расценил Буратино как угрозу для себя и потому начал борьбу с ним. Хотя на самом деле Буратино для Карабаса угрозой не является — это проектный менеджер, который приходит решать задачу. Особенность Буратино в том, что он, не будучи специалистом в предмете (он ведь даже в школу не ходил), тем не менее, как человек с эмоциональной заряженностью и позитивной мотивацией, оказывается в состоянии окружить себя профессионалами и добиться решения задачи, которую Карабас решить в принципе не может. И Карабас, то есть владелец бизнеса, подошедший в своем развитии к известному барьеру, должен был понять, что источником следующего этапа развития для него будет не его гениальность, а способность находить такого рода проектных менеджеров. Ни один из профессионалов в сказке не способен найти ключик. Только люди типа Буратино, у которых нет ограничений в поиске, могут развернуть бизнес на любой угол в пределах 360 градусов. Они трижды ошибутся, но в четвертом подходе найдут решение. Только люди с высокими ценностными планками, которыми не поступаются, с очень высокой позитивной мотивацией и

заряженностью способны инициировать и проводить изменения в компаниях.

Традиционная опасность, которую руководители типа Карабаса предполагают в связи с этим: «Сейчас я этого Буратино поддержу, а он потом займет мое место». Полная ерунда. Буратино никогда не сможет быть директором кукольного театра! Он ничего не понимает в бухгалтерии, в управлении персоналом, в охране, в массе других вопросов — и никогда понимать не будет. Если у Карабаса хватит ума заключить контракт с Буратино, удовлетворив его потребность в самореализации и некоторый (не очень, кстати, большой) уровень материального обеспечения, то не только Буратино, но и Карабас от этого выиграет. Иначе будет как в сказке: Карабас потерял команду, репутацию, бороду, перспективы бизнеса. Буратино с командой друзей, Папой Карло и Джузеппе готов начать новый проект в чрезвычайно благоприятных условиях. Замечу в скобках, что Дуремар при этом не потерял ничего.

А о каких изменениях, собственно, идет речь в подобного рода ситуациях? Возвращаясь к тому, что я говорил о российском бизнесе сегодня, надо сказать, что состояние Карабаса наблюдается у очень многих. Возникает вопрос: а что надо искать, какие изменения нужно проводить? Эта проблема касается не только России, весь мир думает о том, как надо строить стратегию.

На мой взгляд, конечно, наиболее важным является поиск *стратегического конкурентного преимущества* компании. Майкл Портер — если не самый, то один из самых авторитетных специалистов в области изменений — говорит, что найти свою правильную стратегию означает не стремление быть самым быстрым в общем забеге, а создание ситуации, когда ты бежишь один в соревновании, которое сам и придумал.

Основа конкурентного стратегического преимущества любой компании — люди, которые в ней работают. Именно конкретные

люди определенным образом собранные вместе в состоянии делать то, что другие не повторят. И если уходят ключевые сотрудники компании, то какой бы ни была сила брэнда, она моментально начнет рассыпаться

Основа конкурентного стратегического преимущества любой компании — люди, которые в ней работают

Поэтому задача лидеров прежде всего в том, чтобы находить внутри компании или вне ее (как в случае с Буратино) катализаторов поиска тех способностей и умений, которые сегодня еще не проявились в своем лучшем виде. Нужен проектный менеджер, который может заразить своим позитивом и своими эмоциями. Очень часто, разговаривая с профессионалами, сталкиваешься с неверием: «Да мы пробовали, но здесь вообще сделать ничего нельзя». И, как правило, изменить такое настроение может не руководитель, а люди одного уровня с профессионалами, сами не являющиеся профессионалами, свободные и имеющие право задавать вопрос: а почему так нельзя?

И тут выясняется, что если находится некоторое количество людей, согласных подумать — а почему, собственно, нельзя? — то процесс изменения может начаться.

Представьте: руководители в тиши своих кабинетов при помощи консультантов разрабатывают новые предложения для компании, новую корпоративную стратегию. Обычный консультант говорит: «А вот теперь мы вам будем помогать выстраивать коммуникативную стратегию. Вы будете доносить до сотрудников, в чем суть вашей стратегии». Мой опыт показывает, что такая попытка заранее обречена. Во-первых, руководитель говорит с сотрудниками на разных языках. Во-вторых, сотрудников не интересует прибыль компании, отдача на капитал, инвестиционная привлекательность компании. Когда руководители выходят в аудиторию, насчитывающую человек

Луиза Буржуа. Без названия. 1952

триста, с рассказом о стратегии, то неважно, о чем они говорят — важно, как говорят. Неважно, какие цифры будут названы, важно, если после такой встречи подойдет дватри человека из трехсот, которые скажут: «То, что вы говорили, очень интересно. Можно я попробую с вами поработать?».

Задача лидеров — находить в коллективе людей, которые на основе общих ценностей значительно более высокого порядка, чем операционная эффективность компании, готовы встать рядом с лидером и сказать: «Давайте попробуем это сделать».

Чем можно привлечь этих людей? Как ни странно, в первую очередь ценностной парадигмой самого лидера. Когда речь идет о переменах, важна смена ценностной парадигмы в компании. Не потому что предыдущая была плохой, а потому что она свое отработала. В идеальном случае ценностные ориентиры компании меняются в соответствии с ценностными ориентирами лидера, который начинает изменения. И если найдется некое количество людей, готовых разделять эти ценности, то процесс изменения запущен.

Приведу пример из практики «Аэрофлота». Компания очень непростая для управления. У нее огромная история, опыт, сильнейший брэнд. Для авиационных перевозчиков это обычное дело — авиация окружена какой-то магией. Бизнес часто небольшой и совершенно не доходный, но об авиации говорят все. Кроме того, имидж всех национальных перевозчиков неотделим от характеристик страны.

Некоторое время тому назад мы стали размышлять о том, что может стать нашим стратегическим преимуществом? Поиск такого преимущества, по сути, и стал эквивалентен поиску новой стратегии.

Одна из характеристик России, российского человека — гостеприимство. Гостеприимство для россиян — это не феномен материальный или технологический, это феномен отношений между людьми, но он может выражаться и через материальный, и через технологический компонент. Особенность русского гостеприимства в том, что люди

отдают все, что у них есть. Мы начали думать: можно ли подобный подход использовать в нашей, в общем-то, рутинной деятельности?

Обслуживание самолета — вещь очень технологически сложная, там огромное количество сложных приборов и устройств. Даже пассажирское кресло имеет несколько десятков элементов, которые должны работать. Любые традиционные способы организации обслуживания техники, должностные инструкции, карты контроля не приводят к ситуации, при которой на борту все работает. По расчетам специалистов в среднем на борту работает 80 процентов оборудования, предназначенного для обслуживания пассажиров. И когда мы стали на это же смотреть глазами пассажира, то оказалось: если у кресла не работает только подножка, то кресло исправно, даже если все остальное работает. И если так считать, то процент существенно другой. Это было открытием для наших техников и инженеров.

В своем поиске мы пришли к проекту, который назвали «Хозяйка борта». Предварительно проведя большое количество встреч с бортпроводниками и другими членами экипажей, говоря с ними не о технологиях, а о ценностных вопросах. И при этом в конце встреч предлагали им взять самолет на собственный мониторинг. Нельзя сказать, что это было просто, первые трое согласившихся пошли на колоссальный риск. В итоге получилось, что те, кто еще два месяца назад высчитывал полетное время с точностью до 15 минут и требовал после этого доплаты, войдя в проект, стали работать по 12 часов в день при сохранении средней заработной платы. Они приходили на свой самолет в 5 утра, перед вылетом в первый рейс, и встречали его в полночь, когда он возвращался из последнего рейса. Это был их самолет!

Российский человек преобразается, когда относится к чему-то, как к своему. Не к своему в смысле личного владения, а к своему — в смысле личной ответственности. У нас в связи с этим произошло множество почти фольклорных историй. Немцы, которые ре-

монтируют часть нашего флота, удивленно говорили: «Ну как объяснить этим русским женщинам, что это не новый самолет! А они отвечают: должен быть как новый!». Отдельно — масса историй о том, как эти люди работали «по горизонтали» — с техниками, например. Сначала это был один самолет, потом их было три, потом девять, потом стало 18. Потом — проект пришлось закрыть.

С проектом получилось вот что. Люди, включившиеся в него — «Буратино» — приходили к техникам и говорили: вот это кресло надо починить, а вот этот туалет отмыть так, чтобы там не пахло. Те отвечают: невозможно! Тогда «Буратино» находят среди техников таких же, как они сами, и те делают. Но это — несколько человек, а тысячи — против. И «Буратино» говорят лидеру: а ты готов нас защитить? Мы эмоционально открылись, мы душу вкладываем, а вы готовы нас защитить от реакции окружающих? Набор критической массы изменений — вещь чрезвычайно непростая. Стали приводить очень логичные, очень убедительные возражения. Говорят: ведь хозяйка борта — не специалист, у нас есть техники, они сейчас пишут новую технологию, там будет описан весь процесс... И формально не возразишь. Хозяйка борта действительно ведь не знает, какую гайку крутить, и почему надо так, а не по-другому. Но она хозяйка!

Всегда, когда запускаешь серьезное изменение, возникает на каком-то этапе «монстр перемен». Когда у компании дела плохи, люди более или менее терпимо относятся к изменениям. Может быть, они их в массе своей не поддерживают, но говорят: «Ну, раз ничего не сделаешь, раз мы на грани банкротства, то ладно». Но как только жизнь налаживается, как только вы отходите от края пропасти, монстр перемен просыпается. Он многолик и разнообразен. И со всей своей мощью начинает тормозить перемены. В нашем случае сработало именно это обстоятельство. Но проект, несомненно, был успешным, мы нашли источник стратегического конкурентного преимущества российской компании.

У «Аэрофлота» в 1999 году, после кризиса, когда все перевозки упали, итоги деятельности по международным стандартам бухгалтерского учета были минус 60 млн. долларов. В 2000 году — уже плюс 8, в 2001-м — плюс 20, а в 2002-м — плюс 90. Жизнь-то налаживается — какие перемены?! Зачем выпускать джинна из бутылки? Вы только усложняете себе жизнь. Вы думаете, что люди будут вас за это хвалить? Не будут.

Таким образом, решая те или иные проблемы, вы в лучшем случае порождаете недовольство более высокого порядка, с которым работать все сложнее. И вы вынуждены себя подтягивать, потому что, как лидеру, вам нужно будет работать с сильными, самодостаточными и уверенными людьми. По мировой статистике 90 процентов компаний, которые сформулировали свою стратегию развития, оказались не в состоянии ее реализовать. Успех зависит от лидеров, а лидерству невозможно научить. В уже упомянутой мною книге «Менеджмент абсурда» рассказывается о таком эксперименте: людям надо было выразить свою мысль так, чтобы собеседник подтвердил: да, именно это я имею в виду. Это было трудно. По мере того, как наступала ясность, дискуссия угасала, потому что людям становилось неинтересно. Когда мы общаемся, я не могу рассчитывать на точное понимание другими того, что я хочу сказать. Поскольку обычно все слышат лишь то, что корреспондирует с их представлениями, и отторгается все остальное. Так что лидер не должен впадать в иллюзию, что если он четко сформулировал задачу, эта задача будет затем выполнена. Так не бывает. Если вам удастся сделать так, что 10–15 процентов запланированного развивается, считайте себя успешным. Лидеру нужно найти определенное количество людей, находящихся с ним в одном, ценностном и эмоциональном ряду. Как их выбирать — это искусство лидера. И материальная сторона здесь не главное. Хотя куртку, конечно, нужно папе Карло вернуть.

Дискуссия

Владимир Мужаровский, директор проектов, компания «К&К», Мурманская область. — Большое спасибо. Я действительно сейчас переживаю подъем, потому что Буратино — это моя профессия и повседневная жизнь. Мне кажется, что каждая компания, которая поднимается выше уровня Дуремара и становится более развитой, разветвленной, и ее руководители видят какую-то перспективу — должна быть готова к встрече с Буратино, а после этого — с «монстром перемен». Но руководитель не должен думать, открывать ли бутылку — он должен ее открывать. Иначе не будет спиралевидного подъема — то есть либо вниз, либо вверх. И если перемена прошла, надо готовиться к следующей. Этот процесс должен быть непрерывным. Перемены должны чередоваться.

Евгений Скоморохов, руководитель компании «Новый идеал», Алтайский край. — Я, в отличие от Володи, Карабас-Барабас. За 12 с лишним лет меня «монстр перемен» несколько раз поедал, но я научился выходить из этой ситуации. У меня есть собственное прочтение сказки: Буратино — неблагодарный сын, шарлатан, авантюрист, который при первом удобном случае все легко полученное вкладывает не туда, куда нужно. А Тортилла — не инвестор, а просто добрый человек, уставший от жизни, которая увидела, что это парень, в общем-то, неплохой, плохого он в принципе сделать не может. И она дала ему шанс. Он его использовал. А Карабас-Барабас в конце концов остался и без мечты, и без ключика, и без бизнеса. Бизнес, как и политика, это постоянное творчество.

Александр Зурабов. — Я и не предполагал, что у меня есть единственно возможная интерпретация. Но! Вы можете по-разному называть Буратино, факт в том, что он сделал то, чего не сделал никто другой. А то, что он иной, нежели вы, что в этом плохого? Не надо искать себе помощников, похожих на вас. Надо, наоборот, искать категорически непохожих. И тогда есть шанс, что придет успех — у вас ресурс увеличится. Поэтому очень важен позитивный настрой к людям типа Буратино. Без такого настроя ресурс развития будет чрезвычайно ограничен.

Василий Гвоздев, депутат Ульяновской городской Думы. — Я на сегодняшний день Дуремар, но, вернувшись домой, обязательно постараюсь найти двух «Буратин», как минимум. А вопрос у меня серьезный. Вот есть Ульяновск, «Авиастар», есть Самара, есть Воронеж, есть Казань. Что происходит с нашими авиационными крупными заводами? Почему целые города, зависимые от них, находятся сегодня в упадке, и все это отражается на налогооблагаемой базе и в целом — на российском Авиапроме. Что у нас происходит? Есть ли какие-то перспективы развития?

Александр Зурабов. — Понимаете, проблема сегодня, и это начинает становиться общим мнением, состоит не столько в том, что у нас не производят модели самолетов, разработанные в 80-е годы, что у них качество хуже, двигатели не те и прочее. Не в этом проблема. Ключевая проблема, как это ни парадоксально, находится в отрасли авиаперевозок. Компания «Аэрофлот» в конце 80-х

перевозила свыше 130 млн. пассажиров, уровень, который в наши дни не достиг ни одной компанией в мире. В «Аэрофлоте» было гигантское количество самолетов, а сегодня вся отрасль перевозит 26 млн. Произошло гигантское сокращение спроса на авиаперевозки. По разным причинам: это и покупательная способность, и снижение мобильности населения и так далее и тому подобное. Если говорить в экономических терминах, то предложение провозных емкостей сегодня многократно превышает спрос. Российским компаниям не нужны новые самолеты. У них у забора стоит огромное количество, кстати говоря, технически не совсем бесполезных машин. Это не характеристика — плохо это или хорошо, просто так сложилось. В начале 90-х годов произошел колоссальный кризис в авиации, который и привел к этой гигантской диспропорции спроса и предложения. Сегодня цены на авиаперевозки находятся на фантастически низком уровне. Например, из Москвы в Турцию вы можете слетать за 70 долларов туда и обратно. Все это вместе взятое и привело к структурному кризису модели ведения бизнеса. Ведь, что такое кризис? Кризис это фактически смена исчерпавшей себя модели ведения бизнеса. Так вот, перевозка сегодня практически себя исчерпала. Как бы вы не считали — дальность полетов, количество посадок, как хотите, вы не выйдете на количество большее, чем 200 самолетов, которые необходимы, чтобы перевезти 26 млн. пассажиров. Это четкий предел спроса. А отсюда и максимальный заказ российской авиапромышленности на ближайшие 10–15 лет — 200 самолетов разного типа.

Что же касается модели ведения бизнеса, то она выглядит так. Она состоит из двух частей: определенного количества регулярных рейсов и из основного источника доходов от чартерных перевозок в период высокого спроса. Для нормального бизнеса — это абсурд. Самолет стоит на земле 9 месяцев, потом поднимается, три месяца летает и потом снова становится на землю. Но ведь все это имеет капитальную стоимость. Вам за каждый час простоя надо платить. Сейчас — не нужно. Но придется. Если учесть, что главная стоимость любой компании — это сеть полетов. Именно от этого фактора зависит ее эффективность. Так что, если завтра российская авиакомпания со средним налетом 5 часов возьмет новый самолет, неважно — российского или нероссийского производства, — то летать ей будет некуда. Потому что у нее модель такая сложилась: в Москву и обратно. Ну, слетал 3 часа туда, 3 обратно, а дальше что? А у тебя лизинг капает каждый час. Поэтому та модель, которая сформировалась, она подошла, как я сказал уже, к своему барьеру. Нужно выстраивать такую сеть маршрутов, которая позволяла бы эксплуатировать самолет максимально.

Ирина Дрожина, администрация Тюменской области. — Область, в которой я живу, очень специфична, авиация в нашей области — это большая проблема и большая боль. В этой связи у меня вопрос: как специалист, видите ли вы какой-то иной путь развития и обновления авиационного транспорта, помимо лизинга? А если это единственный вариант, то насколько мешает сегодня правовой механизм лизинга такому развитию?

Александр Зурабов. — Вы знаете, к сожалению, мы очень часто подвержены созданию каких-то химер, и сами же потом с этим боремся. Да нет никакой проблемы лизинга. Есть проблема некредитоспособности заемщика. Что такое лизинг? Это тот же кредит, только вид сбоку. Ни одна российская компания, под черкиваю, ни одна, кроме «Аэрофлота», не публикует пока своего баланса, да же по российским стандартам, не говоря уже о международных.

Алексей Клешко, депутат Законодательного собрания Красноярского края. — Я хотел бы сказать о критической массе людей, способных поддерживать изменения. В этом смысле вопрос человеческого ресурса имеет принципиальное значение. Вы пытались как-нибудь прикинуть, каков должен быть процент людей, поддерживающих изменения, для того чтобы перемены приобретали устойчивый характер? Какие меры поддержки таких людей должны предприниматься теми, кто инициирует изменения? Например, ваши «хозяева борта», что с ними сейчас? Потому что, судя по тому, что вы рассказывали, их сейчас должны сжирать все подряд. Есть ли какая-то ответственность руководства, которое вовлекло людей в этот процесс?

Александр Зурабов. — По поводу людей, занятых в проекте, вопрос сложный и очень точный. Этим людям не очень просто, часть их ушла из компании. Вольно или невольно, проект дал им внутреннюю свободу, они почувствовали, что могут делать совершенно удивительные вещи — встали и пошли. Компания от этого потеряла, они выиграли. Сказать, что жизнь стала для них легче, нельзя. Они просто стали другими.

Сколько нужно людей? В принципе, не очень много. Эксперт бы сказал — максимум 3–5 процентов от общего количества. Парадокс состоит в том, что, когда мы говорим об изменениях, мы апеллируем чаще всего к огромному количеству людей, которые работают в компании или вокруг нас. Вот они, дескать, должны меняться. На самом деле самыми подверженными переменам являются лидеры. Года полтора назад мы в «Аэрофлоте» решили запустить еще один проект — один из большого количества проектов, нацеленных на изменение компании. Не буду останавливаться на его подробностях, но в результате мы поняли: ценно не само изменение, проведенное в компании, а умение компании делать изменения, всегда, когда они нужны.

Заметки с семинара

Всего полтора месяца разделили день окончания июньского семинара Школы с началом июльского, но как изменилось отношение слушателей к заявленной программе! Государственные силовые структуры своими действиями значительно повысили интерес к сессиям Михаила Ходорковского, Кахи Бендукидзе, Сергея Недорослева. Начал семинар постоянный эксперт Школы Гуннар Веттерберг. Глава политического департамента Шведской конфедерации профессиональных союзов говорил об изменениях в социальной политике своей страны, но его основные тезисы, так или иначе, находили отзвук в выступлениях других экспертов. В частности, К. Бендукидзе на близких и понятных примерах показал, что сложившаяся практика субсидий направлена на помощь богатым — и никоим образом не способствует нормальному развитию спо-

собностей обычного гражданина.

Владимир Рыжков, открывая российскую часть программы, дал содержательный анализ «реформы Козака» — рассматриваемых Думой законов о местном самоуправлении и федеральном устройстве России. Его сессия установила планку «российской программы». По этому поводу один из слушателей заметил, что в современной России наступило время «сдержанного оптимизма профессионалов», которые добились возможности творчески делать свое дело, плоды которого востребованы обществом. И начальник Федерального Казначейства Татьяна Нестеренко, и председатель Совета директоров «Аэрофлота» Александр Зурабов, и президент группы компаний «КАСКОЛ» Сергей Недорослев — яркие представители класса профессионалов, подтверждением чему стали проведенные ими сессии. Выступления Михаила Ходорковского ожидали с большим нетерпением*. Выступ-

ление состояло из двух частей: доклада о социальной ответственности бизнеса и освещения событий вокруг кампании «ЮКОС». Тогда еще председатель правления НК «ЮКОС» подробно отвечал на многочисленные вопросы слушателей. По его мнению, крупный бизнес в нашей стране вынужден отстаивать политические интересы, и речь должна идти только о методах, которые он может себе позволить... Он заявил: «Конечно, в решении политических вопросов крупным бизнесом не могут использоваться действия, нарушающие как законодательство страны, так и производственные функции, ради которых он был создан».

Об экономической ситуации в России говорили Исполнительный директор Нобелевского фонда (Швеция) Михаил Сульман и научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин. Их выводы дополняли друг друга: тип экономики России — переходный с большой долей

* Оно будет опубликовано в следующем номере «Общей тетради». — Прим. ред.

экспорта сырьевых ресурсов; существующая экономическая стабильность — итог проводимых с 1992 года реформ (плюс — благоприятная конъюнктура мирового рынка); необходимо развивать банковскую систему и думать о долгосрочных экономических перспективах.

На семинаре выступил также лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский. Как и год назад, его выступление завершало один из учебных дней, но сложилось впечатление, что перед аудиторией выступал другой человек. Только достаточно резкие вопросы и реплики из зала выводили политика из расслабленного состояния. При этом видный политик пообещал, что через несколько лет «Яблоко» станет самой крупной либеральной партией России.

Заочную дискуссию по внешнеполитическим вопросам открыла сессия заместителя директора московского Центра Карнеги Дмитрия Тренина. Рассматривая мировое сообщество в свете закончившейся войны в Ираке, постоянный эксперт Школы четко определил роли основных «фигурантов» мировой политики — США, Западной Европы, России и Китая — в сложившемся мироустройстве, где существует реальная общая угроза — международный терроризм. Его сторонниками и оппонентами стали: советник Президента США по вопро-

сам обороны Ричард Перл, декан Хумперовского института общественных отношений Университета Миннесоты Брайан Этвуд, известный экономист лорд Роберт Скиддельски, посол Великобритании в России сэр Родерик Лайн, директор Центра европейских реформ Чарльз Грант. При этом часть британских экспертов серьезно разошлась с коллегами из Нового Света в оценке роли США в современном мире. Европейцы заподозрили Америку в новом империализме!

Исламскую проблему, которую невозможно не учитывать ни во внутренних делах, ни во внешнеполитической деятельности многих государств, подробно осветил член научного совета московского Центра Карнеги Алексей Малашенко. Понимание растущей значимости и влияния мусульманского мира во всех глобальных процессах, происходящих на нашей планете, является залогом решения многих мировых проблем. Разговор о «глобальном исламе» послужил мостом между темами нескольких сессий. В частности, о глобализации, которая в современном виде не устраивает мусульманские страны, рассуждали член парламента Великобритании Джон Гуммер и Председатель фракции либеральных демократов в палате лордов, профессор Гарвард-

ского университета баронесса Ширли Вильямс.

Свое реноме самого известного и значимого на Западе исследователя истории России подтвердил профессор Гарвардского университета Ричард Пайпс. Его тщательный, спокойный и взвешенный анализ исторических корней русского либерализма дал не только богатейший материал для осмысления прошлого, но и бесценную «информацию к размышлению» современным политикам России — для терпеливого и серьезного обдумывания.

На июльском семинаре слушателям был представлен опыт развитой демократии Швейцарии в вопросах местного самоуправления. Опыт «государства автономий» Испании в достижении консенсуса. Опыт парламентаризма Великобритании. Опыт федеративного устройства Германии и роли политических партий в современном обществе... Серьезный и ценный опыт! Но лейтмотивом всех выступлений было простое и понятное утверждение: только на нас самих, на гражданах России лежит ответственность за будущее нас самих и нашей страны. Как правило, самые простые мысли особенно трудны для восприятия.

*Александр Хрусталеv,
выпускник Школы 2002 года
(Ленинградская область)*

Зоя Ерошок,
обозреватель «Новой газеты»

Политик и журналист: точки взаимодействия

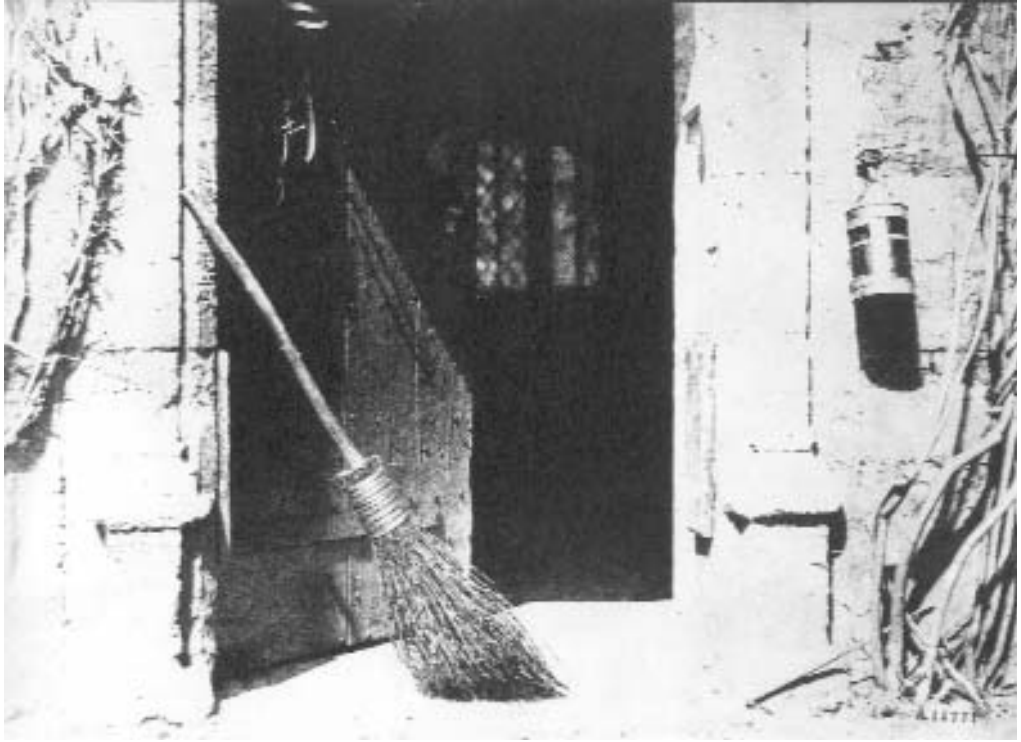
Должна сразу оговориться: речь пойдет и о политике, и о журналисте, как о личностях. Понимаю, это не просто условная ситуация, а идеальная, почти невозможная. Но предварительные встречи между реальным и идеальным очень важны. Потому что без них погружение в реальность, какая она есть, опасно. Запас идеальности — это такой запас прочности, золотой запас, как счастливое детство. Если у человека было счастливое детство, то как бы потом его жизнь не складывалась, все, что родом из счастливого детства — отсутствие комплексов, легкость, свобода, открытость — обязательно помогут ему продержаться.

Что такое личность? Я не знаю лучшей формулировки, чем у Мераба Мамардашвили: личность — это форма и способ бытия, особое состояние жизни, находка ее эволюции. Это человек с четко очерченным личностным хребтом, туго натянутая струна духа и характера. Человек, в котором есть порода. Порода крупная.

Без личности, нет демократии. Без личности гибнет общество. Как сказал Иосиф Бродский: в настоящей трагедии гибнет не солист — в настоящей трагедии гибнет хор. Поэтому — долг и ответственность политика и журналиста в самих себе воспитать, вырастить личность. А потом высмотреть *луч личного в безличной толпе*. Может быть, «серых мышек» от этого и не станет меньше, но они будут знать свое место.

Кстати, о месте. Соотношение личностей и не личностей, умных и глупых людей в каждой стране примерно одинаково. Нет умных народов или стран, состоящих исключительно из личностей. Но тень, как сказано у Евгения Шварца, должна знать свое место. А у нас нынче тень, увы, — своего места не знает. Отсюда — переклест, перебор некачественной желтой прессы и буйных, но не интересных даже в своей буйности, политиков.

Среди наших политиков и журналистов больше инфантильных, чем взрослых и ответственных людей. Взрослые по возрасту — не взрослые по уму и по характеру. Или бодрячки — вопреки реальности — оптимисты, или циники-тусовщики. Или старенькие, усталые пионеры, или молодые пенсионеры. Это не возрастная усталость. Это какой-то недуг души. Не повзрослевшие, ничего не испытывавшие в жизни, ничего не вынесшие из встреч с людьми, из прочитанных книг, из пережитых чувств. Когда-то не вырастили душу — и смирились с этим. Ито, что и политики, и журналисты рекомендуют как жилье для души, совершенно

Уильям Генри Фокс Толбот. Открытая дверь. 1844

непригодно. И просто как жилье, а для души — тем более.

Между тем, спрос на вождей продолжается. Он, правда, какой-то вялый, но, с другой стороны, откуда возьмется драйв, если «ровное течение времени вдруг разливаясь мутным половодьем, и наши подвалы затопляет история»? Как в этих антисанитарных общественных условиях политику и журналисту найти точки взаимодействия? Мне кажется, возвращением в нормальность. В иррациональную нормальность, а не рациональную. Обсуждая ситуацию с ЮКОСом, многие говорят: это нормально, что неравенство вызывает реакцию зависти. Но это рациональная нормальность. А есть еще иррациональная нормальность. Люди, испытавшие в жизни сильные чувства, вне зависимости бедны они или богаты, могут понять человека, которым движет страсть, темперамент, талант. Можно завидовать, но легче и благороднее испытывать восхищение. Восхищение спасает от зависти! И тогда в душе не останется чего-то мелкого, недостойного, злобного.

Суть «иррациональной нормы» — в превосходстве деталей над обобщением. В превосходстве части, которая больше и живее целого. В превосходстве мелочи, которую человек вдруг замечает и приветствует дружеским кивком. Владимир Набоков писал: «Я снимаю шляпу перед героем, который врывается в горящий дом и спасает соседского ребенка — и я жму ему руку, если пять драгоценных секунд он потратил на поиски и спасение любимой игрушки этого ребенка». Мне кажется, вот та точка взаимодействия, которая может журналистов объединять с политиками: напряженное внимание к детали, к подробности, в которой и есть сама жизнь. Видеть жизнь в подробностях, видеть людей в подробностях. Настаивать на частности человеческого существования. На одиноких голосах, на отдельных людях. Бежать толпы.

Я понимаю, что политик должен гнаться за избирателем, а журналист — за тиражом. Но и для политика, и для журналиста важно качество: качество людей, качество отношений, качество сообщества. Когда в прошлом, 2002 году, «Новую газету» пытались

закрывать, то абсолютно каждая газета, абсолютно каждый телевизионный канал в России нас поддержал. Все СМИ отечественные, и многие за рубежом. Мы почувствовали журналистское сообщество, состоящее

...взаимодействовать мы можем только через диалог, через внятный, профессиональный, яркий, талантливый язык и через время

из отдельных людей. На нашу сторону встали даже те, кто не в восторге от «Новой газеты». А вот когда началась история с ЮКОСом, в бизнес-сообществе этого не произошло. И дело не в баррикадах, а во внятной позиции.

Мне кажется, если политики, журналисты и бизнесмены будут искать, отмечать и поощрять в человеке ощущение индивидуальности, уникальности и отдельности, тогда луч личного в безличной толпе может быть найден. Мы должны быть этим озабочены. *Не выпуском сериальной души, а сохранностью индивидуального секрета.*

Еще одна из возможных точек взаимодействия политика и журналиста: *реакция на движение времени.* Совпадение реакции на системные, событийные, метафизические вещи. Тогда, несмотря на всю нашу разность, будет узнавание и приветствие. Да, взаимодействовать мы можем только через диалог, через внятный, профессиональный, яркий, талантливый языки через время. И политик, и журналист должны помочь человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе предшественников и современников. Помочь избежать тавтологии, повтора. Сохраниться не растиражированным.

А у нас, увы, растиражированные тусовщики-политики, тусовщики-журналисты, тусовщики-менеджеры. Такой междусобойчик тусовщиков. На телевидении, в газетах, журналах, в жизни — претензия, имитация. Почти ничего серьезного, ответственного, глубокого, индивидуального. Просто люди вошли в обойму, пейзаж, контекст, и оттуда их уже не выпихнешь. А дальше — клонирование. Подрастает новое поколение, кото-

рое демагогию советскую заменяет демагогией псевдодемократической. Одни «забубоны» вместо других.

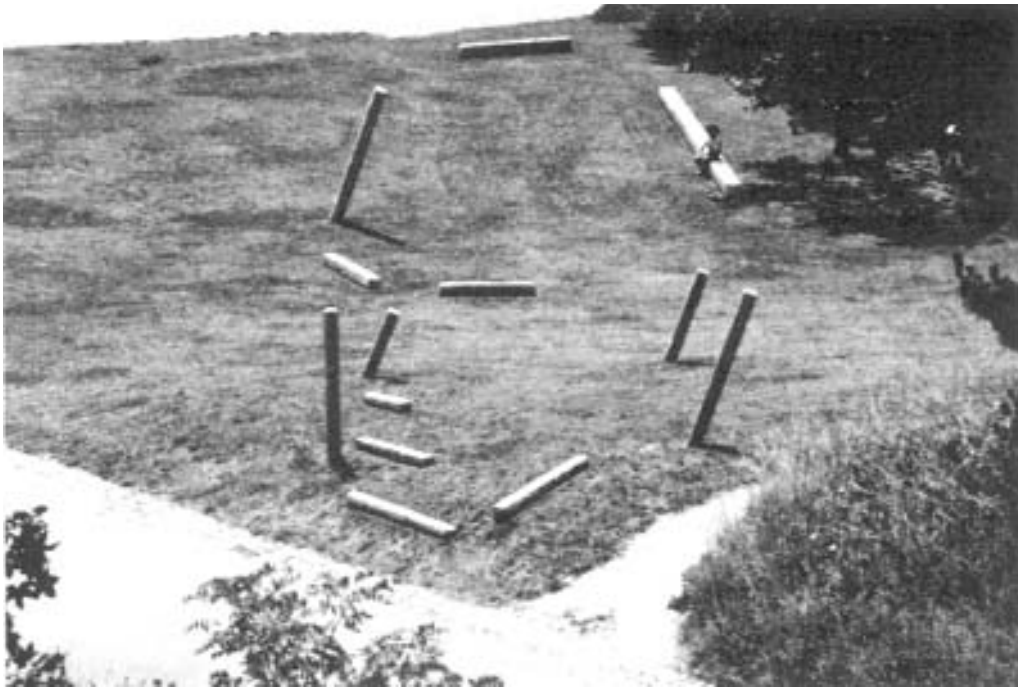
Вот только два примера политиков, которые сами вырастили в себе личность.

Сэр Уинстон Черчилль никогда не пользовался общественным транспортом. По утрам ждал, пока слуга выдает ему зубную пасту на зубную щетку. Курил и пил неумеренно. То есть был баррином, страшно далеким от народа. Но во вторую мировую войну он стал «народ-

ным Уинни». И не сам себе присвоил этот титул, так люди его называли, соотечественники. У него никогда не было спичрайтеров, он писал сам, и даже получил Нобелевскую премию по литературе. Он бывал бит, и очень сильно. Выиграв войну, тут же проиграл выборы. Благородная Англия испугалась, что Черчилль слишком сильная личность и перенесет военные методы на мирную жизнь. Но он пережил и это. Не коллекционировал обиды, а вернулся победителем — вновь стал премьер-министром в возрасте 77 лет.

Маргарет Тэтчер не любила журналистов. Фразу «в свободном обществе должна быть свободная пресса» произносила, стиснув зубы. Но произносила! То, что сделала «Великая Мэгги», она сама называла народным капитализмом. Миллион рабочих мест, которые были созданы для малого и среднего бизнеса, и миллион британцев, которые выкупили, приватизировали свои муниципальные дома — это только один из многих результатов ее деятельности. «Коллективное бессознательное» заставило ее уйти. Но вот в октябре 2002-го леди Тэтчер присутствовала на праздновании десятилетия Московской школы политических исследований в Сомерсет-хаусе в Лондоне. Там собрались двести самых значительных и ярких политиков и бизнесменов Лондона. Среди них были и те, которые ее коллективно «ели» (поодиночке бы не удалось). Одиннадцать лет как она уже «пенсионер». Но как все ее слушали, как все ей внимали, как боялись даже шелохнуться!

Так вот, если позволите, совет политикам: будьте личностями, и тогда журналисты са-

Маркус Рэтц. Голова. 1984

ми за вами побегут. И вы будете выбирать, кому из них давать интервью. А журналистам, себе в первую очередь, я говорю: не суетитесь, не бегайте за политиками, абы что урвать, не становитесь обслуживающим персоналом ни для политиков, ни для олигархов, не будьте никогда и ни для кого «подстилкой», не говорите «чего изволите?». Если ваши интересы совпадают — тогда, да, из этого что-то может выйти. Но это должно быть общение на равных. Тогда и политики, и олигархи сочтут за честь дать вам интервью.

Итак, политик и журналист — сегодня это не состоявшееся партнерство. Но, мне кажется, есть не только ростки, но и возможности роста. Если мы будем вместе воспитывать вкус и уровень и у себя, и у избирателей, и у читателей, *то не станем очередных демагогов принимать за очередных полубогов*. Мы будем думать и о своем качестве, и о качестве тех людей, с которыми общаемся. Не будем бояться личности. А будем восхищаться и тянуться. Все время надо расти, тянуться за кем-то. *Восхищение продуктивно*.

Поэтому не надо бояться, что, если избиратели будут личностями, они не воспримут

политиков, а если читатели — личности, то не будут читать наши материалы. Нет, это взаимный процесс, взаимное воспитание. Мы — это те, с кем общаемся. Что-то низкопробное, некачественное может тебе передаться. Зло заразно. Несчастье заразно. Почетный статус жертвы заразен. И в то же время очень заразительно добро. Заразителен ум. Заразителен талант.

Но самое главное: мы — это то, что внутри нас. Что есть наша суть. Наша внутренняя жизнь. Наше внутреннее слово. Оно может быть письменным или устным. Важно, чтобы совпадало то, что мы говорим и исповедуем.

Чтобы найти точки взаимодействия, надо понимать, в какой точке находишься ты сам. Моя самая любимая на свете подруга Полина Немировская (мама Лены) когда-то мне сказала: самое главное в этой жизни — *держатъ день*.

Нужно держать себя в форме. Держать в точке профессии. Держать в человеческой норме. И тогда и политикам, и журналистам друг с другом будет всегда интересно и тревожно. И никогда — скучно и противно.

*Наталья Лосева,
руководитель
интернет-редакции
газеты «Известия»*

Информационный Интернет в современной России

Мы все имеем определенное представление о законах и форматах, существующих в традиционных средствах массовой информации. Они возникли раньше, чем мы пришли в профессию. Гораздо более туманная и, я думаю, более интересная область — информационный Интернет. Возникает миллион вопросов, мифов, недооценок или, наоборот, переоценок этой новой среды на фоне ощущения, что ее уже не избежать. Мы не можем выбросить информационный Интернет из своей жизни и деятельности, политической или журналистской. И мы должны попытаться понять, что же за удивительный подарок — от Бога или от дьявола — нам дала жизнь.

Эта среда, которая сейчас находится в периоде своего формирования, уже прошла некоторые этапы болезни роста и начала самостоятельно формировать свои законы. И в то же время она меняется каждый день. Я бы сформулировала четыре основных вопроса, которые считаю наиболее важными. Первый: нужно ли уже сейчас всерьез учитывать интернет-среду и интернет-СМИ, планируя информационное представительство политика, бизнесмена, любой публичной фигуры? Второй: какие основные мифы и предубеждения существуют сейчас в отношении информационного Интернета? Третий: какие особенности и уникальные возможности открывает Интернет, как площадка для продвижения идеи, политического брэнда, послания, может быть даже миссии? Четвертый: какие опасности нам готовит эта новая среда и можно ли как-то их избежать?

Итак, первое. Сегодня уже можно всерьез говорить, что ни одна предвыборная и ни одна информационная кампания в любом регионе Российской Федерации не может обойтись без Интернета. В этом году российский Интернет («Рунет», как мы его называем сокращенно) пережил очень важное событие. Мы преодолели важный психологический 10-процентный барьер. 10 процентов от общего населения страны являются пользователями Интернета. Соответственно, для той части населения, которая активно потребляет информацию, этот процент гораздо выше. Безусловно, он распределен крайне неравномерно. Ниже я скажу о некоторых феноменах распространения информации, переадресации информации из Интернета в офф-лайн-СМИ для регионов с разным типом охвата интернет-читателей.

Интернет-СМИ отличаются от других средств массовой информации очень важным моментом: они обладают категорически высоким коэффициентом цитирования. Такой индекс цитируемости не присущ сегодня ни одному из средств массовой информации в других форматах. Во-вторых, Интернет по-прежнему остается одной из самых малозатратных форм продвижения информации о событии, о персоне и для построения какой-либо кампании. Речь идет не только о размещении каких-то материалов, проведении какой-то активной или текущей кампании для политика или для брэнда, но и в принципе Интернет-СМИ требует опреде-

Не будет сейчас уважающее себя средство массовой информации пользоваться теми ресурсами Интернета, которые были замечены в «сливе», которые ведут политику спекуляций на компромате

ленных затрат в момент создания и для раскрутки, а потом обслуживается достаточно незатратно. И третье, самое главное, на мой взгляд. Ни одно средство массовой информации не создает такого ощущения открытости, диалога, контакта — ощущения услышанности. Здесь нет посредников, нет двойных и тройных этапов или препятствий для диалога, когда все происходит достаточно быстро, искренне — и оттого убедительно.

Естественно, как всякая новая формирующаяся среда, Интернет переболел всеми недугами роста. Безусловно, информационный Интернет на своем раннем этапе пережил в самой острой форме анархические симптомы разгула, информационной разнузданности, безответственности, провокации в самом нехорошем смысле. Но, как среда, во многом естественная и нерегулируемая извне, Интернет, как все классические формы биогеоценоза, сумел отрегулировать самостоятельно. Интернет стал сам себя регулировать: вырабатывать мораль взаимоотношений, мораль своего послания и мораль спроса. «Слив», безнаказанность, безответственность и маргинальность перестали быть отличительной чертой информационного Интернета. Безусловно, «чернуха» осталась как факт, но уже не обладая ни эффективностью, ни популярностью, ни востребованностью. «Слив», откровенный компромат больше не только не эффективны, но и категорически вредны для персонажа или структуры, который приходит для представительства в интернет-формате.

Это хорошо видно на примере развития нескольких когда-то очень популярных в Интернете сайтов — comproamat.ru, stringer.ru и так далее. Они достаточно профессионально, активно и кропотливо работали со всякого рода «компроматом». Сейчас эти средства массовой информации имеют цитируемость, близкую к нулю. Средства массовой информации, которые сейчас лидируют, считают крайне не респектабельным и опасным давать своим читателям ссылки на подобные ресурсы. Буквально в самые первые дни кризиса с «ЮКОСом», когда индекс цитируемости всякой информации об этих событиях был очень высок, на сайте comproamat.ru появилась распечатка телефонных разговоров двух достаточно высокопоставленных лиц. Причем, было видно, что это не «джинса», а настоящая распечатка. В разговоре назывались события, фамилии; обсуждалось, что и как будет. Строго говоря, это был документ, который любое средство массовой информации имело право использовать и могло удачно «разыграть». Но ни одно средство массовой информации в Интернете (во всяком случае, из первой двадчатки самых читаемых) и, тем более, ни одно традиционное средство массовой информации не воспользо-

вались этим документом. Просто потому, что он НЕ в том месте был опубликован. Не будет сейчас уважающее себя средство массовой информации пользоваться теми ресурсами Интернета, которые были замечены в «сливе», которые ведут политику спекуляций на компромате. То есть, из-за того, что Интернет пережил острые формы

Интернет сегодня располагает достаточно качественной аудиторией, чтобы работать с ним по тем же законам, по которым вы работаете с традиционными средствами массовой информации

анархии, «слива» и «чернухи», неприятие таких явлений у пользователя Интернета гораздо больше, чем в других средствах массовой информации.

Миф второй: Интернет все еще не эффективен или гораздо менее эффективен традиционных средств массовой информации ввиду

малочисленности пользователей. Этот миф опровергается теми цифрами, которые я назвала чуть раньше. Достигнут достаточно высокий процент пользователей и высокая цитируемость, то есть распространение информации из Интернета в традиционные СМИ, которые охватывают даже того читателя, который не является традиционным потребителем интернет-информации.

У интернет-СМИ высокая точность попадания к своему читателю, которую дает инструментарий, называемый «таргетированием». Интернет позволяет таким образом настроить информационный формат, чтобы он был обращен только к определенному региону. «Газету.ру» или «Известия.ру» может читать весь мир, но информация, имеющая региональное значение, будет направлена в тот регион, в котором она максимально востребована. Это нужно учитывать, ведя предвыборную или иную информационную кампанию.

Есть еще очень интересный феномен, который выравнивает неравномерное распределение интернетизации в стране. Просчитано и подтверждено, что в тех регионах, где процент пользователей информационного Интернета ниже, чем в среднем по стране, местные традиционные средства массовой информации в большей степени цитируют интернет-СМИ. Имеет место компенсаторный эффект.

Миф третий – о том, что Интернет пережевывает вторичную информацию и сам по себе является только вторичным носителем. В начале ситуация, действительно, была такой, но в последние полтора-два года она изменилась самым кардинальным образом. Сегодня именно интернет-СМИ, особенно в период горячих новостей, являются первыми носителями информации. Это связано, в частности, с тем, что информационные агентства открыли свои ленты и представляют гораздо больше в Интернете, чем в каких-либо других формах. Технологически Интернет готов реагировать на любое событие гораздо быстрее, чем любые другие СМИ, даже телевидение. Интернет-СМИ уже вышли из периода делания продукта «на коленке». Появились деньги, появились статус и репутация. Сейчас интернет-СМИ формируют собственный штат репортеров. Мне кажется, это очень правильный момент, потому что на какое-то время многие СМИ ушли от репортерской работы и перешли к некому рирайту и мониторингу. В период, когда Интернет стал активно развиваться, и в нем стала появляться оперативная информация, журналистам из бумажных или телевизионных СМИ было достаточно не выезжать на события или на интервью, а пользоваться информацией агентств. Интернет, в силу

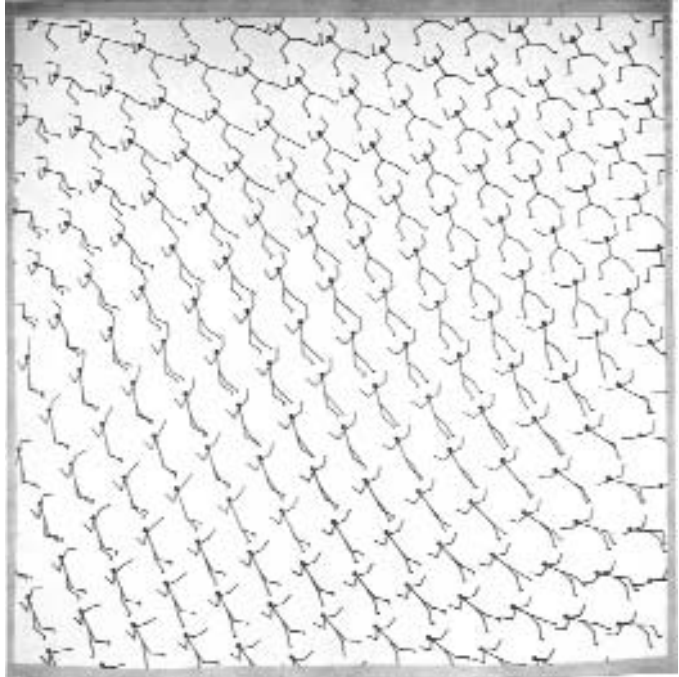
своей максимальной технологической оперативности, вынуждает другие СМИ конкурировать, как мы говорим, «ногами журналистов». Это очень здорово, потому что общая репортерская планка поднимается, и именно через Интернет-журналистику.

Офф-лайновые СМИ – телевидение, радио, газеты – сейчас не только цитируют новости и аналитику – бывает так, что сами события рождаются в Интернете и становятся поводом для новостей в традиционных СМИ. Во время иракской войны на страничке третьего уровня одного из интернет-СМИ, появился загадочный персонаж, который был представлен «никней-

мом» Рамзай. Этот человек каждый день выкладывал свой прогноз о том, что произойдет в Ираке на следующий день – и он подтверждался. Мы до сих пор не знаем, кто это был, но суть в том, что это событие родилось в Интернете. В течение нескольких дней этот персонаж и его деятельность были одной из ключевых тем для НТВ, ТВС и нескольких газет. Таких примеров сейчас уже много.

Миф четвертый: аудиторию Интернета составляют подростки и маргинальные личности. К несчастью, последние два года нет исследований Гэллапа по Рунету, но появились другие компании, которые ведут очень интересное профессиональное изучение аудитории русскоязычного Интернета. В марте вышел доклад «Комкона», из которого мы узнали, что среди менеджеров и лиц, принимающих решения, количество людей, читающих газету «КоммерсантЪ», меньше, чем количество людей, читающих интернет-представительства, например, «Известий». В интернет-аудитории за последний год произошли интересные возрастные изменения. Самый большой рост русскоязычной аудитории в Интернете показала возрастная категория после 55 лет. Выросла аудитория в возрасте от 30 до 40 лет. Это люди, сделавшие осознанный выбор, они пришли в информационный Интернет. Нужно воспринимать как факт, что Интернет сегодня располагает достаточно качественной аудиторией, чтобы работать с ним по тем же законам, по которым вы работаете с традиционными средствами массовой информации.

Какие уникальные возможности открывает Интернет для политика или для любой персоны, которая готова к публичности? Я бы условно разделила информационное политическое представительство в Интернете на две части. Первая – формирование собственной площадки и информационная активность на своей площадке. Вторая – информационная активность на чужих площадках. Деятельность на чужих ресурсах предполагает, например, работу с общественно-по-

Маркус Рэти. Танцор сетчатки. 1979

Анна Винтелер. Дискурс монтажа. Руки. 1984/88

литическими или информационными сайтами, располагающими достаточно большой аудиторией. Она достаточно универсальна и сопоставима по структуре и по объему с аудиторией традиционных средств массовой информации. Основные инструменты — публикация новостей или аналитических материалов. Достаточно традиционные шаги, но с одной очень важной и новой для средств массовой информации особенностью: Интернет может жить только в режиме гиперактивного текста. Интернет — не двухмерное пространство, как газета. Рассуждая о какой-то проблеме, вы должны в своем тексте намечать «тропинки», то есть гипертекстовые ссылки, которые показывают историю вопроса, какие-то справки, материалы о вашей системе аргументов, информацию о вас либо о вашем оппоненте. Это принципиально важная форма диалога с потребителем, с читателем. Вы затягиваете читателя в какой-то глубинный, более откровенный и умный контакт. И читатель совершенно по-другому воспринимает информацию в Интернете. Поэтому, приходя в интернет-СМИ, важно это понимать и эту возможность читателю дать.

Второй инструмент — информационная баннерная реклама. Баннерная реклама в Интернете играет роль витрины. Перенасыщенность информации, которая существует в Интернете, требует определенных шагов по акцентированию, по привлечению внимания. Вы не просто обращаетесь к читателю, вы за него боретесь, вы заставляете его увидеть вашу идею в других ресурсах, далеких от вашего материала — и вы приводите его к себе. Это очень сложная и увлекательная наука — система привлечения читателя на свою площадку. Баннерная реклама также может быть таргетирована гиперссылками, здесь много инструментов, но важнее всего суть: в Интернете вы должны не просто прийти к читателю, но читателя привести к себе, выиграть информационную конкуренцию.

И третий момент, на котором бы мне хотелось остановиться, говоря об особенностях представительства в чужих ресурсах, это интерактивные акции. Ничто не дает большего диалога, как онлайн-формы. Например, онлайн-конференции, когда читатель понимает, что даже при модерации, при некоторой цензуре, у него остается совершенно уникальное ощущение того, что его услышали и что он общается с персонажем без посредника, напрямую.

Второй тип — собственное представительство, собственный сайт партии, политика, компании и так далее. Сайт действующего политика должен обладать несколькими важными моментами. В первую очередь, внятностью и полнотой информации (биография, политическая история, максимальное количество ссылок на какие-то прежние акции в Интернете). Максимальное количество ответов на те вопросы, которые могут быть болезненными, это также требование Интернета. В Интернете всегда немного «нерв перетянут». Второе — живость. Сайт не должен быть мертворожденным, медной табличкой. Сайт должен быть живым организмом, ежедневно обновляющимся и ежедневно живущим своей жизнью. Это могут быть новости, аналитика, интерактивная программа, дающая читателю возможность задавать вопросы или вступать в дискуссию. Этот третий фактор — интерактивность — должен иметь максимальное количество форм, причем не формальных, а действительно полезных. Вы каждый день разговариваете со своим избирателем, с тем человеком, который к вам пришел. И это должен быть не иконостас с орденами и перечнем заслуг, а рабочий стол, куда вы позволяете кому-то постороннему, но очень важному для вас, прийти и поучаствовать.

Когда речь идет об активном представительстве в информационном Интернете, ни политик, ни бизнесмен не могут рассчитывать на эффект «заказухи» в силу того, что планка морали, планка предвзятости и ожидания, оставшиеся

от прошлого информационного Интернета, очень высока. Поэтому лучше прямо сказать, что вы заплатили деньги за то, чтобы здесь опубликовать свое заявление, чем нарваться на подозрение в оплаченном «сливе» со стороны искушенного читателя Интернета. Тогда он просто не воспримет информацию, будет только отторжение. Газету купил, и где-то нужно ее прочитать — в Интернете же очень легко уйти с сайта и больше никогда туда не вернуться.

Второе. Когда вы размещаете какие-то новости или материалы, надо помнить, что в Интернете, в условиях той максимальной информационной конкуренции, которая существует, нужен очень четкий информационный повод. Новость должна быть максимально достоверной и аргументированной. Ощущение фальши в Интернете крайне высоко.

Третье. Тщательный выбор средства массовой информации, с которым вы хотите сотрудничать и общаться в Интернете. Выбирайте не просто статус этого средства информации, его репутацию, индекс цитируемости — обращайтесь внимание и на технологические вещи. Индексирует ли этот сайт крупная поисковая система, такая как Яндекс или Рамблер? Какова география этого сайта? Если у него 70 процентов пользователей эмигранты, то вам он чаще всего будет просто не нужен. Есть ли возможность таргетирования информации? Каким способом осуществляется поиск? Остаются ли материалы, опубликованные там, навсегда? Технологический инструментарий, который вы должны потребовать, вам обязаны предоставить и подкрепить статистикой.

И четвертый момент — обращайтесь внимание на контекст. Если вы придете на развлекательный сайт с самой хорошей посещаемостью, с самой хорошей географией, с 70-ю процентами аудитории из вашего региона, вы будете там выглядеть не к месту и нелепо, и ничего, кроме отторжения, это не вызовет. Контекст средства массовой информации в Интернете — это очень острая проблема.

Какие опасности нужно предвидеть, приходя в эту совершенно для нас всех новую, незнакомую, непонятную среду? Избегайте компромата и «слива». Это работает только против политика, бизнесмена, партии. Работайте с реальными информационными поводами, потому что только они могут заинтересовать традиционные СМИ, и только они могут дать эффект цитируемости и быстрого распространения информации. Обращайте внимание на географию. Разделяйте имиджевые акции и акции, которые должны воздействовать на читателя. На одном сайте вы можете формировать имидж своей партии, и это должен быть статусный федеральный сайт с хорошей российской географией. Но когда вы говорите о социальной проблеме вашего округа или региона, вам нужны другие сайты, у которых аудитория географически совпадает с вашей территорией. Акции на чужих площадках будут работать только тогда, когда есть ваше собственное внятное, профессиональное представительство в Интернете. Если вы создали сайт и его не раскрутили, не создали адекватные информационные механизмы привлечения читателя, это будет потраченное без толку время и деньги. Никогда не избегайте в интерактивных акциях острых углов. Интернет крайне болезненно относится к недосказанности, к недомолвкам, к любой фальши. Любые честные ответы на самые неприятные вопросы в Интернете играют в плюс.

И самое главное, что я поняла для себя за годы работы в Интернете: мораль отношений читателя, журналиста и политика в Интернете не просто совпадает с идеальной моралью и философией, к которой мы должны стремиться. В Интернете нерв этих отношений обнажен. Нет в Интернете другой морали, кроме той, которая в идеале. Она востребована в нем гораздо больше, чем в традиционных СМИ.

Российское телевидение: взгляд изнутри

Политическое участие, на мой взгляд, это гражданское и профессиональное журналистское участие современных СМИ. Для меня, как журналиста, эта тема не легка и внутренне конфликтна. Шесть лет тому назад я пришла на телевидение, до этого семь лет проработав в печатной журналистике, с иллюзией, что я просто немного меняю жанр. Но вскоре я поняла, что пришла в совершенно другое пространство, устроенное по другим правилам, по другим законам, нежели те, к которым я привыкла за семь лет предыдущей профессиональной деятельности. Мне было страшно некомфортно, но как человек, предпочитающий причины своих трудностей искать не столько в обстоятельствах, сколько в себе, я пошла учиться тому делу, в которое я вошла. Так я оказалась в мастер-классе Владимира Познера, и имела наглость в лицо мэтру отрицательно ответить на вопрос: «Любите ли вы телевидение?».

Почему я не люблю телевидение, работая на телевидении? Во-первых, на мой взгляд, телевидение гораздо в большей степени, чем печатные СМИ или Интернет, не отражает реальность. Оно её конструирует сообразно своим собственным внутренним законам и своими средствами. Средства эти аудиовизуальные, то есть воздействующие на потребителя значительно сильнее в силу самой своей природы. А в силу монтажности в любом телевизионном продукте, будь то новости, художественный фильм, рекламный клип или ток-шоу, всегда присутствует тенденциозность. Причем она воздействует на зрителя очень лукаво, потому что главный принцип телевидения — это правдоподобие. Оно как бы говорит своему потребителю: «Вы же все видите собственными глазами, вы же можете считать себя непосредственным участником событий, вы же сами все оцениваете, вы сами делаете выводы, поэтому какие претензии к камере или оператору?» Но, как было сказано в одном американском детективе: все, что кажется слишком правдоподобным — ложь. Прямой эфир, которого на советском телевидении не существовало никогда, сегодня есть, но вовсе не факт, что прямой эфир, интерактивный контакт со зрителем, риэлити-шоу, которое появилось не так давно, не столь же жестко срежиссированы, как рекламный клип. Законы те же.

Второй главный закон телевидения: любой телевизионный продукт — это, прежде всего, зрелище, зрелище и еще раз зрелище. И при этом зрелище массовое. Мы часто говорим, что газетами управляет тираж, но газета, к счастью, не в та-

*Ирина Лукьянова,
редактор телекомпании
«СКАТ» (Самара)*

кой степени зависима от власти массы, как телевидение. А вот телевидением управляет рейтинг. И, соответственно, на массового телевизионного зрителя ориентирован поток рекламы и на самые активные по зрительскому вниманию временные отрезки ложится основная коммерческая нагрузка телевидения. В прайм-тайм, нагруженный зрительским вниманием, имеют право существовать те и только те программы, рейтинг которых не меньше допустимого нижнего предела. Это в первую очередь новости, во вторую — разнообразные развлечения, в третью — разнообразные ток-шоу, в основном развлекательно ориентированные. Чтобы привлечь массовую зрительскую аудиторию, телевидение налагает на себя достаточно тяжкие ограничения. Оно всегда должно соответствовать ожиданиям аудитории. То есть, существующим стереотипам. Именно поэтому на телевидении, как правило, не бывает открытий, не растиражированных персон, не растиражированных идей.

Телевидение — это самое консервативное средство массовой информации. Если посмотреть любые замеры — гэлаповские ли, комконовские — по демографическим характеристикам зрительской аудитории, то выясняется, что основная масса ее — это люди после 35, а самый существенный массив — сильно немолодые люди. Это пассивная масса. Активный, ищущий информацию человек читает газеты, заходит на интернет-сайты

и так далее. А человек, включающий телевизор, потребляет информацию совершенно пассивно. На телевизионных тренингах, где объясняют, как нужно одеваться для того, чтобы присутствовать на экране, говорят: вы должны быть одеты так, чтобы ваша мама сказала, что вы прилично выглядите. Эта деталь характеризует консервативность телевидения. Но здесь возникает еще одна профессиональная проблема. То, что всем известно — скучно. А скука противопоставлена телевизионному зрителю. В этом состоит главная творческая и технологическая задача, которую решает телевидение: как сделать не скучным общеизвестное. И вот тут действует режиссура, телевизионная драматургия. Появляется ориентация на негатив, на катастрофичность, на скандал, поскольку в любом скандале и катастрофе есть конфликт, который является основой драматургии. Речь не обязательно о фильмах, на которые мы жалуемся, как на разрушающие психику подростков. Как строятся телевизионные новости, как они верстаются? Блок телевизионных новостей начинается с какой-нибудь катастрофы или скандала, которые транслируют практически все каналы. Стаканы с соком, которым плескались друг в друга Немцов с Жириновским, и многочасовое шоу-катастрофа о гибели «Курска» были построены по одной драматургической логике: повышенная эмоциональность, нагнетание эмоций, эмоциональные передргивания — это непременно

ное условие существования любого телевизионного шоу. Объясняется это технологически просто. Чем больше эмоций удастся втиснуть в один фрейм, тем «плотнее» становится телевизионное время и тем больше гарантий, что в каждый момент этого времени зритель не переключит кнопку на пульте управления. Именно поэтому телевидение никогда не будет в полной мере аналитичным и интеллектуальным — это противоречит его природе. Оно всегда будет в большей степени воздействовать на бессознательное, на иррациональное, чем на рациональное начало. Такова его природа. Именно поэтому журналистика в традиционном ее понимании на телевидении чувствует себя крайне некомфортно.

А почему я люблю телевидение? Во-первых, благодаря своей искусственности, драматургии и технологии телевизионная картинка делает реальность более выпуклой и концентрированной — и в этом смысле более убедительной для потребителя телевизионного продукта. Телевидение — это инструмент реального влияния на потребителя информации. Это всегда привлекает, и это великий соблазн. Именно поэтому этот инструмент часто используется спекулятивно — он упрощает, унифицирует восприятие жизни. Но это только инструмент! При помощи микроскопа можно совершить открытие, а можно кому-нибудь дать по голове — это проблема пользователя инструмента.

Телевидение, как профессиональный цех, развивается

и профессионализируется более интенсивно, чем общество печатной журналистики. Именно на телевидении существует практика постоянного повышения профессиональной квалификации. А чем выше становится уровень профессионализма, тем больше хочется усложнить профессиональную задачу; тем скучнее становится давать манипулятивную, монологичную картину мира. На телевидении для заказных телефильмов есть устойчивое наименование — «болты в томате», и делать их ужасно скучно. От такой работы все стараются откеститься, как только возможно, хотя за это платят. Реальный контакт со зрителем, реальная интерактивность, реальная обратная связь гораздо интереснее. У меня программа идет в прямом эфире, но иногда я ее записываю в формате прямого эфира. Реальный хронометраж, никакого монтажа, все абсолютно по честному — но сбоят все: отказывают камеры, ломается аппаратура, приходится прерывать запись, вся бригада изматывается от записи гораздо больше, чем на прямом эфире. Драйва нет! Нет ощущения реальной жизни. Это как раз касается профессионализации. Эмоциональность телевидения. Ведь эмоции не обязательно должны быть примитивно-пещерными. Гражданское чувство — это тоже эмоция, но эмоция другой природы, более сложная. Ее тоже можно «вытаскивать», ставя себе более сложную профессиональную задачу.

И еще я люблю телевидение за то, что оно очень требовательно — может быть, даже требовательнее других публичных пространств — к то-

сфальсифицировать интерактивный контакт со зрителем, и это будет скучно и не интересно, а можно его реально включить в режиссер-

Телевидение — это самое консервативное средство массовой информации

му человеку, который входит на его территорию. Камера действует как увеличительное стекло, выявляя в человеке то, что при обычном человеческом контакте незаметно. Она совершенно не прощает человеку неумение быть публичным, быть хорошим актером в шекспировском понимании («мир — театр, люди в нем актеры»). Мы должны знать свою роль, быть органичными в предлагаемых нам обстоятельствах — и при этом сохранять свою целостность и узнаваемость. Это задача быть личностью, потому что актер интересен тогда, когда он личность. Именно поэтому, на мой взгляд, сегодня в телевизионном публичном пространстве так безлюдно. Разве что Жириновский со своей маской шоумена попадает куда-то. А вот не шоуменов, но персон, актеров в шекспировском смысле слова нет.

Драматургичность, свойственная по природе телевидению, позволяет выстроить дискуссию, реальный публичный диалог не только о том, как тяжело жить соседкам по коммунальной кухне или о любовных многоугольниках, а по гораздо более серьезным темам — и вовлечь в этот диалог зрителя. Можно

свое решение шоу, которое ты создаешь. Это совсем другая задача, и она гораздо интереснее.

И еще я люблю телевидение за то, что оно прекрасный тренер. Экран требует от человека адекватности, умения держать удар. Экранный человек очень уязвим — как любой, кто всерьез выходит в публичное пространство. Снисхождения ему ждать не приходится. Оно требует от человека мужества принять неизбежность утраты популярности и власти, которую дает популярность (нет ничего более эфемерного, чем телевизионная популярность).

А самое главное, за что я люблю телевидение — это серьезный вызов для журналиста, который хочет считать себя профессионалом. То телевидение, которое я люблю, возможно только при постоянном и совместном усилии как журналистского, так и политического сообществ. И оно вполне может не состояться. Я тоже хочу закончить цитатой из Бродского: «Самое обидное, что мы можем сделать с опытом трагедии — это превратить ее в экзистенциальное свинство». Хотя и это, в свою очередь, трагично.

*Ричард Перл,
профессор,
советник по вопросам обороны
(США)*

О новом понимании терроризма

В этом небольшом материале разговор пойдет о терроризме. Или, конкретнее, о том, какие меры необходимы для предупреждения угрозы терроризма, поскольку он представляет собой главную опасность для гражданского общества. И порой те средства, с помощью которых мы пытаемся ограничивать и сдерживать терроризм, сами оказываются угрозой для общества.

По моему мнению, террористическая атака на США, произведенная 11 сентября 2001 года, была неизбежной. Достаточно напомнить о том, что на протяжении целого десятилетия, предшествующего этому событию, мы не раз сталкивались с подобными покушениями со стороны различных террористических групп. Но прежние террористические акты были не столь эффективными — соответственно, и реакция на них была менее действенной. Фактически, мы как бы давали террористам понять, что они вполне свободно могут планировать и проводить операции, направленные на уничтожение американцев и разрушение американской собственности. Многие из этих акций осуществлялись за пределами Америки, а США почти не отвечали на них. Скажем, в 1991 году мы выяснили, что имел место заговор с целью убийства президента Буша во время посещения им Кувейта. Более того, было известно, что за этой операцией стоял Саддам Хусейн, и мы тогда с помощью крылатых ракет уничтожили занимавшийся подготовкой этого покушения разведывательный центр в Багдаде. Затем состоялось первое нападение на торговый центр в Нью-Йорке. Если бы тогда террористы все правильно рассчитали, десятки тысяч людей могли бы погибнуть. Потом прошла серия нападений на американские корабли и посольства на Ближнем Востоке и в Африке. И всякий раз наш ответ был неадекватен террористической угрозе, с которой мы сталкивались.

Обобщая, можно сказать, что мы были излишне сдержанны. Концепция того времени заключалась в том, что терроризм — довольно стандартное преступление, с которым следует бороться обычными методами, используемыми в правоохранительной деятельности. Сажать террористов на скамью подсудимых — вот чего мы хотели тогда. Мысль о том, что ответственность за террор должны нести не только конкретные люди, но и поддерживающие его госу-

дарства, категорически отвергалась, причем как демократами, так и республиканцами.

Подобное положение сохранялось до 11 сентября 2001 года, когда президент Буш одним официальным заявлением радикально изменил всю политику США. Именно тогда сложилась та международная ситуация, в которой мы пребываем поныне. Впервые Соединенные Штаты при поддержке других наций стали привлекать к ответственности не просто отдельных людей, виновных в террористических акциях, но целые госу-

*В основе современной политики США
лежит тактика опережающего
реагирования на террор*

дарства, поощряющие терроризм. Это показывает, насколько далеко мы ушли от взглядов и понятий прошлого. Вспомним, например, как действовала Америка в истории с американским пассажирским лайнером, взорванным террористами над Шотландией. Это был тот самый случай, когда террористическую атаку санкционировало конкретное — ливийское — правительство. Однако никакой ответственности Ливия не понесла; к суду привлекли лишь двух исполнителей, причем на это потребовались долгие годы переговоров. Сегодня такое было бы просто невозможно.

Смена концепции, на которой ныне основано противодействие терроризму, втянула нас в конфликт со многими нашими друзьями и союзниками. Но события 11 сентября преподнесли американцам исключительно важный урок. Суть его в том, что, отвечая террористам, нельзя медлить. Мы слишком долго ждали в 1990-е годы, совершенно не реагируя на террористические вылазки, упомянутые выше. Затянули мы и с «Аль-Каидой», поскольку задолго до трагических событий в Нью-Йорке было известно, что эта группировка активно действует в Афганистане. Мы знали, что там имеются специальные лагеря для подготовки террористов, мы видели эти лагеря, фотографируя их со спутников, мы даже могли слушать беседы террористов друг с другом. Мы были осведомлены об их амбициях и планах на будущее, но при этом не предпринимали никаких серьезных действий. Потом, разумеется, Соединенные Штаты разгромили движение «Талибан» и «Аль-Каиду». Но проблема в том, что это следовало сделать до 11 сентября, а не после! Наша ошибка непростительна, но именно она породила новые представления о том, каким образом Америка должна наилучшим образом защищать себя. В основе современной политики США лежит тактика опережающего реагирования на террор. Слово «опережающее» здесь главное, за него нас больше всего критикуют, поскольку такие «предвосхищения», говорят нам, несовместимы с международным правом. Тем самым, нередко хотят сказать, что США проводят одностороннюю политику, которая угрожает миру.

На этом тезисе стоит остановиться подробнее. Предположим, что на Соединенные Штаты собираются напасть, мы знаем о готовящемся нападении и у нас есть возможность предотвратить его. Если, скажем, готовится ракетная атака, то элементарная логика требует того, чтобы ракета была уничтожена еще на старте, иначе потом некому будет даже спорить, правильно или неправильно мы поступили. Еще более сложной оказывается ситуация, когда ракета даже не на старте, но только строится — как, например, в Северной Корее.

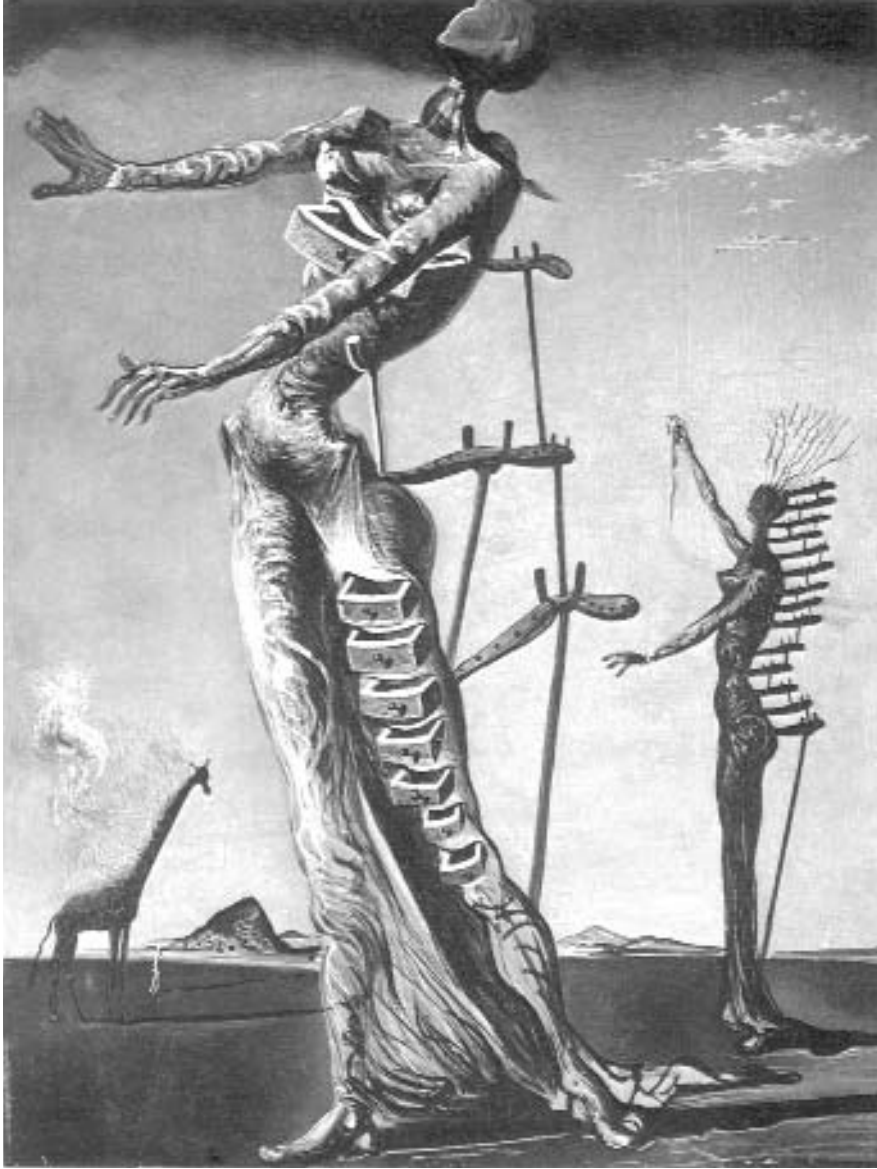
Как быть с угрозами не столько реальными, сколько потенциальными? В 1991 году израильские самолеты уничтожили иракский ядерный реактор, поскольку израильтяне просчитали, что там можно изготавливать материалы, необходимые для производства ядерного оружия. Весь мир осудил тогда Израиль за нападение. Причем никто даже не упомянул, что иракцы собирались загрузить свою установку специальным топливом, и если бы это было сделано, израильская атака стала бы невозможной. Фактически Израиль пошел на превентивные меры в самый последний момент; именно поэтому Саддаму Хусейну так и не удалось обзавестись ядерным оружием.

Иначе говоря, не всегда нужно ждать, пока ракета будет подготовлена к запуску. Думаю, россияне более чем кто-либо это понимают, поскольку и в России происходит немало террористических актов, в которых гибнут ни в чем неповинные люди. В конце концов, превентивные акции в отношении террористов оправдываются здравым смыслом и элементарной предусмотрительностью.

Сейчас довольно активно ведется дискуссия о том, что такое терроризм и как отличить террориста от борца за свободу. Критерий здесь один, и он весьма прост: когда ради политических целей уничтожаются гражданские лица, мы имеем дело с терроризмом. Определение этого явления должно быть внутренне последовательным: мы ни в коем случае не можем восхищаться и соглашаться с трактовкой, которую к своим акциям применяют сами террористы; необходимо категорически отвергать любые действия, направленные на уничтожение людей. Вопрос определения на самом деле чрезвычайно важен. Если нам удастся выработать устраивающее всех определение терроризма, то мы сможем договориться и о том, как международное сообщество должно ему противостоять.

Большая роль в решении данного вопроса могла бы принадлежать Организации Объединенных Наций. К сожалению, приходится признать, что в отношении терроризма ООН показала себя абсолютно неадекватным институтом. Ничего удивительного, на мой взгляд, в этом нет. Этот международный орган формировался после второй мировой войны, и его назначение состояло в том, чтобы бороться с наследием прошлого — против армий агрессивных стран, которые могли бы вновь вторгнуться в Польшу, в Россию или во Францию. Когда в 1945 году создавался Совет безопасности ООН, его постоянные члены даже не предполагали, что в недалеком будущем мировое сообщество столкнется с угрозами принципиально иного рода — что какие-то государства будут укрывать у себя террористов, готовить и тренировать их, собирать для них информацию и помогать организовывать диверсии по всему миру. Творцы послевоенного мирового порядка исходили из того, что реагировать нужно лишь на нападения с нарушением границы. На этом строилась вся политическая линия Организации Объединенных Наций.

Очевидно, что нынешнее устройство ООН и моя интерпретация терроризма не сочетаются друг с другом. По-видимому, данной организации придется пересмотреть собственный Устав для того, чтобы поднять борьбу с терроризмом до уровня защиты от внешней агрессии. Сделать это непросто, особенно сегодня, но проблему, я думаю, пора начать обсуждать. Учитывая, что на саму процедуру обсуждения уйдет несколько лет — если, разумеется, нам вообще удастся убедить постоянных членов Совета безопасности и большинство стран-участниц ООН коренным образом пересмотреть основы ее деятельнос-

Сальвадор Дали. *Горящая жирафа*. 1936–1937

ти. Если такие усилия окажутся не напрасными — мы сделаем серьезный шаг вперед. Если же мы не преуспеем, ООН ждут серьезнейшие трудности. И самая главная из них обусловлена необходимостью решать вопросы, связанные с применением оружия массового поражения.

Справедливости ради отмечу, что есть политики, даже сегодня считающие ООН эффективным инструментом всеобщего мира, но и они соглашаются с тем, что международные конвенции этой организации необходимо усовершенствовать так, чтобы они отвечали угрозам и рискам XXI века. Я очень рассчитываю на то, что здравый смысл здесь все же возьмет верх, ибо от этого зависит слишком многое.

Кристофер Донелли,
специальный советник
Генерального секретаря НАТО

Глобальная безопасность: новая повестка дня*

П риблизительно раз в пятьдесят лет в системе всемирной безопасности происходят фундаментальные изменения, которые радикально преобразуют лицо общества. Скажем, два века назад, в ходе Великой французской революции, в мире впервые появились армии, которые строились на принципе всеобщей воинской повинности. Данный факт серьезно повлиял на нынешний облик Европы. Мы и сегодня ощущаем последствия тех нововведений, которые были предложены Наполеоном. Спустя пятьдесят-шестьдесят лет в США разразилась Гражданская война, которая решительно изменила Америку. С этого времени в практику войны прочно вошли железные дороги, телеграф, скорострельные винтовки. Затем, в конце XIX — начале XX веков, началась индустриализация военного дела, что также сильно повлияло на общество, особенно в России. Наконец, к середине XX века, с появлением ядерного оружия, ракет, современной авиации принципы ведения боевых действий вновь полностью обновились.

Сегодня мы переживаем очередную революцию, последствия которой не ограничиваются сферой военных технологий. Это не просто революция в военном деле, как было, скажем, пятнадцать-двадцать лет назад. В данном случае меняется сама природа нашего общества, наших международных отношений. А, значит, меняется и природа ведения войны. Есть несколько факторов, способствующих таким преобразованиям. Во-первых, главным из них является распространение передовых технологий по всей планете, по самым отдаленным ее уголкам. Во-вторых, углубляется разрыв между богатыми и бедными странами; одни становятся все богаче, другие — все беднее. В-третьих, серьезную эволюцию переживают глобальные информационные системы.

Некоторые круги на Западе склонны считать, что в наши дни выигрывать войны и разрешать все вопросы безопасности можно исключительно с помощью новых технологий. Это — миф. Конечно, технологическое преимущество имеет большое значение. Один британский поэт в конце XIX века призывал англичан никого не бояться, поскольку у них есть пулемет «Максим», а противники им не располагают. Разумеется, между пулеметом и дротиком — большая разница. Но даже если у вас есть бомбардировщики B-52, а у движения «Талибан» их нет, гарантированно победить противника можно в современных условиях лишь в том случае, если он *не захочет* сражаться с вами.

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Галицком 3 июня 2003 года.

Как военный историк, должен сказать, что, в принципе, технологические достижения — дело отнюдь не новое. Сегодня, однако, мы являемся свидетелями чрезвычайно быстрого и никем не контролируемого распространения новейших военных технологий. Это позволяет даже небольшим и бедным странам, возглавляемым целеустремленными диктаторами, ставить под угрозу благополучие современных крупных держав. Такого противника крайне тяжело сдерживать: на него невозможно обрушить всю наличную мощь, поскольку средства обороны, накопленные на Западе, нельзя столь же эффективно использовать для нападения. Принято считать, что в военном отношении Запад очень силен, однако, в плане превентивного вмешательства в дела других стран и обеспечения собственной безопасности путем применения вооруженных сил за рубежом он явно беспомощен. Два слова о причинах новых угроз. Главная среди них, как я уже сказал, это — углубляющийся разрыв между бедными и богатыми странами. Для иллюстрации данного тезиса можно сопоставить статистику 2002 года и цифры прогнозов ООН до 2010 года для стран средиземноморского бассейна. Они убедительно показывают, что на Юге чудовищно обостряется проблема бедности, тогда как на Севере растет благосостояние и население. В такой ситуации затраты на превентивное предотвращение вероятных конфликтов, включая и возможную военную интервенцию, будут постоянно возрастать, а это не может не отразиться на современном понимании войны.

В качестве третьего пункта моих рассуждений была обозначена информационная революция. В ходе этого процесса информация не просто распространяется быстрее; она становится гораздо более эффективной в том смысле, что может мгновенно передаваться из одной точки мира в другую, что, естественно, делает западное общество более уязвимым. О чем свидетельствует тот людской и материальный ущерб, который был причинен США террористическими актами 11 сентября. В сопоставлении с

последствиями от классической войны, он может показаться незначительным. Но это говорит о том, что мы существуем сегодня в такой информационной среде, которая делает передовые страны все менее защищенными.

*Современное понимание безопасности
требует гораздо более широкого
взаимодействия, причем, с привлечением
не только правительств, но и
неправительственных организаций,
она становится делом всего
гражданского общества*

нами. Таков тот контекст, в котором предстоит вести войны будущего. Вопрос заключается лишь в том, сможем ли мы контролировать эту среду. Если мы не справимся с данной задачей, преимуществами новой информационной ситуации легко воспользуются наши противники.

Таким образом, в настоящее время складывается новая система угроз всеобщему миру и меняется само понятие безопасности. Традиционно его отождествляли с понятием обороноспособности, то есть с наличием танков, кораблей, самолетов и так далее. Но за последние несколько лет ситуация радикально изменилась — *безопасность теперь не тождественна обороноспособности*. В ряду главных вызовов современности — некомпетентность целого ряда политических режимов, коррупция, нелегальная миграция, этнические и религиозные конфликты, терроризм. Отсюда вопрос: а какая армия нужна для того, чтобы справляться с подобного рода угрозами? Отвечают ли наши и ваши вооруженные силы требованиям сегодняшнего дня? Способна ли НАТО дать своим странам-участницам нечто такое, чего у них пока нет, нечто, повышающее уровень их готовности реагировать на вызовы эпохи? Ведь если эта организация в данном отношении бессильна, то она просто не имеет права существовать!

Для НАТО такой вопрос стоит особенно остро, поскольку она никогда не имела и по сей день не имеет *собственных* войск: ее воору-

женные силы состоят из армий стран-участниц союза. Следовательно, как только союзники решат, что нынешнее оборонное объединение изживает себя, выработало все свои ресурсы, его тут же распустят. Кроме того, американцы не могут не задумываться об использовании тех денег, которые вкладываются ими в европейскую безопасность. Если Америка поймет, что ее затраты бесполезны, она откажется от разорительных инвестиций. Такова реальность, и мы должны с нею считаться. Именно по этой причине Североатлантический альянс постоянно развивается и эволюционирует, пытаясь соответствовать новым реалиям, адаптироваться к ним. Весьма интересно взглянуть на данную проблему с точки зрения российской армии. Специалисты почти единодушны в том, что территориальной целостности России сегодня практически ничто не угрожает. Поэтому всем нам важно понять: на что сейчас стоит тратить оборонный бюджет? Как должно выглядеть вооруженное сдерживание потенциального противника в условиях, когда Восток и Запад отказались от глобальной конфронтации, а третья мировая война почти невероятна? По мнению НАТО, Россия самой своей географией обречена на стратегическую значимость. Что же касается ее военной мощи, то ей, безусловно, требуются эффективные вооруженные силы, и их нынешние кондиции беспокоят нас отнюдь не потому, что они чрезмерно сильные. Напротив, они слишком слабы. С сожалением приходится отмечать, что пока мы так и не увидели в России эффективной военной реформы.

В годы холодной войны в мире преобладали армии, основанные на принципах всеобщей воинской обязанности. Их главным предназначением была защита национальной территории, гарантирующая безопасность государства. Обеспечение неприкосновенности границ традиционно выступало центральной задачей любого министерства обороны или министерства иностранных дел. Фридрих Великий говорил по этому поводу, что дипломатия без армии похожа на игру на музыкальном инструменте без самого инструмента. Но сегодня ситуация изменилась. Теперь вопросами безопасности занимается весьма широкий круг ведомств, включая министерства внутренних дел, здравоохранения, транспорта, международного развития.

Беда, однако, в том, что профильные ведомства различных стран пока еще не научились сотрудничать должным образом. Современное понимание безопасности требует гораздо более широкого взаимодействия, причем, с привлечением не только правительств, но и неправительственных организаций, она становится делом всего гражданского общества.

Таким образом, что мы имеем в настоящий момент? За предшествующие столетия вооруженные силы стали неотъемлемой частью общества. Это в равной мере относится, например, и к Германии, и к России. И для того, чтобы их реформировать, необходимо в первую очередь реформировать само общество. Вы не сможете просто вырвать армию из общественного контекста. В Норвегии, например, армия уже давно стала частью социальной и технической инфраструктуры страны. Это система, в которой все взаимосвязано и взаимозависимо. Если на севере Норвегии закрыть основные военные базы, страна этого не переживет, поскольку такое невозможно с экономической точки зрения. Иначе говоря, норвежскую армию нельзя превратить в современную и профессиональную силу, не преобразуя все социальное устройство государства. Что, безусловно, непростая задача; именно по данной причине многие европейские страны в наши дни просто-напросто «продают» свои оборонные бюджеты. Они покупают ненужное оборудование, повышают выплаты военнослужащим, совершенствуют военную инфраструктуру. Но все это не имеет смысла, бесполезно! Для чего, например, датчанам нужны собственные военно-воздушные силы? Действительно, у них есть свои F-16, есть пилоты, которые готовы были целыми днями летать над Данией, защищая родную страну от советской угрозы. Система была смонтирована именно таким образом, и она по-прежнему сохраняется в неизменном виде. Но есть ли в ней смысл теперь, когда этому маленькому государству никто не угрожает?

Руководители НАТО часто сокрушаются о том, что европейские страны, которые участвовали в балканской операции, имеют миллионы солдат, но среди них трудно найти хотя бы роту, которая соответствовала современным требованиям. Некоторые тратят миллиарды долларов на свои армии,

Джорджо де Кирико. Завоевание философа. 1914

а функции, которые они выполняют, можно реализовать одним-единственным батальоном. Такова проблема расходования военных бюджетов: эти огромные деньги можно было бы тратить на социальную защиту, а не на национальную безопасность. Сейчас, видимо, наступил момент, когда нам нужно реформировать вооруженные силы именно в

таком ключе. Сказанное верно в отношении и России, и Норвегии, и Германии. Таким образом, внутри НАТО происходит своего рода революция. А это, безусловно, подразумевает ответственность правительств.

Итак, в ближайшие годы все страны мира столкнутся с новыми угрозами и вызовами. Давайте задумаемся: а что в данной ситуации

могут сделать такие институты, как НАТО? Впрочем, прежде уместно напомнить, для чего этот блок создавался. В прошлом его члены должны были обеспечивать собственную безопасность, помогать своим соседям и направлять свои контингенты союзникам, если те попросят. Но сейчас все изменилось: вместо собственной *обороны* страны-члены НАТО более озабочены *самозащитой*. Странам, подвергшимся нападению, в наши дни необходимо предоставлять не только (или даже не столько) военную поддержку. Так, командование НАТО в Косово более не нуждается в войсках, поскольку ему требуются полицейские силы. И вообще, чем занята сейчас армия на Балканах? Она там не воюет, она оказывает социальную помощь, поддерживает правопорядок и так далее. Сами функции солдата трактуются теперь предельно широко. Оказывать помощь гораздо труднее, чем воевать. Каким образом мы будем реагировать на масштабные террористические акты у соседей? Как будем помогать, если где-то начнется смертоносная эпидемия или произойдут массовые отравления людей в результате, скажем, применения биологического оружия террористами?

Главное препятствие для осмысления этих и подобных им вопросов состоит в том, что мы по-прежнему мыслим категориями холодной войны. Мы до сих пор считаем, что мир разделен на Восток и Запад, думаем о каких-то границах между Россией и Европейским союзом, хотя мир уже стал другим, и стратегическая география тоже стала иной. В прежние годы логика противостояния обязывала нас фокусировать внимание на Германии; именно там находился стратегический центр, не важно, о Западе или Востоке шла речь. Теперь со стратегической точки зрения все выглядит по-иному. Какая европейская страна наиболее важна сегодня в стратегическом плане? Думаю, Турция. Шкала противостояния также видоизменилась: на смену Востоку и Западу идет нечто совершенно иное. Конечно, переход к новому мышлению требует времени, но он просто необходим, причем, для всех стран. За последнее десятилетие мы решительно трансформировали свои представления о безопасности. Теперь нужно перестроить сами организации, обеспечивающие безопасность. Например, еще недавно было принято противопоставлять

друг другу НАТО и Европейский союз. Но в наши дни эта идея уже ушла в прошлое, поскольку большинство европейских стран одновременно являются членами и НАТО, и ЕС. Иначе говоря, концепция безопасности Европейского союза не может разрабатываться, если европейские страны-члены НАТО не реформируют свои армии и не пересмотрят свои оборонные бюджеты. Фактически это две половинки одного и того же пирога: если не провести радикальную реформу систем обороны и безопасности, то НАТО и ЕС потеряют какое-либо значение. Оборона — очень важный элемент безопасности, но он уже далеко не главный. Одна из проблем НАТО заключается сегодня в том, что альянс не особенно желал расширяться, хотя некоторые страны стремились вступить в него во что бы то ни стало. Между тем, очевидно, чем больше стран присоединяется к НАТО, тем сложнее обеспечивать консенсус внутри организации. Чем больше людей участвует в принятии решения, тем труднее оно дается. Но иногда приходится решать вопросы без промедления, максимально быстро. Сказанное имеет отношение и к перестройке НАТО. Ведь гораздо легче реконструировать небольшую организацию, нежели ту, в которой 19 или 26 членов! Преобразования, между тем, назрели, без них не обойтись, и прием в наш альянс новых участников не способен в этом смысле что-либо изменить. Это — серьезный вызов, с которым придется иметь дело в самом ближайшем будущем. Разумеется, будущее нельзя предсказать точно. Мы живем в эпоху революций, а их хорошо оценивать задним числом. Будучи в центре событий, не так-то просто увидеть, что будет дальше. Но можно с уверенностью сказать, что вызревание будущего окажется непростым. Именно поэтому нам необходимо осуществить серьезные перемены внутри наших обществ. Нужны новые идеи, новые способы, новые методы отражения невиданных прежде угроз. Мой дед в свое время был сержантом в ирландском полку британской армии. Он ушел в отставку после многолетней службы в Африке, где его учили воевать с зулусами. Ничего другого он просто не умел. Мы же обязательно должны учиться чему-то еще, постоянно должны быть готовы к чему-то иному. От этого зависит само выживание нашего мира и наших ценностей.

Общество и армия

Я – профессиональный военный, отдавший армии 44 года, начал службу в 18 лет простым солдатом и закончил в звании генерала. Примерно половину времени прослужил в Великобритании, 14 лет в Германии, побывал также в Сингапуре, Гонконге, Малайзии, Западной Африке, Омане, Йемене, Северной Ирландии. Таким образом, я имел возможность сформировать собственную точку зрения – о нашей армии, об армиях других стран, о том, какое место должны занимать военные в обществе.

Практически в любой стране военные по своей природе и культуре весьма консервативны. Но культура меняется. Многие армии со времен холодной войны испытывают трудности, не понимая, каким образом адаптироваться к новым условиям. Хотя военная жизнь во многих аспектах отражает жизнь гражданскую, некоторые привычки гражданских, особенно молодежи, неприемлемы для солдат, когда они вступают на поле боя. Это очевидно. Военные должны находиться в состоянии постоянной готовности, а для этого требуется дисциплина, нужно жить по определенным правилам, совершенно другим, нежели в гражданском обществе. Но подобное различие между гражданской и военной жизнью имеет смысл только тогда, когда возникает реальная угроза. Тем не менее, для изменения армии требуется немало времени, поскольку, как я уже сказал, это очень консервативная организация. Ведь армия обычно строится на традициях, накапливаемых десятилетиями, и эти традиции в разных странах разные, здесь трудно делать какие-то обобщения. Например, в Пакистане, который противостоит Индии, военный президент и военное правительство. Тогда как в Британии, это невозможно.

На мой взгляд, чрезвычайно важно установить гражданский политический контроль над армией. Он необходим в любой стране, в том числе и в России. (Между прочим, я вспоминаю свои встречи с некоторыми генералами из бывшего советского блока, которые не могли понять саму идею гражданского контроля.) Такой контроль не означает, естественно, что генералы не имеют собственного слова при обсуждении бюджета или при проведении каких-то операций, при решении других важных вопросов. Они должны

*Лорд Чарльз Гатри,
Начальник Генерального
Штаба (1997–2003),
советник по вопросам
безопасности
(Великобритания)*

участвовать в обсуждении всех вопросов, касающихся армии, но нельзя давать им полную свободу, чтобы они создавали государство внутри государства. Хотя у офицеров при этом, конечно, должны быть политические убеждения. Однако я не думаю, что им следует становиться активными политиками. Они долж-

На мой взгляд, чрезвычайно важно установить гражданский политический контроль над армией. Он необходим в любой стране, в том числе и в России

ны служить при любом премьер-министре, при любом правительстве.

Офицерский корпус вообще играет чрезвычайно важную роль в определении места армии и военных в обществе. Армии нужны образованные просвещенные

люди, которые стояли бы во главе вооруженных сил, люди, которые умеют и хотят взять на себя необходимую ответственность за принятие политических и военных решений. Сошлюсь на пример Великобритании. Надо сказать, что британская армия отличается от многих других армий мира; 80 процентов ее офицерского состава — выпускники гражданских университетов, а не военных академий. У них может быть диплом или научная степень гражданского университета по самым разным специальностям. Молодые офицеры благодаря своему образованию имеют более широкий кругозор, лучше понимают ситуацию в своей стране, положение в армии еще до того, как поступают на военную службу и получают военное образование. Наконец, они имеют возможность обмениваться взглядами. Все это играет существенную роль в их дальнейшем развитии. Кроме того, очень важно, чтобы военные сознавали необходимость сотрудничества с гражданскими планирующими институтами. Должен существовать мост солидарности и взаимопонимания между руководящим составом вооруженных сил и гражданскими политиками. Речь идет не о том, чтобы гражданские отдавали генералам приказы, как проводить военные операции, — имеются в виду совместное планирование, выработка политики. Офицеры служат в армии, командуют солдатами, а гражданские сидят в министерствах, работают в правительстве — вполне естественное разделение труда. В их отношениях случается напряженность, но главное, чтобы это напряжение было конструктивным, а не разрушительным. Сотрудничество между гражданскими и военными весьма существенно для организации обороны; между прочим, в министерстве обороны в Лондоне работает столько же офицеров, сколько и гражданских лиц. Что же касается России, то я не имею возможности полностью оценить роль военных в современном российском обществе, хотя далеко не секрет, что во времена холодной войны военно-промышленный комплекс и ваша армия в целом играли огромную роль. Однако я воздержался бы от рекомендаций о том, какой офицерский корпус требуется российской армии, поскольку его структура отличается от той, что принята в большинстве армий мира. В России офицеры делают вещи, которые, безусловно, не вменяются в обязанность в армиях развитых западных демократий. Так, российские офицеры выполняют многие функции, которые в моей армии, например, выполняются сержантами и прапорщиками. Поэтому, я думаю, ситуация здесь совершенно другая, и вовсе не утверждаю, что то, что срабатывает в Британии, срабатывает и в России. Но, тем не менее, полагаю,

что необходимо всячески стимулировать реформы, которые происходят в вашей стране.

Затрагивая тему реформы в армии, должен подчеркнуть, что, на мой взгляд, будущее армии — за профессионалами. Современной армии требуются технические знания, которые призывники обеспечить не могут, поэтому еще в 1959 году Великобритания отказалась от призыва и никогда больше не собирается к нему возвращаться. Необходимо понять, насколько сложна сейчас солдатская служба, насколько нелегким делом стала армия. Жизнь в сегодняшней армии требует очень высокого профессионального уровня для того, чтобы вести современные военные действия. Суть современных боевых операций, их размах совершенно иные, чем несколько десятков лет назад. В прошлом нужно было проявлять такие качества, как способность принимать быстрые решения, мужество, упорство, твердость. Сейчас, мне кажется, с такими качествами можно легко попасть в беду. Скажем, при ведении военных действий в Северной Ирландии или на Балканах, прежде всего, требуются гуманизм, верховенство права, терпимость, стремление к установлению контакта с гражданскими. В Косово или даже в Ираке — это не война старого типа. Холодная война закончилась.

В этой связи, естественно, напрашивается вопрос, связанный с ведением боевых действий в Чечне. Здесь моя позиция сводится к следующему: прежде чем направлять военные подразделения в какое-нибудь место, такое как, например, Чечня или Северная Ирландия, нужно убедиться в том, что они четко понимают, какова их роль, как они будут там действовать, какие у них должны быть взаимоотношения с местным населением. Когда я был одним из армейских руководителей, я должен был в очень сжатые сроки посылать подкрепления в Северную Ирландию. И в тех случаях, когда они не были достаточно подготовлены, они действовали не так эффективно.

Пример Северной Ирландии показателен еще и тем, что там армия всегда поддерживала гражданскую власть. В принципе она помогала полиции, до некоторой степени была даже в подчинении полицейского командования (хотя это не означает, что полиция распоряжалась армией как ей заблагорассудится). Поэтому, с военной точки зрения, армия действовала успешно. В Северной Ирландии не было многочисленных жертв, хотя мы не разрешили там все проблемы. Мы значительно сократили количество жертв среди гражданского населения, в том числе благодаря присутствию армии, и население за это признательно ей.

Разумеется, когда идет речь о создании профессиональной армии, необходимо учитывать традиции и культуру страны. Так, Германия в настоящее время решает сложный для нее вопрос, нужна ли ей такая армия или лучше оставить систему призыва. Построить в Германии целиком профессиональную армию с профессиональным корпусом офицеров действительно довольно трудно, потому что такого не было в истории, культуре этой страны; там явно живы еще прусские традиции. Однако, я думаю, что без профессиональной армии ей будет очень трудно играть ту роль, которую она хотела бы играть.

Еще один интересный пример — Израиль. Там сохраняется система призыва, потому что у них не очень большое население, и они вынуждены сражаться за национальное выживание. Но руководство Израиля также задумывается над тем, что нельзя требовать сегодня от своих призывников слишком многого.

Даниель Берсе. Дамокл. 1984

Ведь, в самом деле, что можно ожидать от армии, где 18-летними солдатами командует 19-летний сержант, который, в свою очередь, находится в подчинении у 25-летнего лейтенанта? Это действительно очень серьезная проблема. Я часто с ужасом думаю о непрофессиональной, неконтрактной армии, об армии призывников. Призывники, конечно, тоже умеют воевать и могут быть прекрасны в бою. У России богатый трагический опыт такого героизма и чудес храбрости, которые проявляли советские люди, не будучи профессио-

нальными военными. Так что вопрос, скорее, не в готовности призывников воевать, а в *целесообразности* такой армии. На мой взгляд, пусть армия будет меньше, но она должна быть профессиональной. Военным необходима достойная зарплата, их следует уважать, они должны обладать самым современным оборудованием и вооружениями. И тогда высокий статус вооруженных сил позволит людям идти в профессиональную армию. Должен заметить, что многие из тех, кто поступает на армейскую службу в Британии, обычно покидают ее через 10 лет по семейным обстоятельствам. Но, тем не менее, сегодня армия Великобритании — довольно популярный институт, куда с готовностью идут молодые люди. Британское общество смотрит на армию, как на государственное предприятие, которое на самом деле отлично функционирует, — лучше, чем железная дорога, образовательные структуры, больницы и прочее.

Говоря о реформе в армии, о необходимости профессиональной армии, не могу не коснуться и такого явления, как дедовщина. Мне трудно понять, а тем более принять ее психологию. Мне кажется, люди, которым предстоит воевать вместе, должны быть скованы неразрывными узами патриотизма и солидарности. Конечно, в каждой армии есть «деды» — это свойство человеческой натуры. Я встречался с дедовщиной в британской армии, но не в такой степени, как в российской. Причины дедовщины в России, по моему мнению, следующие. Офицеру, лейтенанту, командиру взвода проще общаться со своими подчиненными, перекладывая на их плечи такое понятие, как дисциплина. А дисциплина, еще с советских времен, часто сводилась к тому, что все действия, которые должны были выполняться подразделениями, выполнялись с максимальной отстраненностью офицера от этих действий. Так как советская армия, помимо военных задач, выполняла хозяйственные функции, то офицер рассматривал себя как специалист в военных вопросах, а все хозяйственные функции ложились на плечи сержантов и старослужащих. Кроме того, в 1980-е годы в армию стала заметно проникать уголовная специфика, причем, роль уголовного романтизировалась; так что дедовщина — скорее, модель отношений, принятых в уголовном мире. Однако надо проявлять абсолютную безжалостность к данному явлению, и это — прямая задача руководства. Дедовщина существует в первую очередь тогда, когда полк, батальон или армейское соединение сталкиваются с экономическими проблемами. И, второе, она возникает тогда, когда офицерский корпус слишком молод. Но, повторяю, с дедовщиной надо бороться беспощадно. В профессиональной армии такого явления, конечно, быть не может. И если вы вступили на дорогу создания профессиональной армии, с подобными вещами необходимо покончить очень быстро.

Я убежден в том, что профессионализация — самый разумный путь, по которому армия должна развиваться. Хотя данный процесс потребует немало времени и немалых расходов. Тем не менее, если Россия хочет осуществить нечто такое, чем сможет гордиться, такие капиталовложения нужны и неизбежны. При этом важно понимать, что армия должна быть такой, какую страна может себе позволить. Естественно, всегда найдутся генералы и политики, которые хотели бы иметь большую армию. Однако финансировать ее очень сложно. Но если армия плохо финансируется, если военные плохо обеспечены, они больше не гордятся тем, что представляют военную организацию. Армия, которая недостаточно обеспечена, в которой у молодежи нет никакого желания служить — опасная армия.

*Игорь Маскаев,
выпускник Московской школы
политических исследований
(1994)*

Проклятие России?

Поставки нефти и газа составляют более 70 процентов российского экспорта. Еще 20 процентов обеспечивается за счет вывоза металлов. Пять процентов составляет химия и нефтехимия, то есть, опять-таки нефть. На долю остальных отраслей, в том числе высокотехнологичных, приходится не более пяти процентов от общего объема экспорта.

Таким образом, российский сырьевой сектор, нравится нам это или нет, поддерживает не только социально-экономическую жизнь России, но и обеспечивает сохранение ее конкурентоспособности среди других стран.

Например, топливно-энергетический сектор компенсирует недостатки климата и протяженность транспортных магистралей дополнительным расходом топливно-энергетических ресурсов. Это нивелирует условия производства в России с условиями производства в других странах, содействует снижению издержек во всех секторах экономики, смягчает социально-экономическую ситуацию в стране.

Российский сырьевой сектор еще со времен СССР глубоко интегрирован в международное разделение труда. В 90-е годы экспортная квота России по нефти выросла с 35 до 46 процентов, по нефтепродуктам – с 15 до 30-ти, по природному газу – с 30 до 33 процентов¹.

Эти цифры впечатляющи и неоднозначны: с одной стороны, невольно проникаешься гордостью за наш сырьевой сектор, а с другой – такая моноспециализация вызывает естественное беспокойство. Достаточно вспомнить недавние кризисы, чтобы задаться извечным российским вопросом: «Что делать?».

В принципе, с точки зрения здравого смысла и положений экономической теории, доходы от экспорта природных ресурсов, казалось бы, должны служить формированию богатства нации. Между тем, опыт стран, специализирующихся на сырьевом экспорте, чаще всего доказывает противоположное, что специализация в области использования природных ресурсов оказывает, как правило, негативное влияние на развитие экономики. Поэтому стоит разобраться в том, почему тема «проклятия природных ресурсов» по-прежнему находит своих сторонников и необычайно популярна.

Сегодня существует обширная научная литература, отвечающая на эти вопросы. Ее изучение позволяет выделить шесть негативных эффектов сырьевой специализации: ухудшение условий торговли, нестабильность доходов,

¹ *Расчеты автора на базе данных www.gks.ru.*

«голландская болезнь», эффект вытеснения, рост государственного вмешательства и, наконец, негативные социо-культурные последствия сырьевой направленности экономики.

Ухудшение условий торговли в долгосрочном плане

Данный негативный эффект описан Пребишем² и Зингером³ в 50-х годах, а также в более поздней работе Бромана⁴. Исследователи пришли к выводу, что со временем на доходы от продажи полезных ископаемых можно купить все меньше импортных капитальных товаров. И тем самым, следовательно, снижается возможность за счет инвестиций поддерживать экономический рост.

Проблема ухудшения условий торговли противоречива, и сама ее формулировка критикуется некоторыми учеными, например, Тойе, Киндельбергом, Майзельсом, Майкселлом. Поскольку трудно провести сравнительный анализ цен на сырьевые и промышленные товары: ведь тонна или баррель нефти остаются и сегодня все той же тонной и все тем же баррелем, в общем-то, все той же нефти, а вот станки претерпели качественное изменение. Они сегодня совершенно другие, чем семьдесят лет назад. И все же трудно понять, почему сравнительное изменение цен имеет такое сильное негативное влияние на экономические показатели развития страны. Экономика всех государств постоянно испытывают сравнительное изменение цен. Если эти изменения происходят постепенно, то негативные эффекты, как правило, носят краткосрочный характер, и экономики демонстрируют способность приспосабливаться. Если, конечно, в игру не вступают другие факторы.

Нестабильность доходов

Нестабильность (или волатильность) цен на сырьевые товары усиливает эффект, описанный выше. В докладе ЮНКТАД за 1985 год говорится, что Юг в период между 1980-м и 1984 годом из-за снижения экспортных цен на основные сырьевые товары недосчитался 55 миллиардов долларов США, что равноценно 63 процентам всего экспорта сырья в 1980 году⁵.

Неоспоримые данные доказывают, таким образом, что цена на сырьевые товары в реальном выражении снижается. Например, если проследить изменение средних цен на нефть за периоды по пять лет с 1970-го до 1999 года, то результат будет следующим: в 1974 году цена за баррель составляла \$15,72, и, постепенно поднимаясь, достигла к 1983 году своего пикового значения – \$61,5. Затем началось неизбежное снижение, и в 1999 году баррель нефти стоил всего \$18,5⁶. Такая волатильность требует компетентности и безупречной слаженности в работе всех государственных институтов, чего на практике в полной степени достичь невозможно.

В исследованиях Р. Оти⁷ и Р. Майкселла волатильность доходов является основным объяснением возникновения феномена «проклятия природных ресурсов». Ученые доказывают, что доходы от экспорта весьма нестабильны и подвержены сильнейшим колебаниям в сравнительно короткие периоды времени. Так Р. Майкселл приводит данные о том, что за период с 1972-го по 1992 год страны, специализирующиеся на экспорте сырья, испытывали волатильность доходов в два-три раза превышающую показатели по промышленно развитым странам за тот же период. Потенциально такая нестабиль-

² R. Prebisch. *The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems*. United Nations, *Lake Success*. – N.-Y., 1950.

³ H.W. Singer. *The Distribution of Trade Between Investing and Borrowing Countries*. // *American Economic Review*. #40, May. 1950.

⁴ J. Brohman. *Popular Development: Rethinking the Theory and Practise of Development*. – Blackwell. Oxford, 1996.

⁵ UNCTAD. *Trade And Development Report*. – N.-Y., 1985.

⁶ P. Stevens. *Resource Impact: Curse or Blessing*. Dundee. 2002.

⁷ R. Auty. *Resource Abundance and Economic Development*. – Oxford University Press, 2001.

Амфитеатр Пуццуоли. I в. н.э.

ность приводит к проблемам с налогообложением и макроэкономической устойчивости, увеличивая факторы неопределенности для инвесторов. Некоторые

исследователи указывают на опасность того, что высокие доходы от экспорта в хорошие времена проедаются, а не инвестируются⁸.

⁸ R. Mikesell. *Explaining the Resource Curse, With Special Reference to Mineral Exporting Countries.* // *Resources Policy*, Vol. 23, #4. 1997.

«Голландская болезнь»

Термин «голландская болезнь» появился в 70-е годы, когда Голландия начала разработку Groningenского газового месторождения. В результате экономика этой небольшой страны, с точки зрения специалистов, пережила серьезные негативные последствия. В начале «голландской болезнью» называли эффект реального укрепления национальной валюты. В рамках этого же явления рассматривали и сокращение сырьевых секторов экономики.

Затем эти процессы были тщательно изучены и описаны. Ряд публикаций трактует термин «голландская болезнь», включая в него самые разнообразные негативные макроэкономические последствия специализации страны на продаже сырья. В других исследованиях смысл этого термина сокращается до «неспособности сырьевых стран создать конкурентоспособную промышленность». Основным толкованием этой метафоры для дискуссий в научной литературе стал подход, предложенный Корденом и Ниэри. Они разделили термин «голландская болезнь» на две составляющих: на эффект перемещения ресурсов и эффект использования доходов. В первом случае продукция с более высокой предельной прибылью в секторе, переживающем бум, «перетягивает в этот сектор из других секторов мобильные ресурсы». То есть факторы производства перемещаются в прибыльный сектор, увеличивая зарплаты и заставляя другие сектора сокращаться.

Эффект же использования доходов — это результат притока крупных финансовых средств, получаемых от продажи сырьевых ресурсов в условиях благоприятной конъюнктуры. Высокие доходы в этом случае приводят к увеличению спроса в секторах как торгуемых, так и не торгуемых товаров. В секторе торгуемых товаров цены устанавливаются на мировых рынках, и более высокий спрос удовлетворяется большим импортом. А в секторе не торгуемых цены увеличи-

ваются до относительного уровня цен торгуемых товаров. И тогда ресурсы начинают, в свою очередь, перемещаться из торгуемых секторов экономики в не торгуемые. В том случае, если сырьевой сектор представляет собой своеобразный анклав (а нефтяной сектор, как правило, таковым и является) и не участвует в торговле на внутреннем рынке, эффекта перемещения ресурсов не наблюдается. При этом эффект использования доходов приводит к расширению сектора не торгуемых товаров, но за счет сокращения других торгуемых секторов⁹.

Эффект вытеснения

Эффект вытеснения является вариацией описанного выше эффекта перемещения ресурсов. Исследователи полагают, что эффект вытеснения возникает в том случае, когда «сырьевые» проекты отличаются особо крупным масштабом и претендуют на ограниченные ресурсы, необходимые для развития других секторов. Этот эффект приобретает особую актуальность либо в небольших странах, либо когда проекты сосредоточены в одном регионе¹⁰.

Рост государственного вмешательства

Этот эффект усугубляется низкокачественными решениями органов государственного управления, масштабной коррупцией и поиском ренты, а также низкоэффективной инвестиционной и промышленной политикой. В научной литературе этот эффект представляется, пожалуй, одним из самых спорных. Это связано с тем, что часть экономистов не разделяют взгляды, определяемые как «Вашингтонский консенсус». Они не считают, что рост государственного вмешательства является негативным фактором. Однако в целом многие экономисты согласны с тем, что часто в условиях высоких доходов от экспорта сырьевых ресурсов государственные органы принимают неадекватные решения. Это объясняется рядом факторов.

⁹ W.M. Corden and J.P. Neary. *Booming Sector and Dutch Disease Economics. // A. Survey. Economic Journal, Vol. 92, 1982.*

¹⁰ Ханпримеф, E.F. Buffie. *Direct Foreign Investment, Crowding Out and Underemployment in the Dualistic Economy. // Oxford Economic Papers, Vol. 45, 1993.*

Во-первых, разработка месторождений приводит к росту ожиданий среди населения. Государство попадает под политическое давление и желает продемонстрировать результаты. При этом быстрые и непродуманные решения реализуются, как правило, неопытными и плохо скоординированными государственными службами, что приводит к серьезным дисторциям рынков и отнимает надежду на естественную адаптацию экономики к изменениям. Некоторое время спустя дисторсии приводят к тому, что поправить ситуацию без государственного вмешательства практически уже невозможно.

Во-вторых, получая сравнительно большие суммы и предвкушая в будущем их увеличение, государственные органы не считают нужным тратить больше усилий для того, чтобы принимать взвешенные и трезвые решения.

В-третьих, зачастую именно государство является получателем значительных доходов от продажи сырья, когда решения по использованию этих доходов принимают отдельные государственные служащие со всеми вытекающими отсюда последствиями¹¹. То есть, другими словами, к появлению могущественных лоббистских групп, способных блокировать любые здравые экономические решения. Оги рассматривает в этой связи пример Бразилии¹². А Вендерс убедительно показывает, как поиск ренты в подобных ситуациях приводит к появлению компаний, обладающих значительной монопольной властью, которая существенно увеличивает общественные потери от монополизации¹³.

Негативные социо-культурные и политические эффекты

По описаниям исследователей, названные эффекты зачастую проистекают из всех перечисленных выше проблем. Страны, специализирующиеся на продаже сырья, как правило, не имеют сильных политических

и гражданских институтов. Западные исследователи в своих работах выделяют два типа государств, в зависимости от проводимой экономической политики: «государства, ориентированные на развитие» и «хищнические государства». Д. Лал, в частности, указывает на связь между позитивным экономическим развитием и политической системой, отмечая, что большинство «сырьевых» стран являются странами с олигархическими системами, а не демократиями¹⁴.

Ученые предлагают несколько рецептов превращения «проклятия ресурсов» в благо для страны: замедление или прекращение их добычи, диверсификация, стерилизация доходов, создание стабилизационного фонда, разработка и принятие государственной инвестиционной политики, проведение политических реформ, направленных на большую демократизацию общества и прозрачность политической системы. Россия воспользовалась некоторыми из этих рецептов, что позволило Президенту России Владимиру Путину заявить в своем ежегодном послании к Федеральному Собранию РФ весной этого года, что у нас «наметились перемены к лучшему». «Продолжился экономический рост. За три года валовой внутренний продукт страны вырос на 20 процентов. Инвестиции в основной капитал – более чем на 30 процентов. Физический объем экспорта товаров увеличился на четверть, в том числе объем экспорта машин, оборудования, транспортных средств более чем на 70 процентов. Экспорт нефти, нефтепродуктов и газа увеличился на 18 процентов, и сегодня Россия является крупнейшим экспортером топливно-энергетических ресурсов в мире»¹⁵.

Безусловно, такой экономический рост в России во многом стал возможен из-за благоприятной мировой конъюнктуры последних лет. Россия получила значительные дополнительные доходы и сумела в общем здраво ими распорядиться, направив их на повышение уровня жизни населения, инвес-

¹¹ R. Auty. *Resource Abundance and Economic Development*. – Oxford University Press, 2001.

¹² *Ibid.*

¹³ J.T. Wenders. *On Perfect Rent Dissipation*. // *American Economic Review*, Vol. 77, 1987.

¹⁴ D. Lal. *Why Growth Rates Differ*. Cit. in: B.H. Koo al. *Social capabilities and Long Term Economic Growth*. – Macmillan, N.-Y., 1995.

¹⁵ В.В. Путин. *Послание Федеральному Собранию*. 16 мая 2003 года. www.kremlin.ru.

Вадим Сидур. Формула скорби. 1972

тиции в российскую экономику, частично использовав их для погашения государственного внешнего долга, который удалось снизить на четверть. И, наконец, эти доходы были использованы для пополнения резервов Министерства финансов и Центрального банка. На будущее России «требуется со-

здание стабилизационного фонда»¹⁶, который позволит властям проводить стабильную бюджетную политику.

Наверное, с позиций здравого финансового подхода это все, что можно было сделать в тех условиях, в которых находится Россия сегодня. Однако многие экономисты счита-

¹⁶ В.В. Путин. Послание Федеральному Собранию. 16 мая 2003 года.

ют, что точку здесь ставить рано. Необходимо еще диверсификация, чтобы экономика, перефразируя слова министра экономического развития и торговли Германа Грефа, не упала вслед за ценами на нефть.

Загадочный латинизм «диверсификация» предполагает необходимость структурных и институциональных реформ в стране. Нужен фундаментальный демонтаж административных барьеров, проведение административной и банковской реформ (последняя позволит перераспределить «сырьевые» ренты рыночным путем). Необходимы реформы образования и здравоохранения, всяческое содействие развитию и укреплению рыночных институтов. Все эти реформы, несмотря на свою непопулярность, должны быть реализованы не только на бумаге.

Поставив амбициозную задачу — удвоение ВВП за 10 лет, (заметим, что ее решение выходит за рамки потенциального второго срока действующего президента страны), Владимир Путин загадочно заявил, что «проблема реального выбора источников роста появится лишь при жесткой необходимости решать конкретную задачу», что «реформы ради реформ не нужны».

По мнению известного экономиста Евгения Ясина, это неверная постановка вопроса: России надо заниматься структурными реформами, в том числе реформами естественных монополий, чтобы обеспечить рост ВВП хотя бы на уровне 5–6 процентов, причем, не раньше, чем к 2008 году¹⁷.

Возможно, во время фактически начавшейся предвыборной гонки Президент не хочет и не может говорить сразу и обо всем — о проблемах с олигархами, преступностью и коррупцией, о Чечне, о проблемах с политическими институтами и гражданским обществом, о доверии. И одновременно о неизбежности реформ, которые придется проводить, если мы хотим, «чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира»¹⁸.

Для решения этой задачи мы должны сократить растущий разрыв между бедными и богатыми, между вырвавшейся в процветающий капитализм Москвой и все больше увязающими в безнадежной нищете российскими регионами.

Пока же мы видим попытку решить сложнейшую проблему по-простому: отобрав и переделав ресурсы. Беспокойство вызывает отсутствие серьезных публичных дебатов по этой проблеме и неосторожность государства в выборе средств, порождающая страх и еще большую неуверенность в обществе. У России есть горький опыт, по Шаламову — стопроцентно отрицательный, основанный на страшном коктейле из романтизма и примитивной человеческой зависти. Подобный опыт и дает удручающую статистику для выводов ученых, утверждающих, что природные богатства — проклятие России.

По мнению Евгения Ясина, «мы должны понять, что в условиях постиндустриального общества мы не сможем быть конкурентоспособными, если мы не будем свободными... Мы сейчас оказались в такой точке, когда принципиально важно создать обстановку доверия... Чтобы люди ощутили, что более справедливо стали принимать решения в суде. Чтобы мы сами стали своих окружающих больше уважать, стали бы более солидарными, более сострадательными, чем раньше. К сожалению, наша революция оказалась очень жестокой эпохой, и без жалости, без солидарности мы не сможем стать процветающей страной»¹⁹.

Что же касается наших природных богатств — то это, на мой взгляд, лишь лакмусовая бумажка, определяющая способность нации принимать здравые решения.

¹⁷ Д. Симаков, А. Воронина, А. Онегина, А. Беккер. *Запредельные цели. Президент требует от страны новых подвигов.* // *Ведомости*, № 82, 19 мая 2003.

¹⁸ В.В. Путин. *Послание Федеральному Собранию. 16 мая 2003 года.*

¹⁹ Е. Ясин. *Путь в постиндустриальную экономику.* // *Первое сентября*, № 37, 27 мая 2003. www.hse.ru.

Выборы и Выбор

Александр Архангельский
«Известия» (федеральный выпуск)

Период между выборами — прошедшими парламентскими и грядущими президентскими — побуждает, на мой взгляд, к новым размышлениям о том, какова в сложившейся ситуации роль журналистского сообщества и какие задачи оно может — и должно! — перед собой ставить.

В том, что происходит сейчас, есть некая очень неприятная историческая логика. И для того чтобы понять, что будет дальше, а это, в общем, даже важнее того, что происходит сейчас, нужно понять, как мы к этой логике, к этой жизни пришли. Я хотел бы начать с литературного примера. Модный писатель Виктор Пелевин не так давно выпустил очередной роман. Предыдущая его книга вышла в 1998 году и вызвала тогда широкий отклик. Я не собираюсь здесь обсуждать литературные достоинства этого произведения; в данном контексте Пелевин мне интересен, прежде всего, как человек с достаточно чутким социальным темпераментом, тонко улавливающий происходящее. Роман 1998 года «Generation P» — о том, как реальность постепенно вылетает в телевизионную трубу. О том, как телевизионные избирательные и прочие технологии превращают жизнь в телевизионную картинку, картинка начинает жить самостоятельной жизнью, и в какой-то момент становится непонятно, где, скажем, реальный Березовский, а где Березовский, смоделированный телевизионными средствами; реальность исчезает. В романе, только что вышедшем, ничего про телевидение, СМИ, избирательные технологии и прочие вещи, нет. Там говорится о другом. Пелевин как писатель расчетливый прекрасно понимает, о чем хотят читать в 1998-м и о чем — в 2003-м. В 2003 году никого, кроме политических элит, журналистов и бизнеса (потому что он не может обходиться ни без политической системы, ни без информационного поля) тема освещения выборов, тема избирательного законодательства, не волнует. И это сегодня — основная проблема.

Как и когда формировалось самосознание нынешнего активно действующего поколения журналистов? Не в 1991 году, потому что почти все, кто ярко заявил тогда о себе, отошли на некоторую периферию, а в центр переместились те, кто формировался в 1996-м и позже. Данное поколение и определяет сейчас игру на информационном поле.

В 1991 году журналистское сообщество было поколением борцов, точнее, непосредственных медийных участников политической борьбы. И делали они это не ради выгоды, а ради некоего политического выбора. Ради того, чтобы оказаться в той стране, где они хотели бы жить, и уйти из той страны, где они жить не хотели. В 1996 году ситуация изменилась. То была уже эпоха постромантизма с явно проявившимся у журналистского сообщества имущественным интересом. Журналистика в 1996 году превратилась в идейный пиар. В такой пиар, который надстроен над реальными конфликтами, преобразует их, упрощает и доводит до сознания потенциального избирателя. Понятно, что журна-

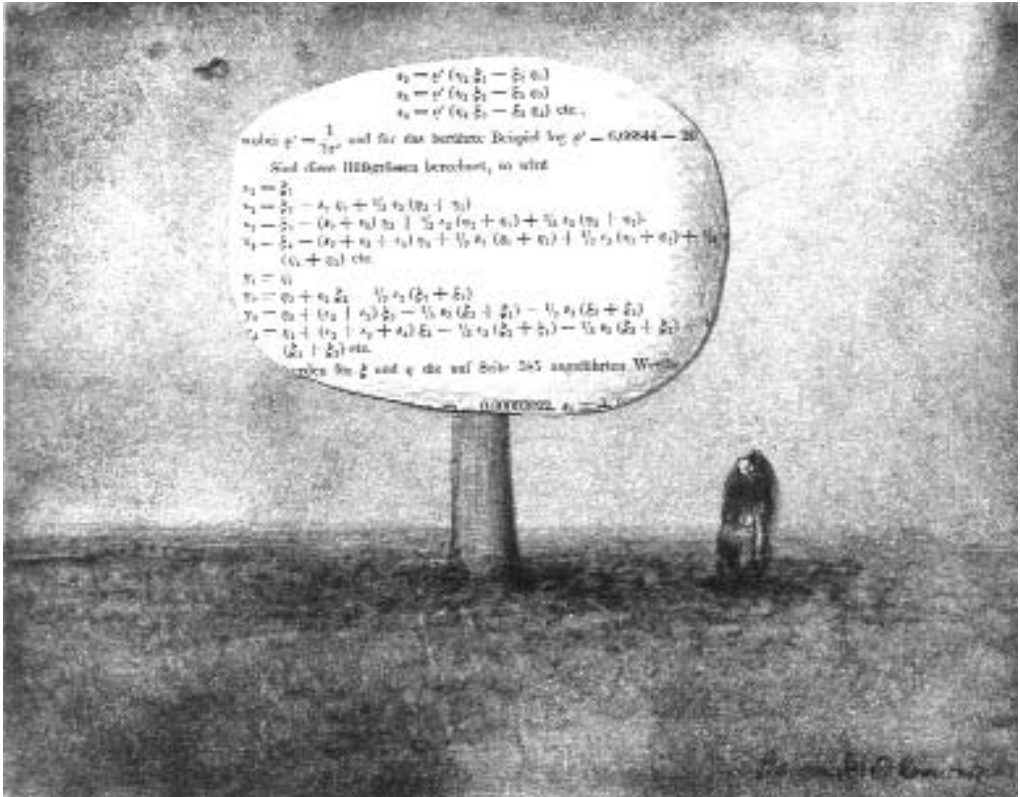
листика — это не философия. Журналистика — способ банализации ключевых идей. Журналистика опосредует, сводит к схеме те реальные конфликты, реальные проблемы, которые существуют в обществе, в бизнесе, в политике, в культуре, где угодно. В 1996 году задача была очевидна. Существовали реальные

Итак, к выборам 2003/2004 года мы подошли в ситуации социальной апатии, относительной стабильности и постмодернистской пиаровской технологии, которая у обеих сторон конфликта одна и та же. Это создание муляжей и пугал, которые пугают только элиту, а не массы. Для нас же главное, что будет после выборов и в результате выборов

конфликты, от которых зависела судьба страны. Был конфликт между стареющим, непопулярным, противоречивым, но по-прежнему реформаторски настроенным Ельциным и коммунистами. Была опасность, что в случае победы коммунистов на выборах просто из-за паники начнет по принципу домино рушиться бизнес-пространство, политическое пространство. И была реальная, я хочу это подчеркнуть, борьба в окружении Ельцина за дальнейший

путь развития страны и за дальнейшее существование политических элит в этой стране. Конфликт вокруг Ельцина интересовал и волновал не только политическую элиту. Так же как конфликт между ельцинской политикой и политикой коммунистов волновал не только ее. От того, кто выиграет, упрощенно говоря, Чубайс или Коржаков, слишком многое зависело не только для Чубайса и не только для Коржакова. И это определяло стратегию поведения журналистского сообщества в 1996 году. Оно участвовало в политическом процессе, одновременно решая свои имущественные вопросы. То есть журналисты научилось зарабатывать, имея при этом некоторые идейные принципы. Над реальными конфликтами надстраивалась пиаровская модель, продвигавшаяся затем информационными средствами в сознание общества.

Выборы 1999 года, накануне которых как раз и вышел упомянутый роман Пелевина, были иными по своему существу. Я бы сказал, что по сравнению с 1996 годом все оказалось поставленным с ног на голову. В 1996 году имела пиар-надстройка над реальными политическими конфликтами. В 1999 году реальность во многом надстраивалась над пиаровской технологией. То, что происходило в действительности, имело значение лишь в той мере, в какой оно вписывалось или не вписывалось в заранее сформированную пиар-модель. К примеру, взрывы домов, начало дагестанской операции, которая потом развивалась в операцию чеченскую. Все события случались уже после того, как некие конфликтные модели обсуждались в СМИ. Именно в силу того, что эти ситуации подробно просчитывались, что общество было подготовлено к ним информационными технологиями, и возникало ощущение заказного характера происходивших событий. В 1996 году реальные конфликты сначала развивались в элите, а уж затем выносились, как сор из избы, журналистами. Пиаровскими технологиями журналисты работали с сознанием избирателей. В 1999 сначала работали с сознанием избирателей, а потом к этой модели подверстывались реальные политические события.

Вильгельм Майер-Солг. Древо познания. 1977

Несомненно, выборы 1999 года — самые драматичные по подаче информации в печатных СМИ и отнюдь не самые содержательные в истории новейшей России, потому что тогда в большей степени решался вопрос о власти и судьбе политических элит, нежели о судьбе страны. В 1996 году, повторю, от того, победит или не победит непопулярный Ельцин, слишком многое зависело не только для Ельцина. В 1999 году задача стояла, прежде всего, для политических элит. Для тех элит, которые, с одной стороны, уже существовали у власти, с другой — потихонечку к ней подтягивались. И это совпадало с шедшими параллельно переменами в общественном сознании. Потому что в 1996 году лозунг «голосуй сердцем» работал в основном для масс, а образованное сословие все-таки выбирало умом, прагматически. В 1999 году игра уже шла подчас за гранью правил, за гранью предельно допустимого.

Что же произошло дальше? В результате выборов 1999 года, последних чисто пиаровских выборов в истории новейшей России, элиты, пришедшие к власти, начали уничтожать тех, кто их к этой власти привел, а также те средства и те способы, которыми это осуществлялось. Потому что они не хотели, чтобы их конкуренты теми же способами переиграли их на том же поле в следующий раз.

Одновременно с этим процессом появились и признаки усталости общества от тех перемен зрителей и участников, которые происходили, если учесть и горбачевскую эпоху, более 10 лет. Срок вполне достаточный, чтобы революционная энергия расплылась и иссякла. На смену ей пришли утомление, апа-

тия, чувство разочарования. К тому же начали сказываться первые результаты реформ, потому что экономика худо-бедно заработала. Кризис 1998 года, как ни странно, обернулся в конечном счете благом для отечественной экономики. Возникли рабочие места, люди стали получать более или менее постоянные зарплаты. Благоприятной была международная конъюнктура, росли цены на нефть. Наступила относительная экономическая стабильность, очень напоминающая 1970-е годы, — некий предвестник застоя. Обнаружились две тенденции: с одной стороны, желание элит сохранить эту относительную, скромную стабильность, с другой — определенная усталость у всех слоев населения. Журналисты в глазах власти в тот момент превратились в разменную монету, потому что они не интересовали власть как участники, как борцы, а были инструментом в борьбе власти с теми, кто реально осуществлял медийную политику. В этой связи очень показателен знаменитый разговор Путина с Доренко. Если Доренко оказывается в команде Путина — проводимая им информационная политика будет правильной и хорошей. Если он оказывается за пределами этой команды, его информационная политика будет плохой, не правильной.

Параллельно началось формирование новой пиаровской стратегии — я бы ее определил как проект умеренной реставрации. У истоков данной стратегии стоял Глеб Павловский, а основывалась она на его представлении о том, что после революции наступает реставрация, которая может быть умеренной или не умеренной. Идея Павловского состояла в следующем: создать эпоху муляжей, а реальность под покровом этих муляжей будет постепенно двигаться вперед. Отсюда — возвращение гимна с его новым (старым) текстом, переписанным тем же самым Михалковым, дискуссия о восстановлении памятника Дзержинскому, красное знамя для армии, и так далее. Эпоха пустых знаков — таков постмодернистский проект имени Глеба Павловского. И если сейчас говорят, что во время прошедшей предвыборной кампании повторился тот же конфликт, который был в 1996 году, когда окружение Ельцина боролось за будущее страны, — это неправда.

Итак, к выборам 2003/2004 года мы подошли в ситуации социальной апатии, относительной стабильности и постмодернистской пиаровской технологии, которая у обеих сторон конфликта — условных православных чекистов и условных же либералов — одна и та же. Это создание муляжей и пугал, которые пугают только элиту, а не массы. Для нас же главное, что будет после выборов и в результате выборов.

Дело в том, что стабильность и успокоение в обществе — тоже муляжи. Потому что под покровом этой стабильности набухают вполне реальные, вполне серьезные и вполне, как сказал бы Михаил Сергеевич Горбачев, судьбоносные конфликты, с которыми мы в ближайшее время столкнемся. Ибо, если президент избирается по Конституции, исключая третий срок, и при этом и в узком кругу, и на международной арене публично подчеркивает, что не собирается баллотироваться в третий раз, значит, его команда ведет себя не совсем так, как она себя вела во время первого срока. Значит, внутри нее начинаются разброд, шатания, настоящая подковерная борьба за будущее — свое, шкурное, будущее. А страна столкнется, это очевидно уже сейчас, с целым рядом серьезнейших проблем. Будет расти безработица. С середины второго президентского срока она станет колоссальной проблемой. Потому что крупный бизнес будет сбрасывать излишки ре-

Символическая фигура зимы. Фрагмент двери собора в Аахене. Нач. XI в.

сурсов, чтобы сохранить стабильность. А малый и средний бизнес не создан и не будет создан, так как ему не под силу пробить бюрократическую стену. Армия уже сейчас сталкивается с чередой технологических катастроф, демонстрируя как свою человеческую, моральную, изношенность, так и изношенность технологическую. Она не реформирована, и реформировать ее в условиях разброда и шатания в команде — невозможно. В этой ситуации не-

возможно и проведение других намеченных, необходимых реформ: жилищно-коммунального хозяйства, административной и так далее. То есть стабильность первого путинского срока не была использована для принятия тех решений, которые обеспечили бы дальнейшую стабильность и безболезненность переходов к следующему этапу. Путинский период стабильности во многом был обеспечен ельцинскими (назовем их так) болезненными решениями. (Во всяком случае, Ельцин политическую ответственность за них на себя взял.) Путинский второй срок окажется чрезвычайно сложным именно в силу того, что короткий период исторического затишья не был использован.

Так что проблема не в том, как пройдут выборы. А в том, что дальше наступит Выбор. Главная беда ситуации, в которой мы находимся, — это мысль, которая постепенно проникает в журналистское сознание: от нас вообще ничего не зависит. И если мы привыкнем к мысли, что от нас, как от людей, работающих с информацией, ничего не зависит, а нас к этому подталкивают, если эта мысль возобладает, то худо будет прежде всего формирующемуся гражданскому обществу. Что дальше, где мы и с кем — ключевой вопрос сегодня. Повторю. В 1991 году журналисты были борцами. В 1996 году они были участниками. В 1999-м — соучастниками. Кто они после 2003 года? Если мы честно зададим себе этот вопрос и попытаемся честно на него ответить, то придем к выводу, что у журналистов сейчас тройная роль: а) — свидетели, б) — участники, в) — обслуга.

Конечно, пафосный, романтический, бурный период, который мы переживали в начале 1990-х, кончился навсегда. Борцами журналисты быть не должны. И плох тот руководитель СМИ, который позволит своим журналистам быть борцами и активными агитаторами, как это было возможно в 1990-е годы. Они свидетели. Право на высказывание своего мнения должно быть у крайне ограниченного круга журналистов. У журналистской элиты. Просто потому, что иначе читатель уйдет...

Мне кажется, что выбор очевиден. После реставрации возможны либо продолжение реформы, либо реакция. Поэтому задача СМИ сейчас — не рассказывать о тех проблемах, с которыми во время выборов сталкиваются политические элиты, а говорить о тех, с которыми столкнется общество в ближайшее время. Чтобы какой-нибудь очередной Глеб Павловский или, напротив, его враг, не запустили пиар-проект под названием реставрация 1, реакция 2 и так далее. Не надо предлагать нам муляжи — пусть играют в муляжи сами. Мы должны разговаривать с обществом и говорить с ним о реальных проблемах, а проблемы, стоящие перед страной, вполне серьезны. И решение их зависит не только от воли политических элит, но и от воли общества. Следовательно, и работать надо не с политической элитой, а с обществом. Общество должно очнуться. Надо вернуть ему энергию выбора. А для этого надо самим ощутить, что мы участвуем в процессе. Мы не участвуем в политической игре, не участвуем в борьбе политических кланов внутри Кремля, мы участвуем в борьбе за будущее каждого из нас, то есть в борьбе за общественное самосознание. Мы должны говорить не о параметрах будущего президента (которые уже сейчас наверняка обсуждаются политическими элитами), а о стране, об обществе. О том, с чем мы столкнулись, о том выборе, который нам предстоит. Не им — здесь и сейчас. А нам — завтра.

Московская школа политических исследований издает три серии книг, посвященных самым разным проблемам политического, культурного и социально-экономического развития современного мира.

Начиная с этого номера, мы будем регулярно знакомить читателя с нашими новыми изданиями, публикуя короткие аннотации и наиболее характерные отрывки из каждой книги, дающие представление о ней, а также сведения об ее авторе.

БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Клас Эклунд. Наша экономика. Перевод со шведского: Алексей Волков.

Клас Эклунд – известный шведский экономист, работал в частных компаниях, в настоящее время преподаватель политической экономики. Книга представляет собой продуманное и проверенное практикой учебное пособие для преподавателей экономики, особенно тех, кто читает вводные курсы по макроэкономике, а также для студентов, изучающих этот предмет. И, что, может быть, особенно ценно – для людей, стремящихся самостоятельно овладеть знаниями в этой области. Поскольку в книге представлен богатейший и уникальный материал по экономике Швеции, привлекающий особое внимание в России, книга интересна для широкого круга людей, причастных к бизнесу, решениям государственных или региональных экономических проблем, неравнодушных к дискуссиям на эти темы. Они смогут значительно повысить уровень знаний относительно принципов экономической политики и управления в этой сфере. Автор предоставляет большие возможности для сравнений экономик различных стран, их экономической политики и сопоставления ее с российскими проблемами и способами их решения.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА МАКРОЭКОНОМИКА?

Какой, собственно говоря, смысл читать книгу по макроэкономике? Ответ заключается в том, что явления макроэкономике затрагивают нас всех. Заработная плата и цены, квартирная плата и налоги, прибыли и инвестиции, безработица и инфляция – все это наша каждодневная жизнь, хотим мы этого или нет.

Макроэкономика, таким образом, — это наше собственное существование. Для того, чтобы понять это и суметь изменить условия нашей жизни, добиться ее улучшений, мы должны понимать экономические взаимосвязи. Если мы этого не достигнем, то принимать решения будет лишь небольшая группа так называемых экспертов.

Однако многие думают, что изучать экономику трудно. На радио и телевидении, в газетах постоянно сталкиваешься со специальными терминами: «валютный курс», «бюджетный дефицит», «финансовый кризис», «внешний долг», «государственный долг», «рыночная экономика» — и так далее, и так далее. Что, собственно говоря, означают все эти слова? Насколько на самом деле опасен дефицит государственного бюджета? Способствуют ли компьютеры безработице? Что вызывает инфляцию? И почему правительство проводит именно ту экономическую политику, которую оно проводит?

Цель этой книги — описать и разъяснить термины и взаимосвязи в макроэкономике, а также дать картину развития шведской экономики и формирования экономической политики в современной Швеции. Надеюсь, что эта книга поможет читателю лучше понять экономические дискуссии и, возможно, даже позволит принять в них участие.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В течение последних десятилетий национальные экономики переплетались во все большей степени. Росла доля внешней торговли в совокупном производстве; в Швеции доля экспорта в ВВП увеличилась примерно с 20 проц. в начале 1960-х годов почти до 50-ти в настоящее время. Прямые зарубежные инвестиции во многих странах увеличивались еще быстрее; в настоящее время крупные шведские предприятия производят большую часть своей продукции и имеют большую часть своей рабочей силы за границей, а не в Швеции. Произошла также интернационализация собственности; одна третья часть акций компаний, зарегистрированных на Стокгольмской фондовой бирже, принадлежит сегодня иностранцам. Произошло дерегулирование движения капитала, которое увеличивалось очень быстрыми темпами; дерегулирование и новая информационная техника создают возможность трансграничного перемещения огромной массы капитала и заключать сделки в течение пары секунд путем телефонного разговора и нажатия пары кнопок.

Эти процессы шли долго. В 1990-х годах они были названы обобщающим термином *глобализация*. Это вовсе не научное понятие и не существует никаких особых экономических теорий относительно именно глобализации. Вероятно, можно сказать, что новым относительно начавшейся раньше интернационализации было то, что быстрый технический прогресс привел к тому, что теперь даже небольшие предприятия могут действовать на глобальном уровне, и сейчас легче, чем раньше, перемещать современную технику через границу.

Под этим я понимаю, что новая информационная технология изменила методы деятельности предприятий. Электронная связь по всему миру приводит к тому, что предприятия управляются и работают иначе, чем раньше. Теперь при помощи современных коммуникационных технологий можно соединить ряд функций и предприятий независимо от места их расположения в мире. В то время как еще пару десятилетий назад крупные предприятия зачастую были организованы в виде пирамид с жесткой приказной системой, сегодня они заметно «более плоские» и часто организуются в виде группы небольших

предприятий, которые включены в единую «матричную» организационную структуру с некоторыми общими функциями.

Национальные границы имеют все меньшее значение для этих типов предприятий. В качестве хорошо известного примера можно привести шведскую компанию АББ, которая состоит примерно из 5000 небольших «центров прибыли» и которая называет себя «многонациональной» именно для демонстрации того, что чувствует себя дома везде. В подобной международной матрице производство, распределение, научно-исследовательские работы, руководство и т.п. могут быть разделены и каждый вид деятельности размещен именно в той клетке, которая в данный момент лучше всего подходит именно для данного вида деятельности — независимо от того, в какой стране располагается эта клетка. Каждое предприятие становится сетью из различных частей в разных странах. Целостность поддерживается при помощи электронной почты, общих баз данных, спутников связи, видеоконференций, мобильных телефонов и других современных вспомогательных средств связи. И это может относиться даже к малым предприятиям, которые могут получать поставки с другого конца земного шара, покупать услуги консультантов по всему миру, разделять свою деятельность на различные части и достигать находящихся далеко клиентов при помощи Интернета.

В этом новом, глобализированном мире, в котором все большее число стран вовлекается в быстро меняющуюся рыночную экономику, часть старых взаимосвязей меняет свой характер. Может становиться все труднее выявить национальные особенности в области сравнительных преимуществ. Если раньше — в упрощенном виде — существовал выбор между производством товаров высокого качества с высокими издержками в промышленно развитых странах, с одной стороны, и низкого качества с низкими издержками в развивающихся странах, с другой, то сейчас это отношение взаимозаменяемости выражено намного менее очевидно. В настоящее время путем перемещения современной техники в развивающуюся страну и использования современной коммуникационной технологии зачастую можно производить товары одновременно с низкими издержками и хорошего качества. Это сопровождается резким повышением жизненного уровня в этих странах, в которых в настоящее время быстро проходит процесс индустриализации, а также усиливающимся вызовом продукции старых промышленно развитых стран. Они должны развивать свою технику и повышать свою производительность труда для того, чтобы сохранить привлекательность и не терять большего количества рабочих мест, уступая их рынкам в быстро развивающихся странах.

Таким образом, суть состоит как во все большем переплетении экономик, так и в радикальном обострении конкуренции. Это приводит к ряду последствий. В частности, платежный баланс во все меньшей степени остается термометром экономики страны, валютные системы сталкиваются с новыми проблемами вследствие свободного движения капитала, еще сложнее, чем раньше, проводить национальную политику стабилизации, и с теми же самыми затруднениями сталкивается теперь и структурная политика; когда налоговые основы приобретают большую подвижность, становится все труднее собирать налоги, уровень которых намного выше, чем в окружающем мире. В результате действия этих сил в настоящее время мы становимся свидетелями расширения дискуссий о будущем национальных государств и возможной необходимости для экономической политики поиска иных — наднациональных — арен для своего действия. Европейский валютный союз (ЕВС) отчасти является следствием именно этого процесса.

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Ханна Арендт. Люди в темные времена. Перевод с английского и немецкого: Г. Дашевский, Б. Дубин.

Ханна Арендт (1906–1976) – всемирно известный социальный мыслитель, философ и политолог. Автор классической работы «Истоки тоталитаризма». Книга Х. Арендт – собрание очерков о людях XX века, философях, писателях, политиках, многих из которых она хорошо знала лично. Это не биографические и не мемуарные очерки, но размышления о том, как в жизни, поведении, творчестве конкретных людей отражались общие проблемы XX века – те, которыми были посвящены философские сочинения самой Арендт. Упадок политического, возникновение и подъем тоталитаризма, трансформации публичного пространства, соотношение художественного и политического слова – сквозные темы очерков. Проницательность и память автора в отношении конкретных людей в сочетании с силой и глубиной философского и политического анализа – особенно актуальны для современной России.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писавшийся на протяжении двенадцати лет, когда предоставлялись повод или возможность, этот сборник очерков и статей – прежде всего о людях: о том, как они проживали свою жизнь, как двигались в мире и как на них отразилась историческая эпоха. Более непохожих друг на друга людей трудно себе представить, и будь у них возможность высказаться, они, конечно, ни за что не согласились бы собраться в одном месте. Ибо их не объединяют ни таланты, ни убеждения, ни профессия, ни среда; за одним исключением, они вряд ли и слышали друг о друге. Однако они были современниками – не считая, разумеется, Лессинга, о котором, тем не менее, во вступительном очерке говорится, словно о современнике. Так что их объединяет эпоха, на которую пришлось время их жизни, – мир первой половины двадцатого века, с его политическими катаклизмами, моральными катастрофами и поразительным развитием искусств и наук. И хотя одних персонажей книги эта эпоха убила, а жизнь и творчество других решительным образом определила, среди них есть несколько человек, ею почти не затронутых, и нет ни одного, кто был бы ее продуктом. Те, кто ищет представителей эпохи, рупоров *Zeitgeist*'a*, выразителей Истории с большой буквы, здесь их не найдет.

Тем не менее, историческое время – «темные времена» из заглавия – заметно, мне кажется, в этой книге повсюду. Выражение я взяла из знаменитого стихотворения Брехта «К потомкам», которое говорит о хаосе и голоде, резне и палачах, о возмущении несправедливостью и об отчаянии, «когда несправедливость есть, а возмущения нет», о праведной, но все равно уродующей человека ненависти, о законной ярости, от которой хрипнет голос. Все это было достаточно реально, поскольку происходило публично; никакого секрета или тайны здесь не было. И, тем не менее, видно это было отнюдь не всем, и не так уж легко было это заметить; ибо до той самой минуты, когда катастрофа охватила всё и всех, ее скрывала не реальность, но убедительные и двусмысленные речи почти всех официальных лиц, благополучно развеивавшие – неустанно и во множестве остроумных вариаций – неприятные факты и законные тревоги. Размышляя о «темных временах» и о людях, которые в эти вре-

* *Дух времени (нем.).*

мена живут и движутся, мы обязаны учитывать и этот камуфляж, производимый и распространяемый «истеблишментом» — или «системой», как тогда говорили. Если функция публичной сферы — в том, чтобы проливать свет на человеческие дела, обеспечивая пространство яви, в котором люди — делом или словом, к лучшему или к худшему — могут показать, кто они такие и что могут сделать, то, значит, наступает тьма, если этот свет гасят «кризис доверия» и «закулисное правительство», речь, не раскрывающая, а заметающая под ковер то, что есть, и призывы, моральные и прочие, под предлогом защиты старых истин всякую истину низводящие до бессмысленного трюизма.

Все это не ново. Это та ситуация, которую тридцать лет назад Сартр описал в «Тошноте» (остающейся, по-моему, его лучшей книгой) в категориях нечистой совести и *l'esprit de sérieux**, — мир, в котором все, у кого есть общественное признание, принадлежат к числу *salauds****, а всё, что есть, существует в непрозрачной, бессмысленной фактичности, распространяющей помрачение и вызывающей тошноту. И это та же ситуация, которую сорок лет назад (хотя и с совершенно иными целями) описывал со сверхъестественной точностью Хайдеггер в тех разделах «Бытия и времени», где говорится о «толпе», о «болтовне» и вообще обо всем, что, не скрытое и не защищенное приватностью «я», появляется в публичной сфере. В человеческом существовании, как он его описывает, все реальное или подлинное падает жертвой подавляющей власти «болтовни», которая неодолимо возникает из публичной сферы, определяя все аспекты повседневного существования, упреждая и уничтожая смысл или бессмыслицу всего, что могло бы принести будущее. Согласно Хайдеггеру, из «непостижимой пошлости» общего повседневного мира нет иного выхода, кроме ухода в то уединение, которое философы, начиная с Парменида и Платона, противопоставляли политической сфере. Нас здесь интересует не философская существенность рассуждений Хайдеггера (на мой взгляд, неоспоримая) и не стоящая за ними традиция философского мышления, но исключительно лежащий в их основе опыт той эпохи и его понятийное описание. В данном контексте для нас важнее всего, что саркастическое, внешне противоречивое утверждение «Das Licht der Öffentlichkeit verdunkelt alles» («Свет публичности всё помрачает») било в самую суть проблемы и фактически служило всего лишь наикратчайшим резюме наличной ситуации.

«Темные времена» — в том более широком смысле, который я здесь в них вкладываю, — не тождественны чудовищностям нашего века, которые отмечены ужающей новизной. Темные времена, напротив, не только не новы, они в истории отнюдь не редкость, — хотя, видимо, и неизвестны в истории Америки, в остальном имеющей, в прошлом и настоящем, вполне сопоставимую долю преступлений и катастроф. Вера в то, что даже в самые темные времена мы вправе ждать какого-то освещения и что это освещение приходит не столько от теорий и понятий, сколько от неверного, мерцающего и часто слабого света, который некоторые люди, в своей жизни и в своих трудах, зажигают почти при любых обстоятельствах и которым освещают отведенный им на земле срок, — вера эта служит безмолвным фоном для предлагаемого ряда портретов. Глаза, подобно нашим привыкшие к темноте, не сумеют, наверное, различить, был ли этот свет светом свечи или ослепительного солнца. Но объективная оценка кажется мне делом второстепенной важности, которое можно спокойно предоставить потомству.

январь 1968

* *Дух серьезности (фр.).*

** *Мерзавцы (фр.).*

СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Габриэль Элорриага Фернандес. Эссе о призвании политика. Перевод с испанского: Александр Казачков.

Габриэль Элорриага Фернандес – в настоящее время член Сената Испании, председатель сенатской Комиссии по международным делам. Работал в различных органах государственной администрации. Автор книг: «Сильная демократия», «Информация и политика» «Борьба за автономию регионов». В издаваемой книге рассматриваются проблемы, которые стоят сегодня и перед российской политической элитой и только нарождающимся гражданским обществом: в чем состоит истинное призвание политика? Какова роль традиции в формировании политического климата в стране? Как сохранить соотношение между демократическими свободами и порядком? Какова роль силовых структур в политической жизни? Какие опасности несет для общества попытка подмены политика? Несмотря на то, что книга была написана в другое время и в другой стране, мысли автора поразительно актуальны для российского читателя.

ПОЛИТИКА КАК МИССИЯ И КАК АВАНТЮРА

Существует два подхода к политической реальности: либо полностью отдать свое призвание, либо полагаться на случайное решение встающих проблем эпизодическими средствами. Оба они присущи любому виду человеческой деятельности. Как верно и то, что характер прилагаемых усилий зависит при этом от выбранного подхода. Плоды, пожинаемые в делах, глубоко прочувствованных благодаря призванию, никогда не бывают похожи на результаты, достигаемые по воле непредвиденных обстоятельств. Плоды истинного призвания – наивысшие из доступных человеку. Это аксиома. Широко признанная для оценки научных, художественных или технических достижений, она теряет, однако, свою убедительность, когда идет речь об одной из самых важных для общества функций: об интегрирующей функции политика. Считается, будто любой призыв к коллективным делам – трансперсонализация политической задачи – не более чем заранее заготовленный экспромт, то есть нечто случайное или временное. Что свидетельствует о явно индифферентном отношении к человеческой личности и социальной пассивности.

Обычно человек, посвящающий себя решению социальной задачи, воспринимает ее исходя из опыта частной сферы деятельности. И это естественно, поскольку любая публичная задача предполагает некую степень отбора. Поэтому рассчитывать на то, что, решая ее, человек уже обладает всеми необходимыми способностями, по меньшей мере, наивно. Несомненно другое: именно процесс реализации социального призвания на основе индивидуальной деятельности и представляет собой этот отбор.

Следовательно, речь в данном случае идет не о двойном призвании – призвании к частному делу и расположенности к публичному. А о торжестве социального призвания как такового. Пробудившееся в человеке социальное призвание в какой-то момент может захватить его целиком. В этом смысле, даже если пребывание на ответственном публичном посту ограничено во времени, удачно использованное, оно становится временем исполнения миссии и про-

явлением характера. Внутренняя же убежденность в том, что политическая задача случайность, заведомо ведет к ее искажению.

Публичная жизнь, если она рассматривается не как ключевая для самой личности, а как результат лишь внешних обстоятельств — не важно каких, — неизбежно превращается в публичную забаву. А забава, в лучшем случае, когда есть понимание серьезности игры, превращается в приключение, либо — оказывается авантюрой. При этом приключение тоже может привести к открытию в человеке его скрытого призвания или к удаче, озаренной доброй звездой. Но судьба коллективов, отдающих на откуп аванюре ключи от своего будущего, опасна!

Вместо забавы, способной свергнуть нас в авантюру, я предпочитаю ответственную глубину подлинного призвания, способного придать публичным задачам возвышенность миссии.

Политика — трудная и прекрасная миссия — воплощается в действиях команд, направляющих и представляющих сообщество. Миссия — вот слово, делающее естественными героизм, самопожертвование, самоотдачу. Именно для осуществления своей миссии человек совершенствуется, шлифует свои лучшие качества, лучшие грани своего духа и характера, неповторимость своей личности. И тогда исчезает дилемма между «я» и обстоятельствами, между эгоизмом и общим интересом. Только изменение личности благодаря призванию приводит к отождествлению конкретного значения славных слов «торжество», «самоотдача», «прогресс» с коллективным смыслом. Интерес общества — это глубочайший интерес самой личности. Плоды миссии — это и есть тот результат, когда все эгоистические и честолюбивые инстинкты человеческой природы освящаются, очищаются и возвышаются в служении тому, что становится хлебом для всех, справедливостью для всех, надеждой для всех. И воздаяние за это в том, что ты, обладая чем-то от всех, всем себя отдаешь.

Свобода и демократия – в России не ценности

Александр Волков,
доктор исторических наук

Снова у нас как-то беспокойно. Собственно, подлинной стабильности наше общество уже давно не знает. Может, это даже хорошо? Социологи любят говорить о мутном бульоне, в кипении которого только и зарождается нечто живое, новое. Известна острота из английского фильма «The Third Man», что Италия за время правления Борджиа пережила войну, террор, кровопролитие и убийства, но она дала миру Микеланджело, Леонардо да Винчи и Ренессанс. А в Швейцарии была братская любовь – 500 лет демократии и мира – и что в результате? Часы с кукушкой.

Наверное, потомкам интересно вспоминать о бурных временах, но каково было тем, кто в них жил?

Старшие поколения нашей страны пережили свое «правление Борджиа» (Борджиа – Берия даже созвучно), но извлечен ли из этого урок? Михаил Федотов, бывший министр печати РФ, остроумно заметил, что тоталитаризм, в том числе советский, подобен глубочайшей яме: падаешь в один миг, зато выбираешься всю жизнь. Чем глубже упал, тем дольше обратный путь, на поверхность, к людям. И уж совсем плохо, если, сталкивая в яму, напрочь отшибут память. Тогда теряются ориентиры, размываются очертания добра и зла, и яма кажется пригретым, уютным жилищем, покидать которое и лень, и боязно, и излишне.

Так вот, похоже, что у многих наших граждан отшибло, к сожалению, память о кошмарах тоталитаризма, а вместе с тем – и представления о ценности свободы и демо-

кратии, стремление к ним. Эрнест Геллнер в своей книге «Условия свободы», выпущенной Московской школой политических исследований, рассматривает свободу как высшую ценность, которая, однако, не дается человеку как некий дар, без собственных его усилий, прежде всего – без осознания этой вот истины, о её ценности, без преодоления многого в себе и в окружающем мире. Такое представление в благополучных странах господствует. Но у нас свободу и демократию ценят менее всего, а тратить усилия ради них желают совсем немногие. У нас живуча холопская приверженность «сильной руке». Это фиксируется социологами разных исследовательских центров, по результатам различных исследований – и длительных мониторингов, и последних опросов.

Судя по данным октябрьского опроса ВЦИОМ-А, задавшего респондентам вопрос «Какие права для вас самые важные», граждане на первое место ставят право на бесплатное образование, медицинскую помощь и так далее, а всякие демократические свободы относят в самый конец списка. Скажем, право избирать своих представителей в органы власти существенно лишь для 10 процентов граждан, право на получение информации – для 15-ти, свобода слова – для 19-ти, право на собственность – для 28 процентов. Любопытен момент в другом, несколько более раннем исследовании того же центра. По его данным рейтинг Путина чрезвычайно высок, он имеет поддержку широчайших слоев населения. Но тут же ставится вопрос: чьи интересы он представляет? При такой массовой под-

держке естественно ожидать ответа вроде «всего народа». И социологи дают похожие подсказки: «простых людей», «всех без исключения». Но с первым вариантом соглашаются лишь 17 процентов респондентов, со вторым — 13. Огромное большинство, 30 процентов (!), отвечают, что президент представляет интересы «силовиков». И наших граждан это вполне устраивает.

Последние данные подтверждают результаты многолетнего мониторинга ВЦИОМ, которые подводят к выводу, что с годами ухудшились оценки свободы слова, многопартийных выборов, сближения с Западом. Демократическая модель, пишет Юрий Левада, «вброшенная» в массовое сознание в конце 80-х годов (и, несомненно, поначалу поддержанная им) оказалась слишком сложной, а потому и «чужой» для большинства населения. После десятилетия ельцинских перемен и кризисов это большинство жаждет порядка и покоя под сенью «сильной руки».

В конце октября обнародованы также результаты исследования «Портрет политически активного гражданина России», проведенного Институтом развития избирательных систем (ИРИС) совместно с ЦЕС-СИ, Институтом государства и права РАН и фондом ИНДЕМ. Здесь тоже выясняется, что такие понятия, как свобода слова и избирательное право, волнуют очень небольшую часть населения страны, и 63 процента россиян никогда не участвовали в общественной деятельности.

Фонд «Общественное мнение», в свою очередь, констатирует, что свобода в иерархии ценностей занимает лишь 12 место, с некоторыми отклонениями в различных социальных группах. Отвечая на вопрос исследователей ИКСИ РАН, «изменилось ли за годы реформ Ваше отношение к ценностям и идеалам демократии и гражданским свободам», почти треть россиян (29,8 процента) заявили, что они разочаровались в этих ценностях и идеалах. «Прирост» же сторонников оказался гораздо скромнее — всего 5,8 процента. Общее соотношение сторонников и противников демократии по-русски (понятия, конечно, несколько условные) сегодня со-

ставляет 22 процента к 53-м. За последние пять лет доля респондентов, считающих важным право выбирать между несколькими партиями, сократилась с 15,5 процента до 3,1. Стойко (хотя и несколько меньшими темпами) снижается и значимость существования оппозиции, способной контролировать президента и правительство, — с 20,6 до 14,7 процента за пять лет. Страна, делают вывод социологи, успела заметно разочароваться в демократии.

Вот таким в итоге предстает наше, российское, отношение к свободе и демократии в публикациях практически семи исследовательских центров.

Разумеется, это уже не только наследие тоталитаризма, хотя его влияние в массовой психологии продолжает сказываться — вот это самое чувство уюта в пригретой яме, приверженность привычному и нежелание приспособиваться даже к лучшему, спокойствие от неизменности состояния и нежелание нарушить этот уют. Ещё Аристотель писал в своей «Политике» о людях, которые «по своей природе... рабы; для них — лучший удел быть в подчинении у деспотической власти». Та же, по сути, мысль у современного британского врача-психолога Бориса Сириульника: «Свобода одновременно и условие расцвета, и источник тревог. Утрата свободы — лучший транквилизатор. Подобные вещи я наблюдаю у себя в клинике. Люди, которые прежде не могли обходиться без успокоительных средств, забывают о них, записавшись в какую-нибудь экстремистскую партию, став членом секты или поступив на службу в армию». То есть подчинение чужой воле и сложение с себя ответственности даже за собственное поведение оказывается для многих лучшим решением всех проблем.

Аристотелевское «по своей природе», думается, всё же не абсолютно верно. Свободу сознают, воспринимают как ценность те, кто её имел, но утратил. Это как воздух, о котором не думают, если его достаточно (не зря же говорится «естественно, как дыхание»), но как только его не хватает, тут же готовы отдать за глоток его всё, что есть. Так и со свободой. Ну, а если её не имел?..

Георгий Пинхасов. Революция. 1991

Психологическое наследие тоталитаризма — очевидно. Однако кое-что у нашего населения отшибли и годы реформ, когда как раз пытались выбраться из ямы, да тоже срывались и падали. Расхождение деклараций и поступков политиков, а равно и акторов экономического процесса, бизнесменов и менеджеров, правовая необустроенность общества, то, что демократы, их партии сто раз уже между собой перессорились, а с властями то одни, то другие заигрывают — это и многое другое *дискредитировало* идеалы свободы и демократии. Социологи (ИКСИ РАН) отмечают, что существенную роль в снижении ценности демократической идеи играет «элитизация» политики, ее «приватизация» экономической и политической верхушкой. Три четверти россиян (78,3 процента) считают, что демократические процедуры — это пустая видимость, а страной управляют те, у кого больше богатства и власти. В самом деле, в начале процессов трансформации в России всё же начали уже понимать вкус свободы, ценность демократии, а потом... Мы живем формально по Конституции 1993 года, но фактически базисные основы демократического государства, которые в ней заложены — принцип разделения властей, независимость судебной системы, свобода СМИ, равенство всех форм собственности и всех граждан перед законом, местное самоуправление — уже в значительной мере подорваны. Свобода для наших граждан оказывается в этих условиях слишком абстрактным понятием. Или порою, напротив, слишком конкретным, узким: не сижу в тюрьме — значит свободен. Не о чем больше и беспокоиться.

«От нас ничего не зависит», — считает большинство. С противоположной точкой зрения — что в делах страны многое зависит от простых граждан — согласны лишь 22,7 процента. И вот это, думается, самое серьезное — что так мало. Говорят, что на сцене царя играет окружение, демонстрирующее преклонение перед ним. Царь рывкнул — сцена вздрогнула, без этого не получится царя. Но ведь этот «прием» спи-

сан с жизни: царь, равно и диктатор, вождь может повелевать людьми, пока народ вздрагивает. Или даже безмолвствует. У нас получается порочный круг: ведь то, что население отказывается от идеалов свобо-

*«...если не знаешь, куда пристать,
то никакой ветер не будет попутным»*

ды, не ценит демократию, мирится с нарушениями её элементарных норм, проявляет такую любовь к своей высшей власти (а это тоже фиксируется социологами: «любит президента») создает благоприятнейший климат, как минимум, для авторитаризма. Стремящийся к чему-либо подобному лидер получает в этом как бы благословение, и демократия, свобода ещё более дискредитируются.

Сходные общественные проблемы в той или иной степени мучают, конечно, и граждан других, в том числе — западных стран. Многие, наверное, читали и «Закат Европы» и «Сумерки Запада». Там, в цивилизованных странах, тоже говорят о кризисе ценностей и целей, о проблеме понимания свободы. У многих авторов с тревогой звучит вопрос: каким же станет человек, когда он окажется действительно свободным? Каждый ли готов справиться с этим состоянием? Американский историк права Гарольд Дж. Берман размышляет о том, что больше угрожает Западу: анархия или диктатура, апатия и упадничество или фанатизм. Известный и у нас японский писатель Харуки Мураками пишет о молодом поколении страны: «Они отличаются от предыдущих поколений... Они не знают своей цели, своего предназначения, не понимают, что ими движет, когда они что-либо делают. Но я думаю, у них есть потенциал. И в то же время они опасны. Национализм — опасное движение в Японии... Против таких сильных течений не очень-то и поборешься». А вот совсем недавнее, нескольких дней назад высказывание замечательного писателя-фантаста Роберта Штекли, посетившего нашу страну: «Все говорят сегодня об угро-

зе терроризма. А, по-моему, американцам угрожает не столько терроризм, сколько наши собственные правые суперпатриоты. На волне 11 сентября они сумели навязать такие законы, по которым можно преследовать людей, о которых вроде бы известно, что они когда-то вроде бы были как-то связаны (или могли быть связаны) с террористами. Сплошные предположения и допущения, а из них делаются конкретные выводы, и интересы людей ущемляются. Эти законы гораздо опаснее любого терроризма». Не напоминает ли это и некоторые коллизии у нас? Однако всё это — *не отрицание* ценности свободы и демократии, а *озабоченность* их сохранением, углублением их понимания, совершенствованием механизмов их наиболее полной реализации.

Проблемы эти многочисленны и многообразны. Отсюда — желание найти не только средства лечения «по симптомам», как говорят медики, но и некую новую формулу (парадигму, модель) организации общественной жизни, ибо прежние формулы и модели все более обнаруживают свою исчерпанность. В том числе — и казавшаяся до последнего времени наиболее адекватной модель евро-атлантической цивилизации. Но еще прежде того — желание раскрыть и понять намеки на это будущее устройство в реальных тенденциях современного мирового развития. Ведь то, что хоть в какой-то мере и форме не присутствует в обществе, в чаяниях людей, насильственно им не навязать. А вместе с тем есть стремление осмыслить, насколько вообще возможна коррекция социального развития, не есть ли это лишь «пагубная самонадеянность» (Ф. фон Хайек), и на какие ценности и цели она может опираться. Ведь, в самом деле, «если не знаешь, куда пристать, то никакой ветер не будет попутным».

Ницше в свое время сказал красиво: «Мир неслышно вращается вокруг людей, создающих новые ценности». Интеллектуальная элита человечества, пережив крушение многих социальных идеалов и пору тупого прагматизма, ставшего реакцией на это крушение, всё же возвращается к поиску смыслов — своего существования, существования личности и самой Вселенной. Соци-

ально активные мыслители не только рожают новые, но, прежде всего, возвращают людям вечные ценности. Может быть, стоит сказать иначе — возвращают стремление осознать эти ценности на новом уровне, размышляя о современных вызовах жизни и возможных ответах на них. Но о каких ценностях идет речь? Не тут ли начинаются главные сложности? Даже те, кто склонен признать необходимость и реальное существование ценностей, объединяющих людей, часто относят это лишь к тем или иным конкретным культурам, нациям, конфессиям, идеологиям, территориальным объединениям людей, то есть — признают их локальное значение, но не общечеловеческое. Однако Папа Иоанн Павел II утверждает иное: «Всеобщие человеческие ценности существуют во всем многообразии культурных форм, и их следует найти и выделить как ведущую силу всего развития и прогресса» (Обращение к Папской академии социальных наук. Рим, 2001). И многие пытаются это сделать.

Естественно вроде бы и нам включиться в общий поиск, искать вместе с другими, прежде всего — самыми близкими нам по менталитету европейскими странами способы коррекции социального развития. Но, как показывают социологические исследования, большинство у нас склонно обособиться от Запада, нас преследуют собственные амбиции.

Мне уже как-то довелось писать, что у наших политиков, политологов, социологов очень модны строки Тютчева: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Но ведь это сказал поэт! Поэту позволено сегодня утверждать, будто мир залит солнцем и радостью, а завтра сокрушаться: в мире царит мрак безысходный. Политик или учёный, если ставят задачу понять Россию, могут понять ее именно умом, а не через сиюминутное ощущение действительности, измерить именно общим средством измерения, а не только русским аршином, и выявить ее место в общемировом, общечеловеческом пространстве. Но почему всё же так модны стали эти строки в наше время, можно сказать, укоренились в политическом и даже научном лексиконе? Кстати —

строки оборванные, ведь дальше-то говорится, что «в Россию можно только верить». Боюсь, что это продолжение утеряно не случайно: вера основательно подорвана. Ни понимания, следовательно, ни веры.

То есть для России проблема ценностей вроде бы невероятно значима — как раз потому, что страна в прошлом веке пережила глубокие общественные расколы и потрясения, в ходе которых не только отрицались те или иные ценности, но утрачивались все ориентиры, все точки отсчета — понятия добра и зла, нравственного и безнравственного, героического и позорного. Гражданская война — вершина раскола, но, я бы сказал, что в состоянии «холодной гражданской войны», протекающей то в открытом, то в латентном виде, Россия находится постоянно, по крайней мере, уже второе столетие. Это и теперь становится явным при любом общественном опросе: полярно противоположные ответы на вопросы, касающиеся как раз ценностей, делят общество, как правило, либо пополам, либо на иные крупные сегменты. Отношение к характеру власти и роли государства, к собственности, предпринимательству, к религии, к западной культуре — что ни возьми, все вызывает резкое расхождение взглядов, а толерантности и компромиссам мы не обучены. Скорее наоборот: нам более свойственно, не будет преувеличением сказать — привито отношение к тем, кто придерживается иной точки зрения, как к противникам и даже врагам.

Невольно возникает некая параллель с судьбой Германии. Близкий соратник Гельмута Коля Михаэль Мертес в книге «Немецкие вопросы — европейские ответы» исследует проблему национальной идентификации немцев. Какая, казалось бы, проблема в стране, где живет одна нация? Но Мертес следует «самому сильному и прекрасному», как он пишет, определению того, что составляет основу нации, данному французским мыслителем Эрнестом Ренаном. Эта основа — общая память о том, что было пройдено вместе. Общие достижения. Общее страдание. Общая виновность. В воссоединенной Германии это проявилось как нечто очень значимое. В течение четырех десятилетий разделенности страны чувст-

во общности у немцев не исчезло — потому что память была старше, чем разделение. Однако почти два новых поколения немцев сформировались в разных мирах, где и достижения, и страдания, и то, что порождало чувство вины, были разными. Сами критерии оценок того, что хорошо и что плохо, различались порой полярно. У каждой стороны накапливалась своя «общая память», и если прежде в Западной Германии была в ходу формула «два государства — одна нация», то теперь, когда границы нации и немецкого государства совпали, новой реальности лучше соответствует формула «одна нация — два общества». «Расколота память» — так характеризует автор состояние немецкой нации, немецкого общества даже через много лет после разрушения Берлинской стены.

Россия не знала подобной длительно разделенной жизни. Её народ совместно пережил и революцию, и гражданскую войну, и сталинские репрессии, противостояния времен перестройки и путча, сначала защиты, а потом расстрела Белого дома... Но пережил-то по-разному: одни были красными, другие белыми, одни сидели в тюрьмах, а другие писали доносы, сажали, охраняли и расстреливали, одни слали танки к Белому дому, другие стояли в живом кольце его защиты. Общая память или тоже расколота у этих людей, находившихся по разные стороны баррикад? Было ли всё, что случилось у нас в последние десятилетия, только верхушечным расколом, верно ли, что все страсти, как часто говорят, бушевали только в пределах Садового кольца? Имела ли каждая из сторон социальную базу в масштабе страны? Ответы на эти вопросы сейчас тоже очень разнятся.

В социальных науках понятия «закон общественного развития» или даже «закономерность» в наши дни практически исчезли. Ныне перед нами — ускользающий мир, ускользающий от познания, тем более — от раскладывания по полочкам. Не случайно в новейшей социальной мысли постоянно звучит тема «конца науки». Поэтому и оканчивается легче всего отделаться от проблемы, сказав, сославшись на поэта, что такая вот мы непонятная по природе страна.

Вадим Сидур. Памятник погибшим от насилия. 1966

Не потому ли сегодня так трудно наладить взаимопонимание в обществе, не потому ли сталкиваются на любом общественном бранном поле не столько концепции, сколько кланы, объединенные общим корыстным интересом или приверженностью одному вождю? Не принципы, а беспринципность часто господствуют и внутри этих кланов, и в отношениях между ними. Предвыборные телевизионные дебаты – не сопоставление позиций, а чаще всего грубая перебранка. И если так, то тем более опасна для общества утрата самых основных ориентиров, социальных и духовных ценностей. Опасно то, с какой легкостью мы игнорируем само понятие «свобода», с каким пренебрежением отвергаем как ценность демократию, как просто, не спотыкаясь, выговариваем ругательное «дерьмократы»...

Мы сейчас переживаем некий критический момент, что некоторые связывают со сменой элит. Но корни, наверное, гораздо глубже: меняется власть, а не её аппарат. Характер и цели власти. Уходит окончательно ельцинская эпоха с её сумбурной уличной демократией, почти анархией, с лозунгами типа «берите, сколько проглотите», с жесткими столкновениями равновеликих сил и стрельбой, с множеством грубых просчетов в ходе часто импульсивных действий власти, из-за чего многое было развалено... В какой-то мере это было своего рода «созидательное разрушение» (термин Шумпетера), в какой-то – просто разрушение. Приходит же, утверждает себя эпоха Путина – под знаком Порядка, Вертикали, Управляемой демократии, что смахивает на «демократический деспотизм», предсказанный Токвилем. Трудно сказать, что это принесет нам. Но вот как пытается очертить изменения, например, Ольга Крыштановская из Института социологии РАН, изучающая как раз элиты общества: «Настает эпоха, в которой будут действовать другие правила. Это будут радикальные перемены. Зона контроля государства над обществом будет значительно расширена. Все те либе-

ральные ценности, о которых мы уже привыкли думать, что они практически незбылемы, больше не будут незбылемыми. Частная собственность в том числе... Движение к авторитаризму уже не вызывает сомнений. Бу-

Не следует ли нам, всему обществу, осознанно и основательно пересмотреть... сложившееся отношение к проблемам свободы и демократии и, несмотря на прежние неудачи, бороться за эти ценности, не отступая более ни на шаг

дет строиться модель капиталистического авторитарного общества. Не хочется вспоминать 30-е годы в Италии, Германии... Лучше взять пример нынешнего Китая или Южной Кореи...». Не дай Бог сбыться таким пророчествам! Но власть она и есть власть, она заинтересована в управляемости населения, в том, чтобы можно было обходиться самыми простыми средствами воздействия на него. Важнее, чтобы всё наше общество, гражданское общество осмыслило сейчас своё положение и свои основные интересы, нашло верные решения. Как заметил еще некий моралист пятого века, неверно думать, будто виновники появления тиранов – не мы, а другие люди, и что мы лишаемся свободы по недоразумению, без всякой вины, просто потому, что стали жертвой тирана. Это ошибка. Тирания является тогда, «когда из сердца народа исчезает потребность в общем для всех законе и праве. На место закона и права тогда становится отдельный человек. Поэтому некоторые люди не замечают тирании даже тогда, когда она уже наступила».

Стоит прислушаться к мудрецам прошлого. Так или иначе: не следует ли нам, всему обществу, осознанно и основательно пересмотреть под этим углом зрения сложившееся отношение к проблемам свободы и демократии и, несмотря на прежние неудачи, бороться за эти ценности, не отступая более ни на шаг. Отступать некуда, потому что позади та самая яма, в которую снова можно упасть и что-нибудь ещё себе отшибить.

*Ольга Карабанова,
исполнительный директор
Института развития прессы*

Институт развития прессы

Без сильных, свободных, экономически независимых средств массовой информации невозможно представить современное демократическое общество.

Однако в России, превратившись в мощный политический инструмент, средства массовой информации лишь отчасти стали фактором создания гражданского общества.

За полтора десятка лет процесса демократических реформ в нашей стране значительная часть газет так и не добилась экономической самостоятельности — главного показателя реальной независимости издания.

Непонимание целей и задач прессы как одной из отраслей экономики, слабое понимание рыночной природы газетного дела, отсутствие навыков менеджмента приводят сегодня масс-медиа к тому, что редакции вынуждены прибегать к нерыночным способам борьбы за свое выживание и развитие. В результате общественно-политические и деловые издания обслуживают интересы не читателей, а «заказчиков» информации (власти, партийных, коммерческих групп). При этом исследователи журналистики констатируют возросшее в последнее время недоверие к прессе со стороны читателей. Это во многом связано с проходящими в режиме «non-stop» выборов регионального и федерального уровней, во время которых СМИ зачастую выполняют функции рупора тех или иных политических групп, тем самым, нарушая право граждан России на получение достоверной информации.

Опыт изучения правовых и хозяйственных проблем СМИ показывает, что правовая неграмотность общества, отсутствие четкого понимания необходимости соблюдения правовых норм влекут за собой не только сложности в построении гражданского общества, но и становятся причиной трудно разрешимых ситуаций в деятельности самих СМИ и как творческого коллектива, и как хозяйствующего субъекта. Правовая некомпетентность руководителей многих редакций печатных СМИ приводит к отсутствию или неверному оформлению учредительных документов, заключению недействительных договоров, возникновению судебных споров и проблем с органами власти, которых можно было бы избежать.

И общество, и власть, по-прежнему, испытывают сильное недоверие к частному медиа-сектору, сомневаясь в граждан-

ской позиции негосударственных СМИ. Однако не вполне доверяют граждане и государственным СМИ, полагая, что прямое управление со стороны исполнительной власти превращает их в органы, обслуживающие интересы чиновников, а не их — читателей.

Такой круг проблем актуален для региональных СМИ самых разных уровней, хотя и различен по степени важности. При этом роль региональных средств массовой информации как каналов информационных и рекламных коммуникаций неуклонно возрастает, рекламный рынок России восстановился до докризисного уровня и продолжает активно расти, все более заметны интеграционные процессы каналов как на национальном, так и на региональном уровне, резко возрастают требования к качеству и реальной эффективности использования коммуникационных ресурсов медиа.

На этом фоне все более очевидными выглядят проблемы: отсутствия прозрачности на рынке СМИ и рекламы, отсутствие признанных стандартов классификации и измерения медиа-рынков, неудовлетворительная организация хозяйственной деятельности самих медиа, высокая текучесть квалифицированных специалистов во всех сферах деятельности СМИ и, прежде всего, менеджмента высшего и среднего звена. В последнее время эти проблемы уже достигли критической стадии, причем их нерешенность сказывается на развитии не только самих СМИ, но становится одним из главных факторов, противоречащих объективному процессу построения гражданского общества.

Именно поэтому в России уже десяток лет существуют организации, призванные оказывать содействие российской прессе в решении сложных экономических и творческих задач. Одной из таких организаций является и Институт развития прессы (ИРП). Это независимая некоммерческая организация, способствующая росту профессиональных возможностей, издательских стандартов и жизнеспособности российской печатной прессы.

• Институт был учрежден в октябре 2000 года на базе существовавшего до этого Национального института прессы (1996–2000) и Российско-американского информационного пресс-центра (1993–1996).

Своей миссией Институт считает:

- повышение роли СМИ в гражданском обществе и их экономической самостоятельности;
- консолидацию профессионального сообщества и развитие духа свободного предпринимательства;
- обучение высоким профессиональным стандартам во всех областях СМИ, от менеджмента до журналистики, от маркетинга до этики, от рекламы до распространения;
- информирование издателей региональных газет о современных методах менеджмента и содействие обмену информацией между ними;
- помощь издателям региональных газет в увеличении доходов и уменьшении себестоимости издания.

Заявленная миссия Института реализуется через следующие стратегические направления в деятельности:

- обучение и консультации по вопросам менеджмента, рекламы, дизайна, психологии управления и права;
- обеспечение информационной поддержки региональных СМИ путем электронной рассылки информации по спискам, оповещения через Web-сайт о мероприятиях и событиях в отрасли, поддержание электронной доски

объявлений в Интернете, организации консультирования в режиме on-line и т.д.;

- регулярное обновление информационно-поисковой базы данных региональных СМИ;
- создание системы обмена опытом между представителями региональной прессы в регионах и с зарубежными коллегами; консолидация профессионального сообщества СМИ.

Различные мероприятия, в ходе осуществления которых ИРП реализует свои уставные цели и стратегические направления деятельности объединены в три основные программы:

- профессиональный тренинг и консультации;
- правовое содействие независимости прессы;
- информационная поддержка.
- Все эти мероприятия по своей тематической направленности распадаются на четыре основные группы:
 - менеджмент, маркетинг, распространение и дизайн СМИ;
 - правовые аспекты деятельности печатных СМИ;
 - повышение профессионального мастерства журналистов (от журналистского расследования до экономической журналистики);
 - овладение новыми технологиями подготовки и выпуска периодических изданий (поисковыми системами, особенностями создания онлайн-версий и пр.)

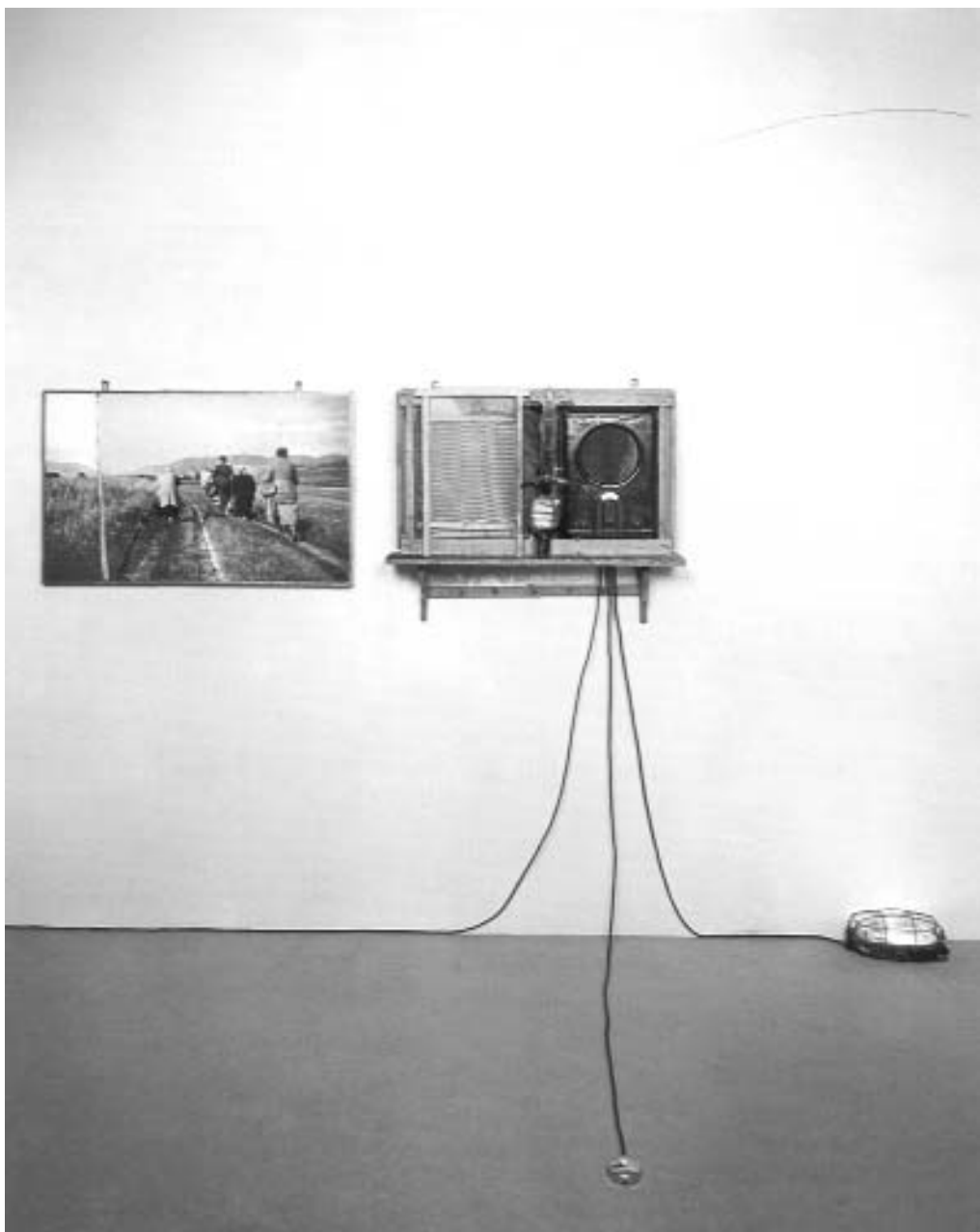
Обучающие и консалтинговые программы Института носят практический, прикладной характер. Семинары содержат элементы тренинга, профессиональных игр; в рамках всех мероприятий значительное место отводится разбору и анализу материалов прессы.

Институт ведет издательскую работу. Большим интересом у СМИ пользуются сборники: «Договоры в деятельности Средств массовой информации» и «Редакционный менеджмент».

Многие свои программы Институт развития прессы реализует в сотрудничестве более чем с двумястами партнерами, среди которых: Фонд защиты гласности, Интерньюс, Комиссия по свободе доступа к информации, Институт проблем информационного права, Институт коммуникативистики, Центризбирком и избирательные комиссии краев и областей РФ, пресс-службы администраций Федеральных округов, субъектов РФ, центры общественных связей Генпрокуратуры, ФСБ, МВД в Москве и регионах, профессиональные и творческие союзы и объединения журналистов.

ИРП имеет большой опыт реализации различных проектов в области масс-медиа с западными партнерами. В течение последних двух лет на различные программы для региональных СМИ были получены средства от: Агентства США по международному развитию (USAID), Всемирного банка, Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса), Фонда «Евразия», Швейцарского посольства, Представительства Европейской Комиссии, а также целевые средства от частных западных компаний на осуществление региональных программ.

За все годы своего существования Институт провел большую работу в области повышения квалификации и консультирования работников СМИ и стал в отрасли безусловным лидером, образовательные услуги которого высоко оцениваются региональными изданиями.

Эдвард Кинхольц. Новая готика. 1976

В течение последних 2-х лет сотрудники ИРП самостоятельно и вместе с приглашенными специалистами провели порядка 380 обучающих мероприятий, на которых прошли обучение более 7.500 журналистов и редакторов региональных СМИ. Оказано более 900 профессиональных и правовых консультаций.

По результатам независимого исследования «Образованная пресса», которое было проведено Институтом «Открытое Общество» в конце 2002 года, у Института развития прессы был зафиксирован самый высокий рейтинг среди всех общественных организаций, осуществляющих образовательные программы для печатных СМИ.

Сохраняя уже наработанный опыт и прошедшие проверку временем виды и формы работ, Институт в настоящий момент завершает разработку долгосрочных программ и проектов, которые будут содействовать реформированию медиа-отрасли.

В частности, в середине декабря по поручению Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации наш Институт

провел Конференцию региональных журналистов, которая завершила год празднования 300-летия российской журналистики.

На Конференции рассматривались перспективы развития прессы как бизнеса, проблемы действующего нормативно-правового поля и новые законопроекты, сопровождающие отраслевые реформы, экономические и внерыночные факто-

ры, обуславливающие нынешнее состояние российской периодической печати и её будущее, вопросы финансового менеджмента и инвестиций, эффективной инфраструктуры, нормы и механизмы саморегулирования индустрии периодических печатных средств массовой информации.

В настоящее время Институт также занят разработкой региональных проектов перехода региональных СМИ от дотационной модели к бизнес-модели редакции. Проведенные исследования менеджмента региональных СМИ подтверждают недостаточную способность региональной прессы выжить на свободном рынке. Это обусловлено проблемами в сложившемся корпоративном управлении, недостаточной квалификации персонала, стратегическими установками на спонсора или госбюджет, а не на клиента.

Вместе с тем, региональное информационное поле является крайне ответственной зоной, во многом определяющей привлекательность региона для бизнеса, расклада политических сил, а также влияет на стабильность в регионе.

Именно поэтому целями таких проектов являются:

- Развитие медиа-бизнеса в регионе как объекта малого предпринимательства
- Информационная прозрачность региона как необходимый компонент инвестиционной привлекательности региона
- Существенное повышение качества работы региональных СМИ
- Постепенное сокращение финансирования региональных СМИ из бюджетов разного уровня.

Научить региональные СМИ зарабатывать деньги для своего развития — значит, в частности, освободить госбюджет от части финансовой ноши, повысить профессиональный уровень городской и районной прессы, сокращая при этом прямые дотации, выделяемые ей.

Мы верим в успех всех наших новых программ и желаем всем удач в 2004 году.

*За все годы своего существования
Институт провел большую работу
в области повышения квалификации
и консультирования работников СМИ
и стал в отрасли безусловным лидером,
образовательные услуги которого
высоко оцениваются региональными
изданиями*

Александр Сысоев: «Иду побеждать!»

Вся история семьи Сашин связана с Воронежем. Здесь часто встречаются люди с фамилией Сысоев, здесь достигли высот в науке, хотя и в разных областях, его дядя и отец. Дядя — доктор физико-математических наук, отец — доктор педагогических, ректор Воронежского государственного института физической культуры, известный спортсмен.

Мать Саша потерял рано и с 15 лет воспитывался отцом. «Я отчетливо помню себя с ранних лет: большой спортивный зал, стук мячей, свисток... Я на тренировке команды баскетболистов. Ее проводит мой отец». Папа не брал его на соревнования — только на тренировки, но уже тогда Саша понимал, что за трудной работой спортсменов, за нудными занятиями стоит желание побеждать. «Мне вообще кажется, что человек рождается и живет для того, что-

бы побеждать. Только, не дай Бог, не других! Побеждать нужно в первую очередь себя, а во вторую — обстоятельства».

Саша вымахал ростом под два метра, серьезно занимался баскетболом, к 23 годам стал мастером спорта СССР, педагогом. Можно было остановиться, но Саша решил идти дальше. Самое главное, что он понял в детстве, что не может без труда, спорта и жажды победы.

«Мне всегда нравились командные виды спорта. Бегун может один только раз пробежать стометровку на сотую долю секунды быстрее мирового рекорда — и он уже навсегда в истории спорта. А командный игрок должен чувствовать замыслы и желания партнеров, уметь подчинить свое «я» команде и игре, и каждый раз играть лучше, чем в предыдущий».

Саша никогда не скрывал, что, играя в команде, стремится стать лидером. Но чтобы быть им, нужно

уметь, понимать и знать. Знать — прежде всего.

Именно поэтому Александр получил два высших образования в области экономики, права и государственного управления. «Генерал Бонапарт имел право руководить Францией не только потому, что был гениальным полководцем, но и потому, что был одним из самых образованных людей

своего времени. Петр Великий имел внутреннее право начинать реформы не только потому, что был сыном царя Алексея, но и потому, что знал в совершенстве несколько языков, был отличным плотником, кузнецом, бомбардиром», — говорит Александр Сысоев. Он уверен, что руководителю любого уровня необходимы самые широкие знания — в области психологии, экономики, права; нужно быть в курсе последних открытий. И это не лишняя нагрузка для практичного ума, а насущная необходимость, потому что новаторство заразительно. Без новых идей, без инновационного подхода изменить жизнь к лучшему не получится.

С такими убеждениями Александр Сысоев пришел в бизнес. И сделал для себя еще одно открытие: «Если бы мне раньше сказали, что бизнес нуждается в защите, то, откровенно говоря, не поверил бы». От понимания необходимости защищать бизнесменов от чиновничьего произвола, Саша пришел к осознанию того, что в защите нуждается едва ли не каждый. И это понимание привело его в политику. В 1997 году Александр был избран депутатом Воронежского муниципального совета. Это была первая по-

беда в политике, Саше исполнился 31 год.

А вскоре он сам стал чиновником — вице-мэром города Воронежа. Но это не означало, что Сысоев изменил своим принципам: «Я учился быть управленцем, реформируя городскую администрацию таким образом, чтобы она работала для гражданина. Для каждого гражданина — от предпринимателя до домохозяйки». Совсем еще молодой для политика, Александр Сысоев сделал отличную карьеру — его пригласили в областную администрацию на должность вице-губернатора. Для конъюнктурных политиков это предел мечтаний, а Саша вновь задал себе вопрос: что дальше? И не отступая от своего принципа: побеждать себя и обстоятельства — вновь пошел на выборы. Дважды выиграв тяжелейшую борьбу, снова стал депутатом.

В городской думе Воронежа Александр Сысоев занимается вопросами строительства, земельных отношений, недвижимости, жилищного хозяйства, малого бизнеса. Вопросы эти требуют сегодня инновационного подхода, реформаторских, нетрадиционных методов решения накопившихся проблем. Но только «снизу» решить их невоз-

можно: нужна политическая воля, преобразования требуют усилий на всех уровнях, и особенно — на федеральном. Понимая это, Александр Сысоев решил баллотироваться в депутаты Государственной Думы. Это было осознанное решение, полное понимания того, что построенная в стране «управляемая демократия» не станет приветствовать самостоятельного кандидата. Но Саша не отступил от своего принципа — побеждать себя и обстоятельства. Именно поэтому так близки ему слова замечательного философа Мераба Мамардашвили: «Иди и не бойся! Бог всегда с тобой и в тебе, там, где ты сам».

«Иди и не бойся» — это жизненное кредо Александра Сысоева: «Это призыв ко всем нам, уставшим от повседневных передрыг, часто не верящих в себя и свою Родину. И я иду. Иду, чтобы побеждать».

Ирина Сербина

Глобализация

I. О ПОНЯТИИ «ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»

С начала 1990-х годов глобализация — пресловутое «g-word» — стала ведущей темой дебатов и важнейшей составляющей международного дискурса. Исходя из сложившихся представлений, глобализацию можно определить как *общемировой объективный структурный процесс, ведущий к поэтапному преобразованию мирового пространства в нечто единое, где свободно циркулируют потоки капиталов, товаров, услуг, идей*. Создается международное институциональное, правовое и культурно-информационное поле, позволяющее формировать знание о мире как о *целостности*. Глобализация становится неустрашимым условием не только человеческой деятельности, но и человеческой жизни; она находит выражение во всех измерениях бытия социума. Колоссально расширяя возможности людей, глобализация одновременно несет с собой новые риски и угрозы для человечества.

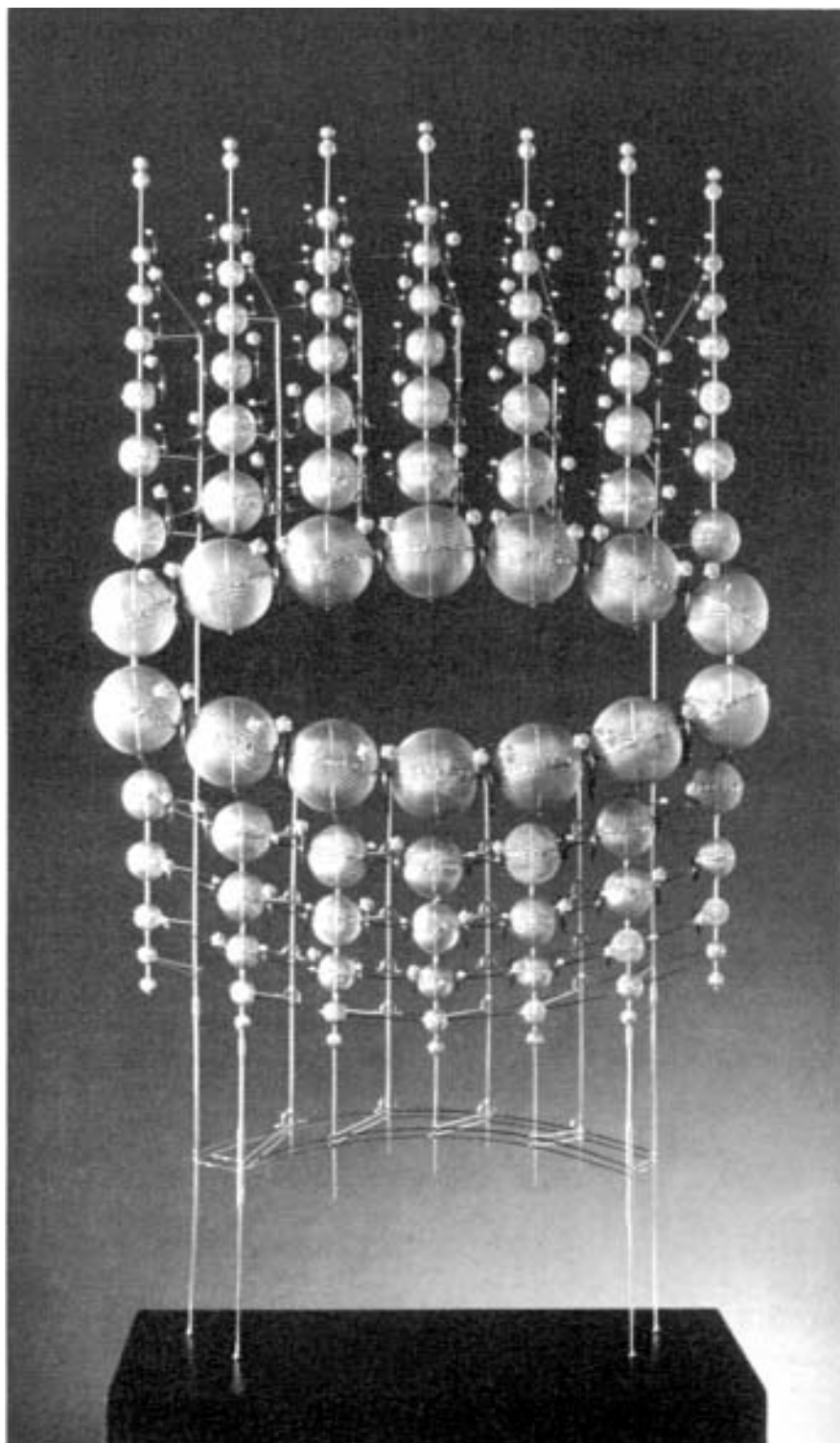
Глобализация аннулирует представление о том, что мы живем и действуем в закрытых, обособленных друг от друга пространствах; она означает уничтожение границ деятельности в различных сферах экономики, техники, информации, гражданского общества. Глобализация упраздняет расстояния, создавая при этом мир, в котором географические и политические барьеры никого ни от чего не защищают и не ограждают.

Глобализация до основания потрясает гомогенные, закрытые, замкнутые национально-государственные пространства. Однако, хотя политические, экономические, культурно-информационные процессы вырываются за его рамки, глобализация не «отменяет» национальное государство. Оно продолжает играть важную роль и сегодня — прежде всего потому, что граждане пользуются возможностями глобализации через государственные институты: правовую систему, государственные услуги, права собственности, систему образования. При этом глобализация не подразумевает и создания некоего всемирного государства. Она порождает мировое общество без всемирного государства и правительства.

II. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА

Политические последствия глобализации многогранны; они проявляются как на уровне отдельных стран, так и мировой политической системы в целом. Прежде всего, коренным образом пересматривается само понятие национального государства, сложившееся в Европе в XVI веке и окончательно оформившееся в XVIII–XIX веках. Основной принцип «классической» государственности — сочетание суверенитета, территории и легитимности — благодаря глобализационным процессам оказался девальвированным. Всё большая проницаемость границ и потеря монопольного контроля над собственной территорией серьезно ограничивают государственную власть в распоряжении ресурсами, отправлении правосудия, ведении внешней политики. Понятно, что в этих условиях основы межгосударственных отношений также подверглись ревизии. В итоге формальное равенство государств, невмешательство во внутренние дела, территориальный суверенитет *более не являются политическими аксиомами*.

Взаимозависимость различных сегментов современного мира привела к небывалому распространению всевозможных международных объединений и органи-

Гюнтер Хезе. Без названия. 1978

заций, причем как межгосударственных, так и негосударственных. Если в 1909 году в мире насчитывалось 37 межправительственных и 176 международных неправительственных организаций, то в середине 1990-х годов их было уже 260 и 5500 соответственно. Современное государство, опутанное сетями региональных и всемирных взаимосвязей, обеспечиваемых огромным количеством договоров, не в состоянии сугобо самостоятельно определять свой политический курс. Одним из наиболее поразительных новшеств глобализации стало то, что организованное насилие, обычно осуществляемое государственной властью индивидуально, сегодня также превратилось в многостороннее дело.

III. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИКА

Экономическое содержание глобализации обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, современный капитал, как производительный, так и финансовый, освободился от национальных и территориальных ограничений, присущих предшествующим эпохам. Во-вторых, слияние мировых рынков дошло до того рубежа, за которым любая национальная экономика вынуждена постоянно приспосабливаться к глобальной конъюнктуре. Наконец, в-третьих, действуя в новой экономической среде, правительства вынуждены ориентироваться на нелиберальные стратегии, которые радикально пересматривают постулаты торжествовавшего в последние полвека «государства всеобщего благоденствия».

Все это в совокупности привело к тому, что современный мир функционирует как единое экономическое целое с весьма жесткими правилами игры. Как подчеркивают специалисты, нынешний этап развития экономики коренным образом отличается от предшествующих этапов. В то время как общемировому рынку *belle époque* 1890–1914 годов была присуща высокая степень протекционизма, а его активность ограничивалась владениями ведущих колониальных держав, *глобальная экономическая система сегодняшнего дня предельно открыта и всеобъемлюща*. Последнее означает, что в сферу ее функционирования втянуто все население планеты без малейших изъятий, независимо от воли и желания конкретных народов и индивидов. Транснациональные корпорации – мотор глобализации – контролируют в настоящее время 20 процентов общемирового производства и 70 процентов торговли. Такое положение вещей позволяет некоторым специалистам рассматривать национальное государство в качестве *переходного способа экономического регулирования*, постепенно уступающего место иным, более совершенным моделям.

Критики экономической глобализации указывают на то, что этот процесс, интегрируя региональную, национальную и глобальную элиты, одновременно углубляет пропасть между богатыми и бедными нациями. Согласно такому взгляду, глобальный мир становится все более несправедливым, поскольку он консервирует превосходство одних и отсталость других. Представители данной школы говорят также о *глобализации бедности*, усматривая в нынешнем варианте экономической интернационализации новую разновидность «западного империализма».

IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Глобализация экономической деятельности сопровождается трансформациями и в сфере культуры, поскольку разворачивается процесс так называемой «культурной глобализации». Здесь речь идет прежде всего об универсализации в смысле нивелирования, унификации стилей жизни, норм поведения, ценностных ориентаций и реакций, конвергенции символов культуры. Ключ-

чевым понятием культурной глобализации стала «макдоналдизация». Эти процессы ставят под сомнение, в частности, и традиционное различие между центром и периферией.

Однако универсализация — лишь одна из сторон культурной глобализации; последняя предполагает как *делокализацию*, так и *релокализацию* культуры. Благодаря этому мы являемся свидетелями не только проникновения всеобщих символов культуры во все слои социума и на все расстояния, но и обратного процесса — нового подъема и расцвета традиционных, этнических, племенных культур, которые изначально были строго локализованы, «закреплены» в пространстве, а теперь свободно мигрируют по миру, не теряя своей самобытности.

Производя и сталкивая друг с другом *транскультурные* жизни, культурная глобализация отменяет отождествление национального государства и очерченного его рамками общества. Национальное государство перестает играть роль единственного источника культурных норм, ценностей и представлений. Уходя из частной жизни граждан, власть фактически отказывается от выстраивания внутригосударственных кодексов и правил поведения. На смену примитивной четкости взаимоотношений власти и общества в сфере культуры приходят культурная гибкость, толерантность, уважение особенностей и различий.

V. ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Глобализация — это не только процесс концентрации и централизации, она порождает и децентрализацию, в ходе которой региональные и локальные общности укрепляют влияние в соответствующих национальных контекстах. *Локальное и глобальное отнюдь не исключают друг друга*: с одной стороны, локальное можно рассматривать как аспект глобального, с другой — глобальное трансформируется при укоренении в конкретном регионе или местности. Агенты глобализации — в первую очередь транснациональные корпорации — вынуждены модифицировать свое поведение в зависимости от регионального/локального контекста («мыслить глобально — действовать локально»). В то же время региональные и локальные общности оказываются частью общемирового, глобального пространства: *место* открывается *миру*. Регионы и локальности формируют свои стратегии выживания в эпоху глобализации, которая не только резко усиливает конкуренцию между ними, но и создает собственную территориальную структуру (например, так называемые «регионы-государства»).

Таким образом, противоречие между локальным и глобальным — это не подлинное, но мнимое, кажущееся противоречие. Данный факт нашел отражение в понятии «*глокализация*», означающем совмещение, наложение друг на друга «глобализации» и «локализации».

В эпоху глобализации территории отличаются друг от друга не только и не столько местом расположения на шкале «развитость — отсталость», но своими «нелинейными», неповторимыми региональными ситуациями, определяемыми характером и степенью включенности глобальных потоков в местную среду. В итоге возникает совершенно иной, непривычный для модерна образ «порядка», при котором нестандартные случаи, не укладывающиеся в привычные категории, становятся не исключением, а правилом.

VI. АНТИГЛОБАЛИЗМ

Становление антиглобализма (альтерглобализма) как нового массового социального движения началось в тот период, когда воздействия глобализации уже невозможно было не замечать. Это движение оказалось крайне противоречивым; оно имеет множество разнообразных форм и затрагивает интересы

самых разных социальных групп и слоев. Эксперты отмечают, что по генезису, основным принципам и даже масштабам антиглобалистское движение сходно с волной «новых левых» 1960-х годов.

Основные формы антиглобализма включают массовые акции протеста, постоянную деятельность организаций, пытающихся противодействовать глобализации, проведение форумов. Помимо собственно антиглобалистских групп (например, «Движения безземельных крестьян Бразилии»), среди противников глобализации можно найти профсоюзные, экологические, женские, молодежные, научные, благотворительные организации. Кроме того, движение активно поддерживают левые политические силы самого широкого спектра.

Как правило, создание каждой антиглобалистской организации обусловлено каким-то конкретным проявлением глобализации, однако, обобщая, можно констатировать, что их основными задачами считаются борьба с глобальной гегемонией корпоративного капитала, универсализацией культуры, углубляющимся разрывом между богатством и бедностью («глобализованное богатство — локализованная бедность»). Исходя из круга участников, целей и форм деятельности, само антиглобалистское движение также имеет ярко выраженный интернациональный, межклассовый и неидеологический характер.

VII. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РОССИЯ

В наших интеллектуальных и политических дебатах нынешний этап глобальных преобразований оценивается крайне противоречиво. Дело осложняется тем, что превращение мира в глобальное целое застало Россию врасплох: переходное состояние, в котором мы оказались после краха коммунизма, не позволяет нашей стране в полной мере участвовать в строительстве нового мирового порядка. Иными словами, выступая мощным стимулом обновления российского общества, глобальные процессы в то же время угрожают «заморозить» наше нынешнее отставание и навечно превратить Россию в сырьевую кладовую стран-лидеров. Выбор отечественного пути будет определяться тем, как наше общество сумеет адаптироваться к новым веяниям и какая линия, в конечном счете, возьмет верх — сопротивление глобализации или, напротив, всемерная открытость ее влияниям и воздействиям. Можно констатировать, что радикальной смены парадигмы пока не произошло: за годы демократических реформ мы пока так и не смогли стать открытым обществом, ориентированным в будущее.

Литература

1. *Альтерглобализм: теория и практика антиглобалистского движения.* – Под ред. А. Бузгалина. – М., 2003.
2. У. Бек. *Что такое глобализация?* – М., 2001.
3. *Глобализация: постсоветское общество.* – Под ред. А. Согомонова и С. Кухтерина. – М., 2001.
4. *Круглый стол: Глобализация. Модерн. Россия.* // Полис, № 2, 2003.
5. И.Б. Левин. *Глобализации и демократия.* // Полис, № 2, 2003.
6. T. Friedman. *The Lexus and the Olive Tree.* – New-York, 2000.
7. D. Held, A. McGrew (eds.). *The Global Transformations Reader. An Introduction to the Globalization Debate.* – Oxford, 2002.
8. R. Robertson. *Globalization.* – London, 1992.

*Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров*

«Esprit»

Первый номер журнала «Эспри» вышел в свет в 1932 году. Его основателем и идейным вдохновителем был Эмманюэль Мунье (1905–1950), объединивший вокруг журнала целую плеяду оригинальных мыслителей: М. Недонсея, Г. Мединье, Ж. Лакруа, Ж.-М. Доменака. Сам Э. Мунье был главой французского персонализма, философской школы, которая в центр мышления ставит человека и человеческие проблемы, продолжая тем самым развитие европейской гуманистической традиции. Персонализм исходит из идеи онтологической первичности личности как высшей ценности. Его представители и последователи, не игнорируя критерий «реальности», ставят личность выше природы и общества и разрабатывают философию творческого исторического действия, ориентирующую на созидание человеческого мира и жизни без всякого морализаторства.

Объявляя о целях и задачах своего движения, Мунье писал: «Наш журнал основан группой молодых людей, осознавших свою ответственность за нищету, царящую в мире, решивших уничтожить беспорядок и построить новое общество, основанное на действительном примате духовных ценностей»*.

Журнал продолжает оставаться и в наши дни ядром персоналистской философии, которая вдохновляется политологическими работами Ханны Арендт и Лео Штрауса. Группа «Эспри» — Жан-Луи Шлегель, Пьер Буретц, Жюль Роман — развивают идеи Шарля Пегги и сотрудничают с возглавляемым Жаном Бастэром центром «Друзей Пегги». Эта линия исследований близка по своей направленности к лаборатории социальных наук — Антитоталитаристским движением в социальных науках. Во главе его стоят Ален Кайе, Серж Латуж и Ахмет Инзель.

В 1930-е годы одним из авторов журнала был, в частности, русский философ Николай Бердяев. В настоящее время главным редактором журнала является Оливье Монжен.

* Э. Мунье. Манифест персонализма. — М., 1999. — С. 4.

Смерть идеологии арабского национализма*

Бенжамин Стора,
профессор истории стран Магриба в Иналко
Национальный институт восточных языков и цивилизаций в Париже

Война в Ираке, её истоки, развитие и скорая развязка вызвали настоящее потрясение в арабо-мусульманском мире. Как отмечала на следующий день после падения Багдада социалистическая марокканская газета «Аль-Иттихад Аль-Иштираки», тревожное удивление вызвало «угасание» иракского сопротивления и «исчезновение» высших должностных лиц режима. После ставшего очевидным во время конфликта раскола между странами, согласившимися принять на своей территории американские войска, и резкого общественного осуждения войны, актуальность приобрели и другие существенные вопросы. Они соотносятся и с самой природой конфликта, который воспринимается как современное воплощение колониальных войн, и, главным образом, с причинами уязвимости национальных государств в этом регионе. Другими словами, почему процессы, так похожие на колониализаторство, вернулись в арабский мир в начале XXI века, и как это стало возможным?

Эта краткая статья основана на обзоре алжирской и марокканской прессы, вышедшей в свет 10 апреля 2003 года, на следующий день после падения Багдада. Мне показалось, что воссоздание текстов, написанных «по горячим следам», скорее передаст дух, царивший в этих обществах, чем попытки удалённого анализа ситуации в той части арабского мира, которая выказала резко враждебное отношение к войне.

Алжирская и марокканская пресса осудила начало американо-британской «оккупации» Ирака, одновременно задаваясь вопросом об условиях — и даже о реалистичности — свержения режима Саддама Хусейна. В этом балансировании между утвердительными оценками (американская «колониаль-

ная оккупация») и вопросами (природа авторитарных режимов в арабском мире) читается сомнение, растерянность и вызов.

Опасность колониализма

Войну в Ираке можно рассматривать как конфликт политических интересов (мировое господство одной сверхдержавы) или как конфликт цивилизаций (начало религиозной войны с исламом). Однако в войне, развязанной в марте-апреле 2003 года, американское руководство, по существу, рассматривало Ирак как подлежащее реконструкции экономическое пространство, а не как сформировавшееся политическое общество. Об этом свидетельствовало отсутствие внятного политического плана после падения Багдада, а также нерешительность в вопросе формирования иракского правительства. В свою очередь Великобритания следовала давним историческим курсом, ведь Ирак продолжительное время, с 1917 по 1932 год был британской колонией. При посредстве марионеточной монархии британцы управляли Ираком и позже, с 1932-го по 1958 год, когда монархический режим был свергнут. В качестве нефтедобывающего региона, богатства которого были разведаны ещё в начале XX века, Ирак давно находится в сфере британских интересов. Что же касается Соединённых Штатов, то их положение представляется более сложным. Невольно вспоминается в этой связи знаменитая фраза президента Вильсона о «праве наций на самоопределение», произнесённая после первой мировой войны, или позиция президента Рузвельта во время второй мировой войны, поддерживавшего алжирских и марокканских националистов в их попытках освободиться от французского колониального гнёта.

* Benjamin Stora. *La mort d'ideologie nationaliste arabe.* // *Esprit*, Juin 2003. — PP. 6–12.

Итак, в начале XXI столетия Соединённые Штаты фактически отказались от своей прежней политики в пользу «классического» колониального подхода, сочетавшего политическую гегемонию с прямым захватом экономических ресурсов страны. Традиционные доводы о «цивилизаторской миссии», широко использовавшиеся в XIX веке Францией и Великобританией, служат в данном случае прикрытием экономических appetites.

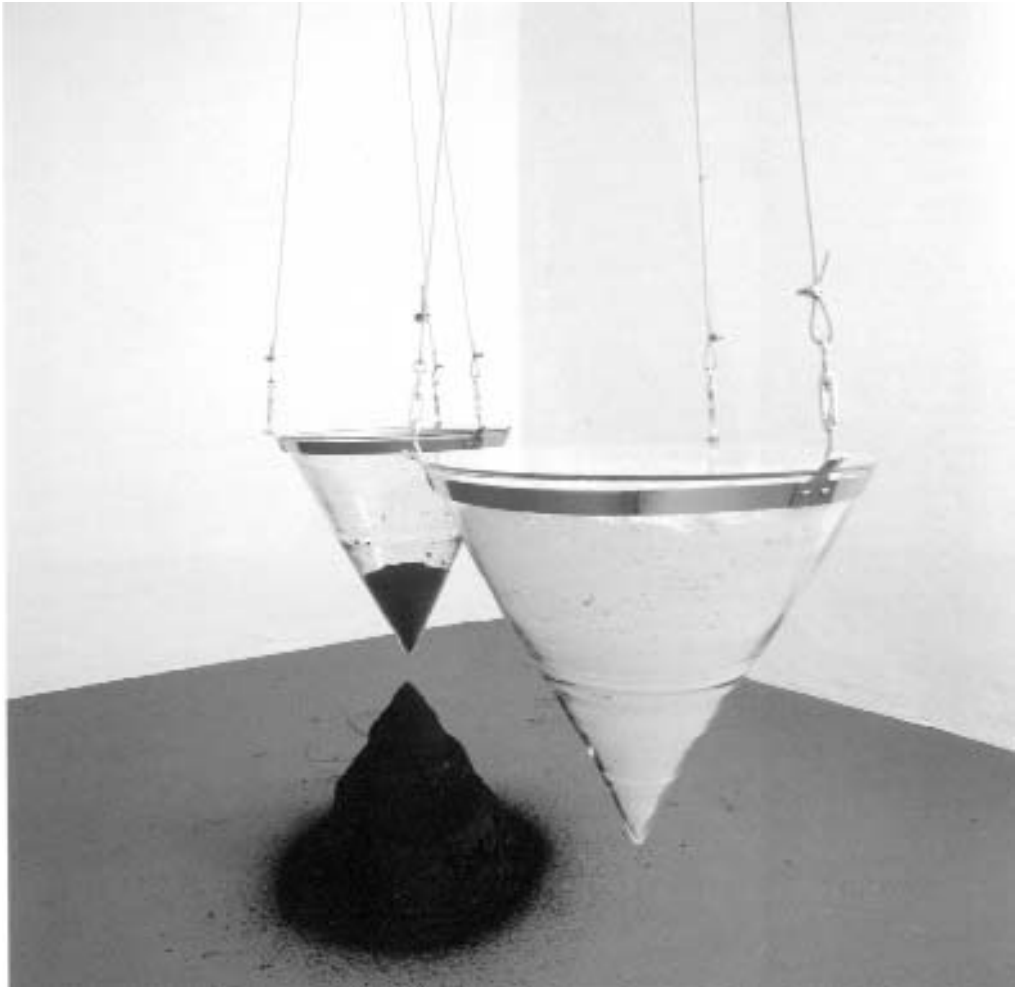
Этот исторический поворот в американской политике был отмечен почти всеми авторами передовиц в странах Магриба. Десятого апреля 2003 года газеты в первую очередь писали о характере начавшейся войны. «Захват Багдада американскими войсками скрепил оккупацию Ирака», — заявляла марокканская ежедневная газета «Опиньон» и вопрошала, под фотографией статуи Саддама Хусейна, обёрнутой американским флагом: означает ли это «начало неприкрытой колонизации»? В редакционной статье ежедневной арабоязычной газеты «Аль-Алям» обличался «возврат в колониальный XIX век» и говорилось о том, что «Соединённые Штаты поворачивают вспять, пытаясь основать колониальную “цивилизацию”». Алжирская пресса отмечала: после падения Багдада стало ясно, что американцы обосновались в Ираке надолго, и арабские страны должны «поразмусьлить» о своём единстве, которое «оказалось фикцией». «Даже если сегодня он [иракский народ] и избавился от диктата отныне бывшего президента, он тут же попал под иго нового правительства с колониальными повадками», — писала алжирская ежедневная газета «Экспрессон». «Вполне очевидно, что иракцы не смогут завтра должным образом распорядиться своей судьбой», — подчёркивалось в статье. Ибо «довольно лёгкая» победа сил коалиции под Багдадом «не могла бы произойти без секретных переговоров американцев с иракцами при посредничестве необычайно активной русской дипломатии». «Элементарный реализм подсказывает, что участники коалиции [...] не готовы отказаться от барышей войны, которую они развязали невзирая на осуждение международного сообщества и вопреки нормам права», — утверждала алжирская еже-

дневная газета «Либерте». «Эта оккупация с выраженным колониальным характером, внушающая страх тем самым иракцам, которые рукоплескали свержению деспота, может стать свершившимся фактом уже в ближайшие дни», — заключала газета.

В Магрибе, также как в других странах арабского мира, характер этой войны, которую развязали старая и новая колониальные державы, не вызывает сомнений. Речь идёт о захватнической войне, направленной на «обеспечение безопасности» нефтяных скважин и присвоение экономического пространства при небрежении к функционированию, строительству и развитию политического общества. Именно такой была логика европейских держав в XIX веке. Администрация Буша изменила традиционное течение американской истории. Вторжение в Афганистан и тот факт, что американские войска остаются на территории страны, готовясь к долговременному присутствию, предвещали подобное изменение курса. Однако журналисты, пишущие для алжирской или марокканской периодики, не уделили достаточного внимания одному факту, а именно тому, что теперешнее возвращение к прямому колониализму осуществляется с помощью самых современных инструментов и методов. То есть происходит в эпоху глобализации: в условиях быстрых коммуникаций, всемогущества телевидения, желания прозрачности в политике, возможного вовлечения международных организаций и экономической взаимозависимости. Иными словами, изменившаяся ситуация способствует выживанию авторитарных режимов во многих странах, когда не обязательно прибегать к традиционным «рецептам» колониальной политики.

Кризис арабского национализма

Вслед за страхом чужеземного господства, который в странах Магриба не может не вызывать в памяти времена антиколониального движения, наступает самая тяжёлая минута — встаёт вопрос о причинах столь стремительного разгрома иракской армии, которая в течение многих лет считалась самой боеспособной в арабском мире. За нехваткой единения между арабскими государства-

Ребекка Хорн. Гермафродит. 1987

ми проглядывает серьёзный кризис — кризис «арабского национализма».

Воспрявший на волне антиколониального движения, арабский национализм расцвёл в 1930-х годах, проповедуя идеи сильного патриотического государства, опирающегося на языковую общность (арабский язык) и религию (ислам). В годы второй мировой войны арабские националисты, в целях противостояния английскому владычеству, сотрудничали с немцами, затем, после поражения нацизма — с Францией. Небезынтересно отметить, что растущий арабский национализм 1930-х, 1940-х и 1950-х годов основывался на франко-германском неприятии британской политики. Это одна из печальных тенденций истории. Между французской политической историей и араб-

ским национализмом существует тесная связь, если вслушаться в те отголоски Великой французской революции, что звучат в движениях баасизма и насеризма. Напомним, что в Ираке баасисты пришли к власти, положив конец британскому господству, 14 июля 1958 года. Дата отнюдь не случайна — здесь вполне очевидна отсылка к Великой французской революции. Вопрос о светском характере власти был тогда решён в пользу учреждения авторитарной «якобинской» республики, следующей французскому образцу. Якобинская модель, отрицающая право на культурное и политическое разнообразие, предполагает подавление меньшинств. Всякое отличие воспринимается как измена. Это один из ключевых моментов для понимания проблемы иракского

общества, где сосуществуют сунниты, курды и шииты. Пропитанный такими якобинскими ценностями, баасизм закономерно выродился в диктатуру Саддама Хусейна.

Марокканская «Либерасьон», ежедневная газета социалистического толка писала, что даже если «исход матча был предрешён», Саддам Хусейн остаётся «тупым циником, погрязшим в баасизме, светскости и арабском национализме в его самой извращённой, разнузданной и преступной форме». А другая ежедневная газета «Аль-Байан» от 10 апреля утверждала:

«Впрочем, таков удел всех арабов — опираясь на живые силы народа вновь взять судьбу в собственные руки, созидая современное общество, основанное на эффективном гражданском участии и вовлечённости граждан в управление страной. Вне всякого сомнения, многие из тех, кто испытывает ностальгию по арабскому национализму [...] а также адепты обскурантизма и мракобесия не оставят попыток затуманить зрение арабских масс, стремясь вовлечь их в конфликт религий и цивилизаций. В то самое время, когда важнейший вопрос — это мобилизация сил в преддверии борьбы с империализмом и обездоленностью, за демократию и прогресс».

В Алжире, «Котидьен д'Оран», самая высокотиражная из франкоязычных газет, утверждала: падение Багдада похоронило «множество мифов, в том числе о единстве арабского мира, оказавшемся фикцией, и о национальной солидарности, якобы существующей внутри арабских стран». В газете говорилось: арабские страны должны усвоить — отныне они не «являются военными державами, и что в случае агрессии со стороны сверхдержавы о «межарабской солидарности» не может быть и речи».

В противовес заявлениям о необходимости авторитарного политического объединения арабского мира в арабских обществах развиваются, однако, и другие течения. В них звучит призыв к признанию культурных, политических и религиозных меньшинств, развитию гражданского самосознания, многопартийности, о свободной и независимой прессе, ослаблении государственного контроля над отправлением мусульманских обрядов, одним словом, призыв к созданию правового государства.

Необходимость политической демократии

Десятого апреля 2003 года, на следующий день после падения Багдада, бок о бок с обличениями колониальной войны и привычными утверждениями, в которых поражение Ирака объяснялось с помощью теории заговоров (Саддам заключил секретный союз с коалицией, чтобы тайно покинуть Ирак... оставив страну на милость американцам!), в прессе Магриба появилось немало статей о природе иракского режима. Отсутствие политической демократии в арабском мире называлось в числе основных причин столь быстрого поражения в войне. Ахмед Букьюд писал в статье под названием «Уроки войны», опубликованной в марокканской газете «Байан Аль-Йоум»: «Истинная демократия не придёт из-за границы на гусеницах танков, а это значит, что все, кого волнует судьба демократии, должны открыть глаза и начать закладывать её фундамент, сообщая своей стране силу права и закона, ценности свободы, обязательные для всех стран и всех людей».

В тот же день, 10 апреля, в редакционной статье газеты «Матен дю Сахара» читаем за подписью Хасана Аляу: «Вчера, во время напоминающего театрализованную казнь действия была свергнута статуя Саддама Хусейна. Его режим пал перед глазами миллионов замороженных телезрителей. К великой радости одной части иракского народа, к несчастью для непримиримых. [...] Потребовался двадцать один день, не больше и не меньше, чтобы положить конец режиму. [...] Все сдерживавшиеся в молчании эмоции внезапно хлынули наружу — после марш-броска морской пехоты, обвешанной изощрённым оружием и шоколадками для детей. [...] Падение Саддама Хусейна — это не просто смещение главы государства и крушение режима, считавшегося непроницаемым как альковные тайны. Это начало безжалостного хаоса, иррационального и дьявольского. [...] Однако искренняя, невинная и спонтанная горячность иракского народа определяет самую насущную проблему: необходимость установления демократического правления в стране с 23 мил-

лионным населением, во второй стране мира по объёму нефтедобычи. [...] Будет ли этот процесс сопряжён с жестокой, смертоносной борьбой, с насилием, потребовавшимся для свержения режима и правителя?».

Передовая статья ежедневной «Аль-Байан» от 10 апреля 2003 года была озаглавлена недвусмысленно — «Демократия». Журналист писал: «Войска американо-британской коалиции захватили Багдад [...] Иракский режим не получил ожидаемой поддержки народа. [...] Агрессия сопровождается множеством жертв. [...] Таким образом, иракский народ стал двойной жертвой — ошибок собственных правителей и притязаний агрессоров. [...] У него нет другого выхода кроме борьбы за независимость и демократию».

«Индепандан» считала, что «арабы пожинают то, что посеяли» и «ещё долго будут оставаться в роли жертв», так как оказались «неспособны сформировать демократические государства». В «Экономисте» от 11 апреля Абд-эль-мунаим Дилами писал в редакционной статье, озаглавленной «Диктатуры»: «Режим Саддама Хусейна окончил свои дни так же, как начинался — окутанный тайной. Однако крушение режима чревато далеко идущими последствиями. [...] До тех пор, пока народы этого региона сами не избавятся от правящих ими диктаторов, до тех пор, пока они не станут распоряжаться собственной судьбой, они будут оставаться «рогоносцами истории». [...] Единственный выход — начать с эффективного самоуправления. Затем достичь устойчивого экономического роста и, наконец, попытаться стать державой, с которой считаются. Начинать с конца значит обречь себя на поражение».

Влиятельная алжирская «Аль-Ватан» отмечала: «Сталинград, обещанный армии первой мировой сверхдержавы, не удался». «Призывы к сопротивлению или к джихаду в то время, когда в мире существуют тысячи полей битвы — это размягчающая политика, не делающая чести тем, кто её исповедует». Журналист А. Самиль продолжает. Учитывая, что Саддам Хусейн и его режим проиграл войну, которую он не смог ни предотвратить, ни провести должным образом, самым простым было бы оставить иракцев единственными судьями иностранной окку-

пации, обрушившейся на их родину. Люди жгут то, чему вчера вынуждены были поклоняться, вне зависимости от того, плохой или хороший приём будет оказан солдатам коалиции, отныне они будут принимать участие в решении судеб Ирака.

Даже правительственная ежедневная газета «Аль-Муджахид» утверждала в то время, что «урок, который следует вынести» из падения иракского режима состоит в том, что «нельзя бесконечно откладывать демократические преобразования в наших странах», под угрозой невозможности «оградить себя от внешней агрессии».

* * *

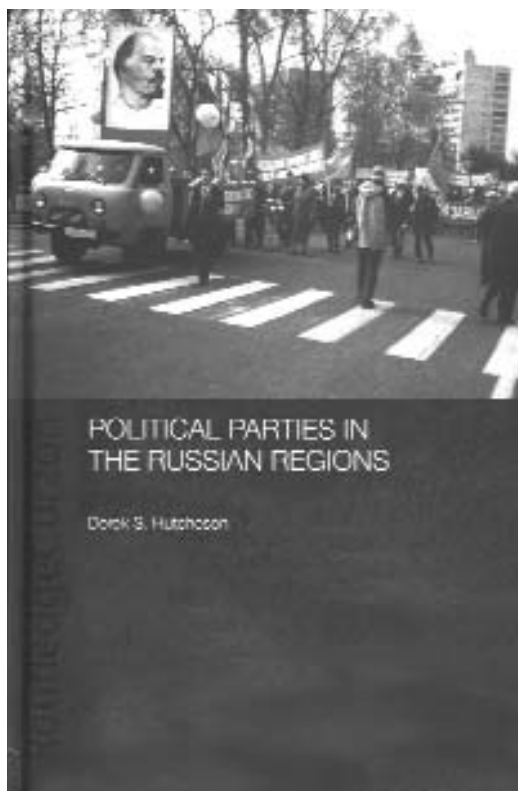
Недавняя война в Ираке, нанесённые ею раны, её характер, её возможное продолжение в иных формах и её жестокость осложняют разрешение важнейшего вопроса, стоящего перед этим регионом: установление демократических правительств. Война оживляет воспоминания об эпохе национально-освободительных движений и порождает мощную волну национального самосознания, провоцирует возврат к политическому патриотизму на религиозной основе, в котором, как в XIX столетии, в период французских и британских колониальных завоеваний, роль последнего пристанища играет ислам. Этот процесс национального сопротивления может привести к выталкиванию на политическую обочину истинной демократической элиты, которая могла бы развиваться в политическом пространстве арабского мира.

В предстоящее бурное время ключевой проблемой остаётся формирование демократической оппозиции. Французские и европейские левые должны стремиться к союзу с этими силами демократической оппозиции, а не оставаться на узкой тропинке пацифизма. Если союз с гражданскими и демократическими силами, с движениями гражданского общества не увенчается успехом, можно ожидать, что политический исламизм вновь займёт всё политическое поле, превращая эту колониальную войну на новый лад в конфликт религий и цивилизаций.

*Перевод с французского
Марка Дадяна*

Партии в региональном политическом ландшафте

D.S. Hutcheson. Political Parties in the Russian Regions. – RoutledgeCurzon, London, 2003. – 196 с.

Если понимать демократию как осмысленную конкуренцию, осуществляемую посредством регулярных, свободных и справедливых выборов, или как эффективное участие и право граждан создавать и вступать в ассоциации, очевидно, что структурированная партийная система, обеспечивающая связь между государством и обществом, является одной из базовых основ такой политики, ее необходимым условием. В силу этого исследования демократического транзита в России, его состояния и характера, невозможны без диагностики партийной системы; более того, сами российские партии вот уже свыше десяти лет позиционируют себя на политической арене (по крайней мере в официальной риторике) именно в качестве неких «скреп» между обществом и государством. Литература, посвященная партийному строительству в нашей стране, довольно обширна, однако большая часть исследователей не идет (не рискует идти?) «вниз», на региональный и местный уровень, рассуждая

преимущественно о делах московских. Существует также категория исследований, описывающих партийно-политическую жизнь отдельного региона, что важно, но, естественно, проблемного поля не исчерпывает. Так что следует полностью согласиться с автором, который называет поле анализа партийной жизни на региональном уровне «недоисследованным»; по его мнению, «исследовать партии на центральном уровне означает упустить из виду важные каналы политического и партийного процесса принятия решений» (с. 2).

Монография Дерекса Хатчесона посвящена выявлению роли партийных организаций и партийных активистов в политике постсоветской России, причем фокус работы составляет анализ регионального политического поля, выход за пределы Садового кольца. «Зеркалом» региональной партийно-политической жизни автор избрал макро-регион Средней Волги.

Автор ставит перед собой достаточно широкие задачи – работа содержит пять тематических блоков: развитие многопартийной системы в России; значение

региональных и местных акторов в российской политике; организационные структуры крупных политических партий и связь между различными уровнями; индивидуальная деятельность членов партий; место России в посткоммунистическом транзите.

Существуют различные способы измерения роли партий в региональной политической жизни. Наиболее очевидный — степень их представительства в органах государственной власти, законодательной и исполнительной. Такого рода анализ показывает весьма ограниченную роль партий на региональных выборах legislatures, причем с середины 1990 годов просматривается отчетливая тенденция к сокращению числа партийных кандидатов. Данные по губернаторским выборам еще более скромные: с середины 1997-го до конца 2000 года выборы главы исполнительной власти состоялись в 74 регионах, причем из 766 кандидатов лишь 7,6 процентов были выдвинуты политическими партиями. Так что роль партий на местном уровне из скромной превращается в несущественную.

Однако если роль партий в регионах настолько ограничена, чем же питаются постоянные утверждения партийного руководства (характерные практически для всех партий) о том, что «их» кандидаты добились успеха на региональных выборах? Кто такие эти кандидаты? И здесь Хатчесон подмечает интересную особенность: роль партий вторична, партии не столько выдвигают собственных кандидатов, сколько поддерживают тех, кто участвовал бы в выборах в любом случае (то есть выбирают из уже заявивших о себе политиках, называя их в случае успеха «своими»). В отношениях между губернаторами и партиями роль последних также периферийна: губернаторы стремятся, скорее, «прислониться» к существующей «партии власти», уже подтвердившей свои возможности (ранее — к НДР, теперь — к «Единству»), нежели добиться успеха на выборах с помощью партийной идентификации.

Довольно много внимания в монографии уделено взаимоотношениям партий и общества. Автор приводит данные социологических опросов 2000 года, которые свидетельствуют о крайне низком доверии населения к политическим партиям, более того, о циничном отношении к ним и к той роли, которую они играют в российской политике. Согласно этим данным, избиратели считают партии инструментами для обслуживания финансовых или иных амбиций политического лидера. Иными словами, партии подобны персональной отмычке для дверей во власть, туда, «где все мечты сбываются». Хатчесон не пишет об этом специально, однако мне кажется важным отметить то, что такое положение вещей, такая перверсия *уже* считается населением нормой: партийный лидер воспринимается как более или менее опытный взломщик, а все партийное вызывает не гнев, а, скорее, презрительность.

Любопытно, что циничное отношение к партиям сочетается одновременно с поддержкой населением (по крайней мере, с нормативной точки зрения) многопартийности в стране. Казалось бы, здесь мы имеем дело с явным противоречием. Но в действительности противоречия нет; такое причудливое сочетание свидетельствует о том, что партии могут играть (и играют) в российской политике любые роли, кроме роли агрегирования и артикулирования интересов социальных групп. Что же касается отношения людей к политическим партиям, остается непонятным: то ли огорчаться равнодушием и апатии населения, то ли

радоваться здравомыслию нашего избирателя, который хорошо научился «отделять мух от котлет» и которого на «голый PR» теперь не возьмешь. Еще одно проявление извечной склонности российского человека к метафизике, порожденной, среди прочего, и нашими пространствами.

Далее, приведенные автором данные говорят о том, что в середине 1990-х избиратели в большинстве своем были способны «опознавать», отличать друг от друга основные партии, хотя и в меньшей степени, нежели в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы. Однако это «опознание» в России не очень-то и нужно, поскольку сама партийная система до недавнего времени находилась в «плавающем» состоянии: не успеешь привыкнуть к партии, а ее уже нет — состоялся распад партийной формы, не подкрепленной внятным содержанием.

Итак, партии не играют роли на региональных выборах (за исключением нескольких регионов), не выражают интересы граждан и, соответственно, не воспринимаются населением как общественное благо. Жесткий закон о партиях, согласно которому партии должны открыть отделения более чем в половине субъектов федерации и каждое отделение должно иметь не менее ста членов, нацелен на превращение по-московски ориентированных партий во всероссийские, однако он же означает конец собственно региональных партий. Применение этих норм министерством юстиции при регистрации партий означает практически полное всевластие центральных органов, а последние, согласно большинству новых партийных уставов, имеют право как создавать, так и ликвидировать региональные отделения, какими бы многочисленными они ни были, не проводя съезда. Все это — отмеченные автором предпосылки для поисков ответа на вопрос: «важны ли партии в современной России?». Ответ, увы, однозначен. Как совершенно справедливо, на мой взгляд, пишет Михаил Афанасьев, «российские политические партии не являются субъектами политического процесса. Не всякий политический игрок является субъектом политики. Субъектом политики следует признать лишь того, кто предьявляет *социально значимый проект развития сообщества и волю к его реализации*»*. Комментарии излишни. Сама рецензируемая монография есть ответ на данный вопрос, причем «несубъектность» партий на федеральном уровне еще более усугубляется на уровне региональном. Автор убедительно, на конкретных цифрах, доказывает этот очевидный тезис. Как он сам отмечает, его исследование носит не теоретический, а эмпирический характер. Это действительно так, и тем не менее, в монографии довольно мало содержательно значимых выводов (при том, что здесь присутствует ряд интересных, но локальных находок). Поэтому я опасюсь, что российскому читателю результаты рецензируемого исследования покажутся слишком банальными, а для западного читателя текст, видимо, излишне перегружен деталями российской политической жизни.

Ирина Бусыгина

* М. Афанасьев. *Пять причин голосовать против всех партий.* // *Эксперт*, № 34, 2003. — С. 77.

Региональное книжное обозрение

А.В. Перцев. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. — 253 с.

Книга посвящена проблеме диалога между культурами, обозначаемыми автором как «западная» и «российская». Автор задается вопросом: «Почему окно в ... Европу так и осталось окном, отнюдь не превратившись в дверь?» (с. 31). Причина, по его мнению, в том, что освоению «западных идей» мешает присущее российскому менталитету «неосознаваемое философское мышление», существующее незримо для рефлексирующего сознания и противоречащее принципам западной философии (с. 42–43). Собственно говоря, этот тезис является центральным в книге, все содержание которой предстает как его развертывание, прояснение и обоснование.

Разделив во введении «объясняющую» и «понимающую» толерантность, Перцев намекает читателю на то, посредством каких философских концепций будет доказываться гипотеза о существовании «глубинной», «бессознательной» философии, тормозящей так называемую модернизацию. С одной стороны, речь идет о неокантианской философии, отказавшейся от кантовского абсолютизма; с другой стороны — о «философии жизни», перенявшей от романтизма недоверие к разуму. В XX веке синтез этих доктрин привел к возникновению структурной антропологии, утверждающей наличие «бессознательных» семиотических структур, лежащих в основании всех культур. Как известно, на синтезе неокантианства и «философии жизни» основаны и такие релятивистские построения, как теория

«лингвокультурной относительности», концепция парадигм в науке Куна, «методологический анархизм» Фейерабенда. Вооружившись всем этим постмодернистским инструментарием и воспроизводя аргументы вышеуказанных мыслителей, автор критикует «просветительское рационалистическое мышление» за претензию на универсальность, противопоставляя ему «народный ум», который определяется как «прародитель, более важный и значительный в сравнении со своим агрессивным и нетолерантным чадом» (с. 252).

Первая половина книги посвящена особенностям российского менталитета. В то время как первая глава носит концептуальный характер, во второй, самой объемной, детально рассматривается эмпирика российского общества. Далее, в третьей и четвертой главах, отвлекаясь от российской тематики, автор рассматривает «с точки зрения толерантности» западноевропейскую философию и историю.

Завершив знакомство с книгой, нельзя не отметить противоречивость авторской позиции. С одной стороны, Перцев пишет о превосходстве «народного ума» над «просветительской рациональностью», исходящей из «наивного положения», согласно которому просвещение основывается на «абсолютно чистой доске просвещаемого» (с. 9). Однако с этим совершенно не согласуется предлагаемая им уничижительная трактовка «традиционных обществ», воплощающих достоинства «народного ума» в противоположность современному. С этим же не стыкуется и его объяснение перманентной специфики российского менталитета тем фактом, что «наше общество» — общество «догоняющего типа», отстающее от Запада, прежде всего, в сфере экономи-

ки. Автор, возможно, не замечает, что, привлекая подобные аргументы, сам он переходит на сторону «просветительской линии», настаивающей на всеобщности некой идеальной модели развития для всех стран. Во всяком случае, лишь соглашаясь с наличием подобных универсалий, можно употреблять выражения вроде «общества догоняющего типа». Читая все это, невольно приходишь к мысли, что Перцев, противореча самому себе, так окончательно и не решил, какую именно «стратегию толерантности» ему принять.

Кроме того, вызывает недоумение желание автора *свести всю европейскую философию к системам, ведущим свою родословную от критицизма. Лейбница, Декарта, Фому Аквинского, Аристотеля, Платона и других «догматических философов»* Перцев либо вовсе философами не считает, либо относит к философам неевропейским. «Спрашивается, на каком собственно основании внушаются эти санитарно-полицейские правила? ... Кто дал право этому юристу от познания считать шарлатанами тех, кто по природе наделен не вкопанной в землю мыслью, а перелетной? Вправе ли крот критиковать орлов и отказывать их орлиному опыту в реальности?»*.

В заключение стоит отметить, что, несмотря на непоследовательность и излишнюю категоричность авторской позиции, книга читается с интересом. Даже если вдумчивые читатели и не согласятся с исходными и не до конца развернутыми интенциями Перцева, они вряд ли сочтут, что потратили время зря. Ведь хорошая книга отличается от плохой именно оригинальностью содержания, которое в представленной монографии, несомненно, имеется.

Александр Капишин

Л.Г. Самотик. Словарь Александра Лебеда (исследование выразительных средств языка политика). — Красноярск: «Кларетианум», 2002. — 184 с.

Книга Людмилы Самотик, изданная Красноярским государственным педагогическим университетом и Региональным лингвистическим центром приенисейской Сибири, в первую голову предназначена лингвистам. И, несомненно, вызовет у них самый пристальный интерес. Однако, убежден, словарь выразительных средств языка красноярского губернатора будет интересен и более широкому кругу читателей. Ведь всякая методологически обоснованная и тщательно проведенная фиксация живых языковых процессов — это неоценимый вклад в общее дело нашего понимания собственной культуры. В том числе, конечно же, и культуры политической. Ее серьезный анализ просто невозможен без обращения к лингвистической семантике, без анализа лексики и выразительных средств языка. Теперь, после пионерских исследований Эдуарда Сепира, убедительно продолженных Анной Вежбицкой, мы знаем: язык и образ мышления взаимосвязаны самым тесным, самым интимным образом. При том словарный состав языка, литературных и повседневных речевых практик — один из наиболее чувствительных показателей культуры: господствующих в ней традиций, конвенций, установок, базовых ценностей, предпочтений. Именно потому книгу Л. Самотик особенно внимательно следует изучить тем, кто всецело принадлежит полю политики, полю производства и формирования политических дискурсов.

Выбор предмета исследования весьма удачен: известный всей стране генерал, затем популярный политик, наконец, красноярский губернатор — одна из ярких фигур политической сцены девяностых. Несомненно, внимание к политической деятельности Александра Лебеда вызывали не только

* К. Свасьян. Предисловие к книге Р. Штайнера «Философия свободы». — Ереван, 1993. — С. 18.

его позиции, но в немалой степени и его речевая практика. Его язык отличался заметным своеобразием: лаконичностью народного «рубленного» стиля, почти афористичностью, особым армейским юмором, сочетавшим казарменную простоту и грубоватость шуток с едкой иронией, усиленной комическими эффектами игры с прямыми и переносными смыслами — игры с литературными цитатами, с газетными стереотипами, с бюрократическими или жаргонными клише. Этот язык, ставший важной составляющей политического капитала Лебеда, был легко узнаваем в его публичной речи, сам собой вливался в обиход расхожих выражений, провоцировал пародии.

Людмила Самотик предложила читателю что-то вроде лингвистического путеводителя по языковым ресурсам политической риторики Лебеда. Наряду с дифференцированным словарем выразительных средств языка (сюда включены лексика и фразеология, выходящие за рамки литературной нормы) в книге собраны также афоризмы, а в приложении — опыты интерпретации языковой личности Лебеда-политика, принятые Б. Шарифуллиным и З. Ивановой. Описания политической риторики Лебеда книга не затрагивает — это тема специального исследования.

Выводы, к которым приходит исследовательница примечательны: в речевой и литературной практике А. Лебеда «ярко выражены две основные тенденции развития современного русского языка: тенденция к идиоматичности и тенденция к экспрессивности» (с. 27). При этом, уточняет автор, «тенденция к экспрессивности рассматривается как общенациональная, тенденция же к идиоматичности, очевидно, характерна в большей степени для литературного языка и почти не представлена, например, в территориальных диалектах. Тенденция к идиоматичности проявляется в забвении внутренней формы слова, следствием и показателем чего является обращение к при-

емам перефразирования» (с. 27–28). Последнее наблюдение заслуживает особого внимания: какими бы ни были выразительные средства, активизирующие просторечия, жаргон казармы или десантников-афганцев, их идеоматичность остается подчиненной общим законам литературы или — говоря еще шире — общим законам литературоцентризма русско-советской культуры. В этом смысле словарь языка генерала, политика и губернатора оказывается еще и словарем литературных микрожанров: слов-ситуаций, слов-притч, слов-пародий... Границы между дискурсом политическим и литературным у его носителя как бы стерты: он апеллирует к нашему литературному сознанию не менее активно, чем к сознанию политическому.

Это нерасколдованное наследие девяностых живо по сей день. Вряд ли оно исчезнет само по себе, без требовательных усилий разума. Такие усилия вовсе не сводятся к разработке общих теорий. Поскольку политический язык нашего общества находится в стадии формирования, любая методологически обоснованная рефлексия над его процессами является одновременно и актами его самоанализа: прояснением содержания, границ, скрытых намерений. При этом роль исследований региональных особенностей политического дискурса важна не менее, чем аналитическая работа в культурно-политических центрах страны. И здесь внимания и благодарности заслуживает всякая инициатива — идет ли речь о словарях выразительных средств, о частотных словарях или анатомическом разборе политической риторики, проведенном на любом языковом материале. Без такого рода аналитики наши обобщения останутся всего лишь литературно-мифологическим фантазированием.

Евгений Барабанов

Александр Архангельский
«Известия» — специально
для «Общей тетради»

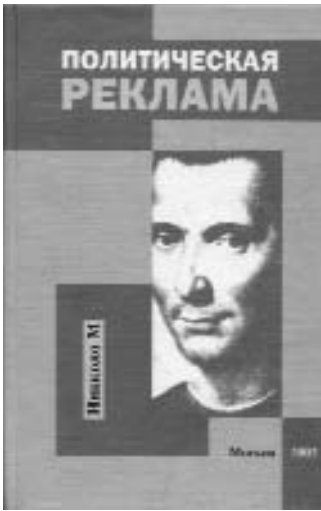
Контрапункт

СРЕДСТВА

Е. Егорова-Гантман, К. Пleshаков, при участии В. Б. Байбаковой. Политическая реклама. Под ред. А. Бирюкова. Изд. 2-е. — М.: Никколо-Медиа, 2002. — 238 с.

Книга эта пользуется заслуженной популярностью в профессиональной среде; второе издание, последовавшее вскоре за первым — лучшее тому доказательство. Читатель «Политической рекламы» сможет понять, как создавать «своих» политиков и как рушить репутации «чужих»; когда начинать агрессивное продвижение клиента, а когда отползать на некоторое время в сторону, выжидая подходящий момент; какие механизмы предвыборной агитации стоит сразу включать на полную мощь, а какие поостережись использовать вообще. Ценность подобного рода советов переоценить трудно; грамотных политтехнологов у нас мало, зато в избытке специалисты по освоению предвыборных средств. Так что если и могут быть какие-то претензии, то не к книге как таковой — со всем ее честным технократизмом, а к социальному и политическому контексту, который ее окружает и неизбежно накладывает свой отпечаток на восприятие.

Главной интригой прошедших осенью 2003 года парламентских выборов (до объявления их результатов) многие считали скандал с новым избирательным законом, который — в версии Центризбиркома — резко сузил возможности и права СМИ при освещении избирательной кампании. Быструю отмену ограничительных требований этого закона, произведенную Конституционным судом, называли торжеством демократического здравомыслия. Что правда, то правда; наши конституционалисты оказались куда более демократичными и куда более здравомыслящими, нежели наши избиркомовцы. Но, положив руку на сердце, если выборы прошли предельно скучно и пресно, если политическая реклама, раздувшаяся в 1999-м до невероятных пределов, в 2003-м до невероятных же пределов и скукожилась, — то не Центризбирком в том виноват. И не разработанное им драконовское законодательство. Дело, как представляется, прежде всего, в социальной апатии населения, а также в полной путанице средств и целей у политиков и обслуживающих их политтехнологов. Законодательные нормы, предложенные г-ном Вешняковым, лишь не в меру последовательно фиксировали и эту

апатию, и эту путаницу; недаром кто-то сравнил нынешнего главу Центризбиркома с пожарным, который бежит с огнетушителем во время наводнения.

Причины же — и апатии, и путаницы — очевидны. Нормальный политик (а значит, и нормальный политтехнолог) *главной целью* считает реализацию своей идейной стратегии; *целью промежуточной* — получение власти, необходимой для реализации этой стратегии; *средством* — весь роскошный набор политтехнологий. Опять же, нормальный избиратель видит свою *цель* в том, чтобы найти политическую силу, которая будет обслуживать его интересы и гарантирует ему ненасильственное развитие страны; *средством* такого естественного политического отбора служит реклама в любых ее проявлениях, от содержательной до имиджевой и от элитарной до площадной. Поскольку именно реклама знакомит нас с персонами и идеями политического процесса.

Но это — норма.

У нас же политики в большинстве своем, по крайней мере с 1999-го, считают целью — и главной, и промежуточной — приход к власти; *средством* — рекламные технологии, причем не только предвыборные. Более того, осуществив поставленную задачу, они превращают прежние средства в ближайшую цель. Именно на этом держится самый успешный политический проект нового времени, который можно определить как «синдром Павловского».

Что это за синдром? Мирная смена элит и достижение социального мира любой ценой были в 2000-м задачами самодостаточными; дальнейшего развития свободной страны, продолжение экономических реформ и прочее предполагалось где-то в подтексте, но лишь как дополнение, как гарнир к основному блюду. Отказ кандидата в президенты от участия в дискуссиях и вообще от какого бы то ни было содержательного разговора (этот прием повторен партией «Единая Россия» на выборах 2003 года) — стал смысловым ключом проекта. *Чем меньше содержания, тем больше шансов на успех.* Средством решения поставленной задачи стало обустройство медийного пространства; место политических идей занял показ политических действий: мгновенное перемещение по стране, ночной визит в Чечню, полет на исторический родной берег и прочее.

Затем, после одержанной победы, политическая реклама

из средства стала целью; поддержание высокого президентского рейтинга медийными средствами в 2000–2003 годах не только обеспечивало, но именно что гарантировало стране желанную политическую стабильность; психологически-успокаивающее воздействие власти на общество, власти как таковой, вне и помимо ее непосредственных действий и решений, было смыслом первого президентского срока Владимира Путина.

Что в результате? Личная популярность главы государства — несомненна. Социальная стабильность — более чем реальна. Были ли использованы эта популярность и эта стабильность для решения стратегических задач развития страны — вопрос отдельный; здесь и сейчас нужно сказать о другом. Как в случае с Законом о выборах не Центризбирком виноват в угасании интереса к информации о выборной кампании, так и в случае с «проектом Павловского» не политтехнологии и, тем более, не политическая элита предопределили выбор вербальной бессодержательности смысла правления; они лишь верно угадали запрос усталого и растерянного большинства. Которое реагирует лишь на эмоциональные импульсы и выплески политической энергии (очередной успех Жириновского и прорыв блока «Родина» тому порукой). Любая попытка поговорить о чем-то по существу натывается на непробиваемую стену равнодушия.

И наоборот. Провал правых и социал-демократов (СПС и «Яблоко») был предопределен бессодержательностью их предвыборного поведения; они попытались говорить со своим продвинутым электоратом так же, как националисты и «болого» говорили со своим. То есть без артикуляции смысловых позиций, запуская самодостаточные рекламные механизмы, не обеспеченные политическим смыслом. А политическая реклама становится целью только там и только тогда, где и когда отсутствуют общественные импульсы, настрой на движение и развитие...

СТРАТЕГИЯ

Джозеф Наполитан. Электоральная игра. Под ред. А. Булычева. — М.: Группа компаний «Никколо М», 2002. — 400 с.

Группа «Никколо М», как всякий серьезный игрок на политическом рынке, должен прислушиваться к запро-

сам сегодняшнего дня и учитывать реалии происходящего в стране — и в то же время исподволь перенацеливать свой специфический рынок, прививать ему вкус к иному функционированию. Именно поэтому здесь готовят и издают практические пособия, которые обслуживают нужды нынешней российской реальности — и выпускают переводные книги, написанные ведущими западными политтехнологами. То есть теми, кто привык не только осваивать средства, но и ставить цели.

Американец Джозеф Наполитан — один из них. Он работал более чем в 20 странах мира, включая Филиппины, где «ведал делами» будущего президента Маркоса; у него был и позитивный, и отрицательный опыт ведения предвыборных кампаний — делится он в этой книге и тем, и другим. Что делает ее особенно ценной и особенно практичной. Потому что учиться на чужих ошибках легче, чем перенимать чужой положительный опыт.

Практицизм вообще — главное качество профессии политического консультанта; ему, по словам Наполитана, должен быть важен сам процесс политической игры; если, паче чаяния, политконсультант наделен самостоятельными амбициями и начинает думать о том, как и какие решения следует принимать «его» кандидату после победы на выборах, то надо немедленно уходить из профессии. Читатель «Электоральной игры» узнает, как и в какой момент следует

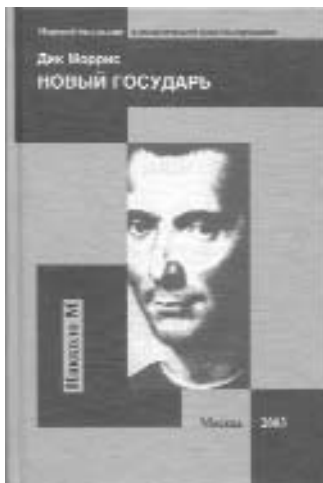
вступать в переговоры с телевизионными продюсерами, какие ролики могут быть эффективны в одних, а какие в других обстоятельствах; нужно ли печатать специальные газеты и обязательно ли участвовать в дебатах; следует ли затрачивать большие средства на производство рекламных материалов или же разумнее сэкономить; мыслимо ли за семь недель выправить отставание в 12 процентных пунктов; как создавать штаб и как подбирать энтузиастов, сколько человек должно работать на секретарских должностях, а сколько на ключевых постах, в какой момент адресная рассылка наиболее эффективна — и прочее, и прочее.

Но, и тут начинаются корневые отличия от нашей «электоральной игры», — Наполитан никогда не превращает политтехнологические средства в самоцель; он «электорально играет» не просто по правилам, но и ради правил. То есть ради бесперебойного действия демократической процедуры; весь его практицизм, весь его прагматический пафос подчинены глубоко содержательной цели. Он начинает разработку выборного сценария с того, что определяет стратегию своего кандидата, формулирует тот конечный результат политического действия, под который строится вся избирательная кампания. А уж дальше переходит к тактике, готовится к оборонительным действиям и сам собирает негативную информацию о конкуренте,

пишет записки кандидату и борется с его самонадеянным окружением...

ЦЕЛЬ

Дик Моррис. Новый государь: новая версия Макиавелли для двадцать первого века. — М.: Группа компаний «Никколо М», 2003. — 224 с.

Но если Наполитан главным для себя и своего дела считает верное определение будущей стратегии кандидата, а под нее верстают тактические решения, то Дик Моррис вообще начинает с «идеального», и лишь затем переходит к «реальному». Главное для Наполитана — процесс, обеспечивающий сохранение демократии; главное для Морриса — демократия, требующая сохранения процесса. Приступая к выполнению очередного политического «заказа» (кстати сказать, иной раз без гонорара, всего лишь на условиях оплаты текущих расходов), он определяет глобальные содержа-

тельные цели, под них формулирует стратегию, а ей подчиняет тактику.

Можно себе представить, что было бы, если бы такое вот написал российский политтехнолог: «То, что политик имеет сказать людям, важнее, нежели деньги. Темы избирательной кампании значат больше, чем имидж политика. Стратегия важнее тактики. Позитив работает лучше, чем негатив. Содержательность существеннее, чем скандал. Темы обладают более мощным потенциалом, чем имидж, а стратегия важнее раскрутки. ...Призывы, обращенные к великодушию и заботе об общественном благе, оказываются более эффективными, чем призывы, апеллирующие к эгоистическому интересу избирателя. Избиратели хотят услышать, как сделать их жизнь лучше, а не как сделать ее богаче. Духовные ценности важнее экономики». Мало того, что написал — опубликовал бы? Его сочли бы не вполне нормальным, обозвали бы моралистом и отправили бы за пределы прагматичной профессии. Увы (ура?) с Моррисом этот номер не проходит; трудно обозвать дилетантом человека, который двадцать лет «вёл» перспективного политика Билла Клинтона и, будучи его главным политическим консультантом, содействовал превращению провинциального губернатора в общенационального лидера. Особенно если за плечами этого консультанта и другие более чем успешные кампании: от президентской кампании Фердинандо де ла Руа

(Аргентина) до Винсента Фокса (Мексика).

На самом деле Моррис не романтик; он прагматик, наделенный ясными взглядами и твердыми убеждениями. Прагматика толкает его на путь идеализма; прагматика заставляет обсуждать разные электоральные стратегии и настаивать на переходе от представительной демократии к демократии прямой, разрабатывать принципиально новые модели политической рекламы. Для него политическая реклама — это не просто искусство создания и продвижения социальных образов. Образы эти связаны со своими «носителями», партиями и конкретными политиками, но обладают собственной энергетикой и живут в информационном пространстве самостоятельной жизнью. Поскольку глубоко *содержательны*.

Что же до наших реалий, то соотношение между рекламными возможностями отечественных политтехнологов и выборными потребностями избирателей примерно такое же, как между высочайшими технологическими возможностями современного компьютерного «железа» и реальными программными потребностями. Ведущих программистов то и дело обвиняют в сговоре с производителями машин и в искусственной загрузке виртуальной памяти; наши рекламщики слишком часто вынуждены «закачивать» в пустые объемы политической жизни огромные и бессмысленные в своей безразмерности ресурсы.

СМИ и власть*

*Алексей Симонов,
президент Фонда защиты гласности*

Эти заметки — попытка проанализировать и подвести некоторый итог тому, как складывались отношения средств массовой информации и власти с начала перестройки. С моей точки зрения, опыт 1990-х годов показал, что ни власть, ни пресса оказались к взаимодействию не готовы.

Вся советская пресса до середины 1980-х находилась в некоем восторженно-угнетенном состоянии. Кто-то с удовольствием покорялся давлению власти, другим не нравилось то, что приходилось делать, и они испытывали тайный восторг диссидентства. Деятельность и тех, и других можно описать замечательно емкой формулой: «громко, но про себя». Мы «громко, но про себя» хлопали дверью, «громко, но про себя» высказывали протест, «громко, но про себя» выходили на «сенатские площади», которые размещались на наших кухнях. Нам безумно нравились народовольцы — мы считали их воплощением нашего диссидентства; еще больше нам нравились декабристы — мы считали их воплощением собственного благородства. Так у нас возник странный комплекс, который немедленно проявился, как только была объявлена свобода.

Считается, что свободу мы добыли в бою. Это неправда. Признаем честно: нам ее дали. И, получив свободу, мы все — пресса в первую очередь — ни на минуту не остановившись для самоанализа и самокритики, немедленно перешли к проповеди. Не исповедавшись и не совершив покаяния.

Я все время сравниваю постперестроечную ситуацию с «оттепелью». Я — шестидесятник, моя библия — доклад Хрущева на XX

съезде. Но доклад-то был закрытый, так что библия моя предназначалась не для общего употребления, и читал я ее украдкой. Мало того, главный пафос доклада, при всей его значительности, состоял в том, что и те, кто сажал, и те, кого сажали, оказались жертвами культа личности. Давалась индульгенция коллективного освобождения от ответственности. Всякий раз у нас свобода приходит сверху и приносит ее кто-то, у кого совесть не слишком чиста, — это можно сказать и о Хрущеве, и о Горбачеве, и о Ельцине. Совершенно естественно, что их отношение к идее покаяния было чрезвычайно настроженным.

Мы всегда были коллективным целым, и тяга к этому целому в нас очень сильна. Тем не менее, ответственность каждый несет за себя. Это предполагает серьезную самодисциплину, постоянную самопроверку, паузы для самокопания. И множество поводов для недовольства собой. Мы же, не осознав, что несем в самих себе, принялись учить демократии (опыта которой у нас не было), даже не усомнившись в собственном праве на это. Сомнения появились много позже и далеко не у всех. (Скажем, мой друг Егор Яковлев до сих пор считает, что не принес никакого вреда своими пятьюдесятью сериями новой биографии Ленина... А кое-кто из самых ярких проповедников, отхватив жирный кусок и успокоившись, отошел от этой деятельности. Другие же — от Юрия Афанасьева до Виталия Коротича — отступили в тень, стараясь не напоминать о своей роли в недавней истории.) Но тогда, повторю, не было желания остановиться, оглянуться — безоглядно рванули в демократию. Однако на вопросы — что впереди,

* Выступление на семинаре Московской школы политических исследований 21 сентября 1999 года.

кого и куда зовем? — мы были абсолютно не готовы ответить. Эти умонастроения, на мой взгляд, во многом и определили парадоксальные взаимоотношения прессы и власти в 1990-е годы.

Кстати говоря, власть, которая нам противостояла, вышла на тропу войны даже в худшем психологическом состоянии. На нас, в сущности, не лежало никакой ответственности, а они, хотя бы формально, должны были нести ответственность за то, что происходит в стране. В связи с чем в их стане наблюдалась явная растерянность.

На самом деле единственной властью в начале перестройки была власть информационная. (17 миллионов подписчиков «АиФ», 24 миллиона читателей «Труда» — данные, достойные книги рекордов Гиннеса.) Народ прессу читал, журналисты пребывали в эйфории, и никто из них не задумывался над тем, на какие деньги живет. А в 1992 году власть совершила нечто такое, чего мы никак не предполагали: открыто претензий к журналистам никто не предъявлял, никто ничего не запрещал, но неожиданно выяснилось, что карманы у прессы опустели. И добро бы, если бы их «обчистила» прежняя, неуважаемая, атакуемая власть — так нет же, это сделали обожаемые прессой политики, «прогрессивные и демократические». То был первый парадокс, с которым мы столкнулись. Впрочем, пришли в себя довольно быстро.

Я тоже ходил на митинги и даже организовывал их. Вел, например, митинг «Закрытый «Взгляд» под открытым небом» на Манежной площади, куда пришли более 500 тысяч человек. И там у меня впервые возникло ощущение, что я совершенно не разбираюсь во взаимоотношениях прессы и власти. Представлявшие «Взгляд» Александр Любимов, Алексей Захаров, Владислав Листьев и Владимир Мукусев почему-то не рвались к микрофону. Мне объяснили эту странность довольно просто: есть шанс, что им позволят вернуться обратно. Впрочем, я мог бы и сам догадаться — к тому времени у меня уже был опыт создания Фонда защиты гласности. В 1991 году 52 работника кино объявили бойкот Гостелерадио из-за освещения событий в Риге и Вильнюсе. Мы запретили показывать свои лица и

фильмы на экране и обратились с призывом к журналистам Центрального телевидения поддержать нас. А поскольку такое решение грозило им потерей работы, был придуман Фонд защиты гласности — для поддержки тех, кто присоединится к бойкоту. Однако ни один человек не присоединился. Эти журналисты заявили: будем стоять до последнего, пока, если не словами, то выражением лица и интонацией, сможем донести до зрителей хотя бы часть правды. Буквальное попадание в приснопамятную формулу — «громко, но про себя».

Вскоре возникло еще одно знаковое явление: журналисты пошли во власть. Многие «золотые перья» — а телевизионные кумиры просто поголовно — ринулись в депутаты. Новая сфера деятельности пришлась по душе. Выяснилось, что когда ты говоришь правду как журналист, ее пропускают мимо ушей, а когда ты говоришь как депутат — иногда тоже правду, — к тебе начинают относиться со вниманием, в том числе и твои коллеги. Большой соблазн. Мы эту ситуацию не раз обсуждали с любимым и уважаемым мною Юрием Щекочихиным, но и ему не удалось меня переубедить: я считаю, что журналист по определению не может быть депутатом, а депутат журналистом. Депутат может писать статьи, этого права у него никто не отнимает, но журналист депутатом быть не может — он перестает быть журналистом.

Вернемся в 1992 год. Сделавшись бедными, мы остались гордыми. И еще три года испытывали это замечательное чувство. Начали искать способы выживания — в борениях с властью и без ее участия. Этот период был самым романтическим в истории постсоветской журналистики. И рейтинг влияния прессы тогда был наиболее высоким. С одной стороны, хотя тиражи и сократились, действовала инерция больших чисел; с другой — прессу еще не прибрали к рукам, и она выражала то, что думало общество. Именно тогда Михаил Полторанин подкинул журналистам соблазнительный термин — «четвертая власть», причем не очень отдавая себе отчет в том, кто на самом деле является в обществе этой самой «четвертой властью». Скажем, в развитом гражданском обществе такая власть есть. Это общественное мне-

ние — сила, опирающаяся на структуры гражданского общества, выявленные, устойчивые, создающие резонанс при информационном взрыве. Наглядный пример тому — Уотергейтский скандал, приведший к добровольному уходу Ричарда Никсона с поста президента. Поводом же послужила сущая ерунда по сравнению с теми «уотергейтскими», что происходят у нас каждый месяц. Но где тот резонанс, который выбросил из кресла хотя бы одного крупного российского чиновника?! В лучшем случае спустя какое-то время из отголосков скандала, о котором пресса давно забыла, может вырасти уголовное дело.

В 1994 году Александр Минкин подарил мне идею статьи: напечатано множество расследований, где говорится об уголовных нарушениях, после публикации которых не последовали иски о защите чести и достоинства, но ни следствие, ни прокуратура не возбуждали дела по этим фактам. Моя статья «Скорбный список нашего бессилия» появилась в «Известиях». Откликами на нее стали две статьи и один телефонный звонок. Вот и весь общественный резонанс... Кроме всего прочего, это означает, что пресса мало заинтересована в эффективности собственных публикаций.

У О'Генри есть замечательный рассказ о племени зевак, которое, стоит чему-то случиться, тут же окружает место происшествия, чтобы поглазеть и посудачить. И вот двое из этой толпы полюбили друг друга и решили пожениться. Свадьба, венчание, огромная толпа зевак, в которой он и она стоят в ожидании самих себя, того, как они выйдут из церкви... На мой взгляд, это — образ нашей прессы, с ее самодостаточностью, оборачивающейся отсутствием интереса к результатам собственной деятельности.

Как бы там ни было, к 1995 году пресса была на вершине своего влияния и преисполнена самодовольства. Сработала мина, заложенная Полтораниным, — пресса объявила себя «четвертой властью», начисто отринув те функции, которые делают ее в демократических странах важнейшим инструментом этой власти, — функции формирования общественного мнения и формулирования его итогов. Появился даже журнал «Четвертая власть». И это в то время,

когда у нас даже свободы слова в ее общечеловеческом, демократическом понимании нет. (Между прочим, именно поэтому возглавляемый мною Фонд называется Фондом защиты гласности, а не Фондом свободного слова. Защищаем то, что есть...) Свобода слова держится на трех китах: законах, традиции, навыках. Что касается навыков — они еще не сформировались. Традиции? Мы пока еще не расстались с советскими. Законы? В законе о СМИ оговорено, что ему нужна «подпорка» — закон о телевидении. Такого закона нет. Мало того: свобода слова начинается с доступа к информации. Но у нас нет и такого закона. Опереться не на что!

Для сравнения: в Соединенных Штатах, где, как известно, запрещено издавать законы, регламентирующие деятельность СМИ, имеются три закона о доступе граждан к информации. И журналисту не требуется никакого отдельного разрешения, потому что доступ любого гражданина США к информации охраняется этими чрезвычайно подробно разработанными законами.

Я располагаю результатами общественной экспертизы уровня свободы слова, которую провели Союз журналистов России, Фонд защиты гласности, Интерньюс и Национальный институт социально-психологических исследований. Специалисты — прежде всего социологи и юристы, — исходя из трех критериев: свободы получения информации, свободы производства информации и свободы распространения информации, оценили ситуацию в 81 субъекте Российской Федерации. Выяснилось, что на первом месте — с большим отрывом — находится Москва, на восемьдесят первом — с большим отставанием — Республика Башкортостан. Но спектр в целом оказался весьма неожиданным. Скажем, тот любопытный факт, что шестое место занимает Иркутская область, а шестьдесят второе — Псковская, которая возглавляется демократами, наводит на размышления...

Так обстоят дела со свободой слова — в том числе и потому, что в 1996 году прессе предложили сделку: на время отказаться от части завоеванных свобод, «положить их в банк». Дескать, по истечении срока договора свобода будет возвращена с процентами. Отча-

Хельмут Ньютон. Хрупкая. 1967

янные попытки не поддавшихся всеобщей эйфории (в том числе и мои) убедить коллег, что в замкнутом пространстве проценты на свободу не растут, что эта сделка — заведомый обман, ни к чему не привели. Пресса позволила соблазнить себя и унижить — и перестала ощущать себя той силой, какой была прежде. А власть (финансовая, административная, законодательная, какая угодно) поняла, что с прессой можно заключать сделки. Прессу стали покупать, продавать, перепродавать. С 1996 года началась активная атака на завоеванные прессой свободы. Сейчас до 40 процентов газет являются государственной и муниципальной собственностью. Более того, — предсказываю! — в самое ближайшее время на них перестанет распространяться закон о СМИ. Такая газета станет обычным муниципальным учреждением, а журналист — государственным служащим, который будет исполнять указания вышестоящих начальников и писать что надо и как надо. Уже сейчас многие руководители разного ранга говорят с журналистами на языке директив. По моим сведениям, так пытаются разговаривать и с главными редакторами независимых или, во всяком случае, формально государству не принадлежащих изданий — дают руководящие указания, грозят санкциями. Похоже, что журналисты эту опасность недооценивают. Союз журналистов в Перми даже хотел создать свою палату по информационным спорам во главе с ... губернатором. Вообще ситуация с союзами журналистов заслуживает отдельного разговора. По моим подсчетам, сегодня уже примерно 20 процентов из них возглавляют чиновники. Скажем, председатель Союза журналистов на Белгородчине одновременно является председателем комитета по прессе областной администрации. Он на государственной службе и, совершенно естественно, выполняет заказ тех, от кого получает зарплату. А Российский союз ничего с этим поделать не может, поскольку так решили сами белгородские журналисты. Точно так же липецкие журналисты выбрали председателем своей областной организации вице-губернатора. Многие журналистские организации на это идут, рассчитывая получить некий приварок. И получают — в обмен на ограничение свободы.

Был задействован и один из наиболее отработанных способов давления на прессу — самый действенный и удобный — иски о защите чести и достоинства. По мониторингу, который ведется нашим Фондом, конфликты — огрубляя — делятся на те, где пресса выступает в качестве потерпевшего, и те, где прессе инкриминируется какая-то вина, причем неважно, будет ли она потом признана судом. Итак, пресса — виновник или потерпевший? Соотношение таково: в 1995 году в 15 процентах дел она выступала в качестве ответчика, обвиняемого, в 85 процентах — в качестве потерпевшего; в 1996 году это соотношение выглядит как 35 процентов к 65-ти; в 1997 — 46 к 54 процентам; в 1998 году в 60 процентах конфликтов пресса считалась виновной и только в 40 процентах случаев были ущемлены ее права. (На самом деле права прессы были ущемлены более чем в половине тех случаев, когда она считалась виновной, но это уже другой разговор.) Это — то же ущемление прав прессы, но абсолютно цивилизованным путем, через наш независимый народный суд. И оно особенно опасно — ибо выглядит законным. Мы даже обнаружили, что в 1998 году одновременно с ростом числа исков о защите чести и достоинства снизилось количество случаев криминального насилия по отношению к отдельным журналистам и редакциям. Зачем возиться с бензином или железными трубами, когда можно подать иск и «раздеть» газету, средство массовой информации, абсолютно законным путем, оставаясь при этом цивилизованным человеком?

Осознав важность проблемы с исками и судами, наш Фонд организовал психолингвистическое исследование законодательной терминологии. Мы попытались выяснить, насколько точно прописаны в законах понятия «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление» и тому подобное, и убедились, что весьма нечетко. Скажем, что такое «деловая репутация», и кто ею обладает? Логично предположить, что тот, у кого есть «дело», связанное в той или иной степени с торговым оборотом. Но это означает, что, скажем, мэр Москвы обладает деловой репутацией только в том случае, если занимается запрещенной ему — по статусу —

деятельностью. Однако нигде в законе это ясно не прописано! Мы организовали конференцию с весьма широким спектром участников, включая Верховный суд и Квалификационную коллегия судей, провели исследование взаимоотношений судебной власти и СМИ, выпустили книгу на данную тему, участвовали в заседании Совета при президенте по усовершенствованию правосудия. Между прочим, председатель Верховного суда пообещал нам провести специальный пленум Верховного суда, посвященный проблеме исков о защите чести и достоинства — мы предоставили список дел, при рассмотрении которых, с нашей точки зрения, было неверно применено законодательство.

Еще об опасностях. Выяснилось, что прессу очень легко купить. Как говорится, единожды солгавший, кто тебе поверит? Однажды продавшись... — дальше вопрос только в цене. В 1994 году наш Фонд совместно с Тюменским центром прикладной этики провел межрегиональное (Москва и Тюмень) исследование «Дух свободной корпорации. Возможны ли правила честной игры в журналистике?». Обнаружилось, что если раньше можно было себе представить обсуждение этических вопросов на уровне редакций, то сегодня такие вопросы если и обсуждаются, то только отдельными журналистами. Этические нормы стали абсолютно индивидуальными, каждый отвечает за себя. В том числе как профессионал. Попытки выработать нормы корпоративные, как правило, совершенно безуспешны.

Такова картина последнего десятилетия, не слишком приглядная. Вопрос состоит в том, можно ли ее изменить, а если можно, то как, и какова в этом роль нашего Фонда.

Начнем с того, что свобода слова предполагает наличие гласности и слышимости. Со слышимостью у нас проблемы, но с гласностью пока еще неплохо, и это уже хорошо. Потому что если мы потеряем возможность выкрикивать из толпы, что король голый, если мы потеряем возможность подписывать эти реплики собственными именами, пусть даже оставаясь в сегодняшних услови-

ях мальчиками из толпы, — мы потеряем все, мы потеряем надежду. А значит, надо всеми силами оборонять гласность.

Делать это становится все труднее, идет активное давление на СМИ. Можно вспом-

Принципиально важно, чтобы пресса стала мощным инструментом, формирующим и формулирующим общественное мнение, выполнив тем самым свою гражданскую роль

нить хотя бы законотворческий порыв 1998 года, весь комплекс, к счастью, не принятых или недопринятых законов... Не было ни одного, который не содержал бы положений, откровенно направленных на ущемление свободы слова. Все это означает введение цензуры в любом виде и под любым предлогом. Наше счастье, что руководить прессой хочется не кому-то одному, а многим, и они не могут между собой договориться. Тот факт, что руководить нужно, сомнению для власти не подлежит. А потому, когда зашла речь о создании наблюдательного совета по этике, консенсус был достигнут чрезвычайно легко.

В середине 1990-х годов обозначилась еще одна проблема: наиболее крупные и авторитетные СМИ начали «сжиматься» с теми или иными властными силами. Их интересы воспринимается и подаются как интересы благородные, а интересы их соперников — как интересы подлые. Идет вброс компромата. При этом логику здесь искать бессмысленно. За информационными баталиями — столкновение политических интересов. Самая большая беда, которая может произойти и уже происходит, состоит в том, что интересы прессы и власти зачастую совпадают, и законы попираются. В этой ситуации задача Фонда защиты гласности — всеми силами защищать закон. Установка на обслуживание власти особенно опасна в преддверии выборов. Сейчас принципиально важно, чтобы пресса стала мощным инструментом, формирующим и формулирующим общественное мнение, выполнив тем самым свою гражданскую роль.

В защиту права

Борис Кистяковский

«Право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более относительно, его содержание создается отчасти изменчивыми экономическими и социальными условиями. Это и дает повод некоторым теоретикам определять очень низко его ценность... <Между тем> из всех формальных ценностей, право, как наиболее совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль... Дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком — тождественные понятия».

* * *

«Главное и самое существенное содержание права составляет свобода. Правда, это свобода внешняя, относительная, обусловленная общественной средой. Но внутренняя, более безотносительная, духовная свобода возможна только при существовании свободы внешней, и последняя есть самая лучшая школа для первой».

* * *

«Если мы сосредоточим свое внимание на правовой организации конституционного государства, то для уяснения его природы мы должны обратиться к понятию права в его чистом виде, то есть с его подлинным содержанием, не заимствованным из экономических и социальных отношений. Тогда недостаточно будет указывать на то, что право разграничивает интересы или создает компромисс между ними, а надо прямо настаивать на том, что право только там, где есть свобода личности. В этом смысле правовой порядок и есть система отношений, при которой все лица данного общества обладают наибольшей свободой деятельности и самоопределения».

* * *

«Всякая общественная организация нуждается в *правовых* нормах, то есть в правилах, регулирующих не внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их поведение внешнее. Определяя внешнее поведение, правовые нормы, однако, сами не являются чем-то внешним, так как они живут, прежде всего, в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы. Только будучи выраженными в статьях законов или примененными в жизни, они приобретают и внешнее существование. Между тем, игнорируя все внутреннее или, как теперь выража-

ются, интуитивное право, наша интеллигенция считала правом только те безжизненные нормы, которые так легко укладываются в статьи и параграфы писаного закона или какого-нибудь устава...

Здесь мы имеем одно из типичнейших проявлений низкого уровня правосознания. Как известно, тенденция к подробной регламентации и регулированию всех общественных отношений статьями писанных законов присуща полицейскому государству, и она составляет отличительный признак его в противоположность государству правовому. Можно сказать, что правосознание нашей интеллигенции и находится на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности».

* * *

«Обратим внимание лишь на одну в высшей степени характерную черту наших партийных организаций. Нигде не говорят так много о партийной дисциплине, как у нас; во всех партиях, на всех съездах ведутся нескончаемые рассуждения о требованиях, предписываемых дисциплиной. Конечно, многие склонны объяснять это тем, что открытые организации для нас дело новое, и в таком объяснении есть доля истины. Но это не вся и не главная истина. Наиболее существенная причина этого явления заключается в том, что нашей интеллигенции чужды те правовые убеждения, которые дисциплинировали бы ее внутренне. Мы нуждаемся в дисциплине внешней именно потому, что у нас нет внутренней дисциплины. Тут опять мы принимаем право не как правовое убеждение, а как принудительное правило».

* * *

«На примере организаций мы старались показать, насколько наша интеллигенция способна участвовать в правовой реорганизации государства, то есть в претворении государственной власти *из власти силы во власть права*. И наша характеристика была бы не полна, если бы мы не остановились на отношении к суду. Суд есть то учреждение, в котором прежде всего констатируется и устанавливается право... Даже законодательная деятельность народного представительства не может устранить значение суда для осуществления господства права в государстве. В современном конституционном государстве суд есть, прежде всего, хранитель действующего права <...> и народ с развитым правосознанием должен интересоваться и дорожить своим судом, как хранителем и органом своего правопорядка».

* * *

«Насколько, однако, поразительно равнодушие нашего общества к *гражданскому суду*. Широкие слои общества совсем не интересуются его организацией и деятельностью. Наша общая пресса никогда не занимается его значением для развития нашего права, она не сообщает сведений о наиболее важных, с правовой точки зрения, решениях его, и если упоминает о нем, то только из-за сенсационных процессов. Между тем, если бы наша интеллигенция контролировала и регулировала наш гражданский суд, который поставлен в сравнительно независимое положение, то он мог бы оказать громадное влияние на упрочение и развитие нашего гражданского правопорядка».

Ричард Нойштадт

31 октября 2003 года в возрасте 84 лет скончался Ричард Нойштадт, советник Белого дома, известный американский историк, эксперт Московской школы политических исследований. Ричард Нойштадт был советником президентов Гарри Трумэна, Джона Ф. Кеннеди и Линдона Джонсона, а также автором многочисленных книг об институте президентства. На протяжении нескольких десятилетий его работы оставались классическими для учёных, занимающихся исследованием проблем государства, а также для политиков высокого ранга. «Я благодарен судьбе за его дружбу и мудрые советы», – сказал о нем экс-президент США Билл Клинтон.

«Президентская власть и нынешние президенты» – самая известная работа Нойштадта об институте президентства. Многие учёные считают ее современной версией ренессансной книги Макиавелли «Государь». Впервые вышедшая в свет в 1960 году и много раз переиздававшаяся, в России она была издана Московской школой политических исследований. «Президентская власть – это власть убеждать», – говорил Нойштадт.

Заняв пост советника в администрации Трумэна в 1950 году, профессор Нойштадт в 1960-х состоял консультантом нескольких федеральных агентств и законодательных органов. В частности, был консультантом Бюджетного департамента США, сенатского подкомитета по кадровому обеспечению органов национальной безопасности, Комиссии по атомной энергии. В 1965 году он стал адъюнкт-профессором Гарвардского университета и вместе с тремя другими американскими учёными входил в кружок «отцов-основателей», названных так за их роль в преобразовании гарвардской Высшей школы государственного управления в Школу исследования государства имени Кеннеди.

В последние годы профессор Нойштадт неоднократно выступал с докладами в Московской школе политических исследований. Все, кто его видел, слушал его выступления, ответы на вопросы, разговаривал с ним, никогда не забудут его улыбку, юмор, темперамент, ясность мысли. Это был блестящий лектор, незабываемый собеседник и замечательный, умный человек.

Лена Немифовская,
Юрий Сенокосов

CONTENTS

THE EVENT

Congratulations of the President of the Russian Federation Vladimir Putin	5
Speech of the Ambassador of the United Kingdom to the Russian Federation Sir Roderic Lyne	7
Congratulations	10

SEMINAR

Governing the Changes	16
<i>Aleksander Zurabov</i>	
Discussion	25
Notes from the Seminar	28
<i>Aleksander Khrustalev</i>	

THEME OF THE ISSUE

Politician and Journalist: Interaction Points	30
<i>Zoya Yeroshok</i>	
Informational Internet in the Contemporary Russia	34
<i>Natalya Loseva</i>	
Russian Television: A Look from the Inside	41
<i>Irina Lukyanova</i>	

XXI CENTURY: CHALLENGES AND THREATS

On the New Understanding of Terrorism	44
<i>Richard Perle</i>	
Global Security: New Agenda	48
<i>Christopher Donnelly</i>	
Society and the Army	53
<i>Lord Charles Guthrie</i>	

CONCEPT

Russia's Damnation?	58
<i>Igor' Maskaev</i>	

DISCUSSION

Elections and Choice	65
<i>Aleksander Arkhangelski</i>	

ANNOUNCEMENT

Our Economy	71
<i>Klas Eklund</i>	
Men in Dark Times	74
<i>Hanna Arendt</i>	

Essay on the Vocation of a Politician76
Gabriel Elorriaga Fernandez

FREEDOM AND CULTURE

Freedom and Democracy in Russia are not to be perceived as Values78
Aleksander Volkov

NEW PRACTICES AND INSTITUTIONS

Press Development86
Ol'ga Karabanova

AN INDIVIDUAL EXPERIENCE

Aleksander Sysoev: "I shall win!"91
Irina Serbina

IDEAS AND NOTIONS

Globalization93
Irina Busygina, Andrei Zakharov

FROM FOREIGN PUBLICATIONS

"Esprit"98
Death of the Arab Nationalist Ideology99
Benjamin Stora

BOOKS

Parties in the Regional Political Landscape104
Irina Busygina
Regional Reviv of Book107
Aleksander Kapishin, Yeugeni Barabanov
Counter-Point110
Aleksander Arkhangelski

OUR ARCHIVE

Mass Media and Authority114
Aleksei Simonov

NOTA BENE

In the Defence of the Law120
Boris Kistyakowski

Richard Neustadt

122

СОДЕРЖАНИЕ
журнала «Общая тетрадь» за 2003 г.

Событие

Вальтер Швиммер

Приветственная речь (№ 1)

Поздравление Президента
Российской Федерации
В.В. Путина (№ 4)

Поздравления (№ 4)

Речь посла
Великобритании
Родерика Лайна (№ 4)

К читателю (№ 2, 3)

Семинар

Вильямс Ширли

Европейский союз и
Россия (№ 1)

Гиренко Юрий

Заметки с семинара
(№ 2, 3)

Зурабов Александр

Управление изменениями
(№ 4)

Манделсон Питер

Взаимозависимость
Европы и США (№ 3)

Мак-Шейн Деннис

Россия и Европа (№ 1)

Немировская Елена

Тэтчер Маргарет

Школа свободы (№ 1)

Пайнс Ричард

Либерализм на Западе и
в России (№ 2)

Ходорковский Михаил

Вопросы и ответы (№ 1)

Хрусталева Александр

Заметки с семинара (№ 4)

Тема номера

Аш Тимоти Гартон, Мертес

Михаэль, Моизи Доминик

Только «Клуб трех» может
сделать Европу единой
(№ 3)

Валков Александр

Вера в Просвещение (№ 1)

Ерошок Зоя

Политик и журналист:
точки взаимодействия
(№ 4)

Лосева Наталья

Информационный
Интернет в современной
России (№ 4)

Лукьянова Ирина

Российское телевидение:
взгляд изнутри (№ 4)

Моизи Доминик

Россия между Европой и
Америкой (№ 3)

Немировская Елена

Лоран Жан-Луи

Школа десять лет спустя
(№ 1)

От Эрнеста Геллнера
(№ 1)

Петренко Роман

Развитие телевизионного
бизнеса в России (№ 2)

Ростовский Яцек

Моральные основы
капитализма (№ 2)

Сулман Михаил

Шведская модель
капитализма (№ 2)

Тренин Дмитрий

Россия: новые парадигмы
безопасности (№ 3)

XXI век: вызовы и угрозы

Гарфинкл Адам

Ближневосточная
демократия и новые
миссионеры (№ 3)

Гатри Чарльз

Общество и армия (№ 4)

Донелли Кристофер

Глобальная безопасность:
новая повестка дня (№ 4)

Коукер Кристофер

Наступивший век зовет
к переосмыслению
проблемы безопасности
(№ 1)

Коукер Кристофер

Либеральная идея и
глобализация (№ 2)

Лалюмьер Катрин
Как обеспечить
безопасность в Европе
(№ 1)

Мертес Михаэль
Судьба либерализма
в XXI веке (№ 2)

Перл Ричард
О новом понимании
терроризма (№ 4)

*Цуканов Андрей,
Вязмитинова Людмила*
О глобализации (№ 3)

Эмерсон Майкл
Вокруг Европы:
проблемы и варианты
(№ 2)

Концепция

Маскаев Игорь
Проклятие России? (№ 4)

Морцакова Тамара
Судебно-правовая реформа
(№ 3)

Преображенский Владимир
Сценарий для России-2015
(№ 1)

Теплухин Павел
Пенсионная реформа в
России (№ 2)

Дискуссия

Архангельский Александр
Выборы и Выбор (№ 4)

Вебер Мария Долорес Альгора
Арабы возвращаются:
эффект испанской
культуры (№ 2)

Волков Александр
Ждать или догонять? (№ 2)

Краснов Михаил
Реформа власти? (№ 3)

*Мастерская
Владимира Рыжкова*
Политическая конкуренция
в современной России
(№ 1)

Мошкин Сергей
Патриотическая идея
сегодня (№ 1)

Салмин Алексей
Политические институты
России (№ 3)

Шмелев Владимир
Столица и провинция
(№ 2)

Наш анонс

Арендт Ханна
Люди в темные времена
(№ 4)

Эклунд Клас
Наша экономика (№ 4)

Элорриага Фернандес Габриэль
Эссе о призвании политика
(№ 4)

Свобода и культура

Барабанов Евгений
Культура: «за» и «против»
(№ 2)

Бринтон Крейн
Наша нынешняя
неудовлетворенность (№ 3)

Волков Александр
Свобода и демократия – в
России не ценности (№ 4)

Оруэлл Джордж
Заметки о национализме
(№ 1)

Новые практики и институты

Жилыкова Екатерина
Школа школ (№ 1)

Зеленцова Анна
Просвещение
в «режиме реального
времени» (№ 1)

Карабанова Ольга
Институт развития прессы
(№ 4)

Ковлер Анатолий
Европейский суд по правам
человека (№ 2)

Пизли Кэрл
Международная помощь
развитию гражданского
общества (№ 2)

Фриер Пола
Лоббизм в американской
политической системе
(№ 3)

Личный опыт

Архангельский Александр
Штрихи к политическому
портрету Владимира
Рыжкова (№ 1)

Ерошок Зоя
Евгений Греков: «Я –
пессимистичный идеалист»
(№ 1)

Ерошок Зоя
Игорь Князев:
«Хотели, как лучше –
и получилось!»
(№ 3)

Никитин Андрей
Романтический чиновник
эпохи политического
прагматизма (№ 2)

Сербина Ирина
Александр Сысоев: «Иду
побеждать!» (№ 4)

Идеи и понятия

Бусыгина Ирина,
Захаров Андрей
Глобализация (№ 4)

Геллнер Эрнест
Россия, Европа и
Просвещение (№ 1)

Норквист Гровер
Демократия и
налогообложение (№ 2)

Таршис Даниель
Демократический аудит
(№ 3)

Из зарубежных изданий

«Commentary» (№ 2)

«Esprit»
Стора Бенжамин
Смерть идеологии
арабского национализма
(№ 4)

Казанова Жан-Клод
«Commentaire» (№ 3)

Лами Паскаль
За европейский взгляд
на глобализацию
(№ 3)

Либер Роберт
Тщетность сдерживания
(№ 2)

Другая страна

Афанасьев Михаил
Выборы по-украински – еще
раз о самом главном (№ 3)

Мертес Михаэль
«Это не экономика,
дурчок!» (№ 1)

Нюберг Рене
Православные Финляндии
между Востоком и Западом
(№ 1)

Европа

Пинто Диана
Европа 1992–2002 (№ 2)

Книги

Бусыгина Ирина
Партии в региональном
политическом ландшафте
(№ 4)

Бусыгина Ирина
Поиски идентичности
(№ 3)

Кэрл Кристиан
Надо ли кормить русских
с ложки? (№ 2)

Хоскинг Джеффри
Российская нация:
эксперимент не удался?
(№ 1)

Региональное книжное обозрение

Александров В. (№ 2),
Барабанов Евгений (№ 4)

Капишин Александр
(№ 2, 3, 4)
Стафостина Инга
(№ 1, № 3)

Контрапункт

Ведет Александр
Архангельский (№ 1, 2, 3, 4)

Наш архив

Симонов Алексей
СМИ и власть (№ 4)

Хезелтайн Майкл
Социальная политика в
Великобритании (№ 2)

Хиль-Роблес Альваро
Этика в политике, или о
необходимости подавать
пример в публичной жизни
(№ 3)

Nota bene

Гиренко Юрий
Школа. Исторический
очерк (№ 1)

Кистяковский Борис
В защиту права (№ 4)

Князев Игорь
Сибирь выбирает свободу
(№ 3)

Щербенко Эдуард
Генерация, или герой
нашего времени (№ 2)

Ричард Нойшгадт (№ 4)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ДУМСКИЕ ВЫБОРЫ – 2003

СЕМИНАР

(Голицыно, июль-август 2003)

Наши авторы:

Александр Архангельский

Стивен Бартер

Гарольд Берман

Ирина Бусыгина

Андрей Захаров

Юрий Левада

Михаэль Мертес

Игорь Минтусов

Татьяна Нестеренко

Йонас Риддерстрале

Лус Рамакер

Владимир Рыжков

Марк Урнов

Подписано к печати 17.12.2003.

Формат 70×108/16.

Бумага мелованная.

Гарнитура NewBaskerville.

Усл.-печ. л. 8.00.

Тираж 1500 экз.

Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.

e-mail: msps@co.ru

<http://www.msps.ru>

ЛР №00972 от 14.02.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Московской типографии № 6 Минпечати РФ
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

